СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 5

1907

17376

Пров. 52

ИЗДАНІЕ
С.ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТ.
ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1907.

LA REVUE SLAVE

POLITIQUE, LITTÉRAIRE ET ARTISTIQUE.

Rédaction et Administration: Paris, 50 Rue Molitor (XVI). Prix de l'abonnement: France et Etranger . . . 30 Fr. (un an).

Българска Сбирка

списание за книжнина, исторически и обществени знания.
Годишно струва: въ България 8 л., въ чужбина 9 л., въ Русия 3 р.
Адресъ: София, ул. „Славянска" № 26. Редакторъ *С. С. Бобчевъ.*

SLOVANSKÝ PŘEHELD

Předplatné (i s poštovní zásilkou) do všech zemí Rakousko-Uherska, Bosny a Hercegoviny K 8.—, do Německa K 9.—(8 marek), do celého ostatního starého i nového světa K 9.20 (6 franků, 4 ruble). Administrace Slovanského Prehledu (F. Šimáček), v Praze, Jeruzalémská ul. 11. Všecky zásilky, týkající se **redakce** (rukopisy, knihy k oznámení a časop. na výměnu atd.), budtež zasílány **redaktoru Ad. Černemu (Praha-ul. Karoliny Světlé 9.**

„Świat Słowiański"

miesięcznik poświęcony słowianoznawstwu i przeglądowi spraw słowiańskich. Prenumerata całoroczne wraz z przesyłką pocztową wynosi 10 K., kwartalnie 2 K., 50 hal. **Adres** redakcyi i administracyi: **Kraków, ul. Podzamcze 14.**

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 5 Іюнь—Сентябрь 1907 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. *В. И. Никольскій.* О русскомъ національномъ самосознаніи 343

II. *Л. П. Лобовъ.* Къ исторіи славянофильства 366

III. *Н. О-ный.* Сербско-турецкая война 1876 г., гл. III . 373

IV. *Р-цъ.* Черногорская автократія и конституція. . . . 387

V. *Э. Ю. Мука.* Полабскіе славяне. Очерки. Часть III . . 394

VI. Избирательная реформа въ Австріи 408

VII. Знаменательная годовщина 415

стр.

VIII. Изъ славянскихъ поэтовъ. Антонъ Ашкерцъ. Переводы *А. Н. Сиротинина* . 418

IX. *А. И. Яцимирскій.* Новѣйшія теченія въ польской литературѣ 421

X. *К. Д. Бербенко.* Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова 446

XI. *В. К-въ.* Патріархъ Георгій Бранковичъ. Некрологъ . . 459

XII. *Л-чъ.* А. А. Кочубинскій. Некрологъ 462

XIII Хроника славянской жизни 464

XIV. Библіографія 473

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1907.

О русскомъ національномъ самосознаніи.

Очеркъ проф. Вл. Ив. Никольскаго.

I.

Значеніе національной идеи.

Переживаемое нами смутное, переходное время и подъ-часъ хаотическое состояніе обусловливается и поддерживается, съ одной стороны, нашимъ безразличіемъ и спячкою, которымъ мы издавна подвержены, съ другой стороны, нынѣ крайне обострившимися политическимъ психозомъ и эгоистическимъ стремленіемъ многихъ лицъ, обнаруживающимися массою отъ едва предосудительныхъ поступковъ до самыхъ тяжелыхъ преступленій—убійствъ, разгромовъ и грабежей. Въ виду этого настоятельно требуется для насъ и освобожденіе отъ политическаго психоза и эгоизма, и главнымъ образомъ самое дѣятельное общественное пробужденіе. Въ основѣ нашего самоисправленія долженъ быть положенъ правильно выраженный и общепризнанный русскій національный идеалъ или русское національное самосознаніе, подъ руководствомъ котораго мы должны заняться предстоящимъ намъ великимъ національнымъ дѣломъ, дѣломъ возрожденія и обновленія нашей родины посредствомъ проведенія въ жизнь соотвѣтствующихъ реформъ и преобразованій.

Можно безконечное множество говорить и писать и при томъ, повидимому, очень много хорошаго и красиваго о всѣхъ предстоящихъ реформахъ, о нашемъ пробужденіи, возрожденіи и проч., но все это будетъ, такъ сказать, висѣть въ воздухѣ и не будетъ достигать желательныхъ результатовъ, если мы не примемъ въ соображеніе—времени, пространства и весьма многихъ другихъ условій, изъ которыхъ слагается существованіе людей: перемѣны къ лучшему возможны на дѣлѣ только въ томъ, что уже имѣется въ нашей жизни, и что именно требуетъ улучшеній и преобразованій и при помощи такихъ средствъ, которыя оказываются

наиболѣе дѣйствительными изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи. Такимъ образомъ, лишь точное и всестороннее національное самоизученіе и самоопредѣленіе или самосознаніе въ состояніи способствовать національному или народному самоисправленію и самовозрожденію, при чемъ выяснится не только то, „что“ именно требуется для нашего улучшенія, но и то, „когда“ и „какимъ образомъ“ слѣдуетъ произвести это. Дѣло національнаго самоисправленія, ведущаго къ національному прогрессу, подобно дѣлу индивидуализированнаго самоизлѣченія больныхъ, какъ это принято въ медицинѣ; врачъ только тогда принесетъ пользу больному, когда онъ, врачъ, выяснитъ по возможности точно всѣ уклоненія, ихъ причину и взаимную связь именно у даннаго больного индивидуума и, на этомъ основаніи, съумѣетъ поставить его—при помощи различнаго рода средствъ—въ благопріятныя условія для его самоизлѣченія. То же самое надо сказать и относительно національнаго дѣла улучшенія родины, которое должно вестись сообразно съ національными особенностями ея.

Какъ справедливо говорятъ и пишутъ въ настоящее время, наприм., о всеобщемъ обученіи народа грамотѣ и о предоставленіи крестьянамъ необходимыхъ земельныхъ угодій для того, чтобы предотвратить невѣжество и постоянныя голодовки въ народѣ! Но какъ много здѣсь еще недосказаннаго!... Даже значительное расширеніе крестьянскаго землепользованія, въ лучшемъ случаѣ, поведетъ только къ временной помощи народу: съ увеличеніемъ народонаселенія опять наступитъ недостатокъ въ землѣ; но слѣдуетъ ожидать при этомъ и худшаго, а именно—еще большаго обезлѣсенія Европейской Россіи, возможнаго распространенія пьянства среди народа, уничтоженія такихъ крупныхъ хозяйствъ, которыя поставлены болѣе или менѣе разумно и которыя могли оказывать благопріятное вліяніе на мелкія крестьянскія хозяйства, на производительность страны и проч. Слѣдовательно, одного надѣленія крестьянъ землею далеко еще не достаточно. Дорого стоющее всеобщее да еще обязательное обученіе народа въ школѣ можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ свестись къ непроизводительной затратѣ капитала; вѣдь далеко недостаточно для народа получить хотя бы и первоначальное образованіе, а необходимо его возможно болѣе использовать для культурныхъ цѣлей, но спрашивается, насколько эти цѣли достижимы на самомъ дѣлѣ для крестьянина, и не выучится-ли онъ грамотѣ, чтобы потомъ въ большинствѣ случаевъ забыть ее безъ всякой пользы для себя и окружающихъ.

Разумѣется, только всестороннее пониманіе нашей родины, какъ реальнаго общественнаго организма, со всѣми его идеалами, достоинствами и со всѣми его недостатками или національное самосознаніе дастъ основаніе для цѣлесообразнаго направленія реформъ и преобразованій.

Наше русское самосознаніе должно показать намъ, что въ настоящее время для многихъ изъ насъ требуется прежде всего одуматься и поуспокоиться, а потомъ уже приняться за очень серьезное и сложное дѣло устроенія земли русской: иначе дѣло не подвинется ни на одинъ шагъ, на что указала намъ, напр., наша преждевременно распущенная Госуд. Дума перваго и второго призыва. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что наша Государственная Дума только тогда начнетъ правильно исполнять свои обязанности, когда каждый членъ ея, руководясь національной идеей, т. е. тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ, будетъ всецѣло преданъ своему долгу „по существу“, а не въ силу партійности, вложитъ въ него всю свою душу и съ правительственными учрежденіями будетъ дѣйствовать солидарно, внимая также заявленіямъ прессы. Такимъ образомъ, должно существовать вполнѣ нормальное взаимодѣйствіе между дѣятельностью Государственной Думы и правительственными органами, какъ представителей, съ одной стороны, болѣе національной идеи и, съ другой стороны, болѣе государственности.

Георгъ Клейновъ заявляетъ, что только тотъ народъ окажется жизнеспособнымъ, который своимъ лозунгомъ поставитъ національный идеалъ, но не иной какой-либо принципъ и отнюдь не соціальный. Поэтому, на взглядъ автора, теперешнее увлеченіе русскихъ общественныхъ дѣятелей всечеловѣческими теоріями общественности—явленіе скоропреходящее, и когда разбушевавшіяся страсти улягутся, то придетъ чередъ для болѣе здраваго служенія національнымъ интересамъ (Георгъ Клейновъ, Aus Russlands Not u. Hofen, Berlin, 1906 г.). Дѣйствительно, все это прекрасно если не понимаютъ, то во всякомъ случаѣ предчувствуютъ практическіе люди изъ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій, которые, какъ они заявляютъ въ печати, въ національномъ направленіи видятъ „черносотенное“ движеніе, желая этимъ, конечно, дискредитировать это направленіе. Но, какъ увидимъ, такое толкованіе націонализма рѣшительно ни на чемъ не основано.

То же національное направленіе въ политикѣ покажетъ намъ, что въ дѣлѣ устроенія земли русской нельзя ограничиться перенесеніемъ на нашу почву лишь внѣшнихъ и поверхностныхъ сторонъ западной культуры, наиболѣе легко воспринимаемыхъ

нами. Каждое западное государство, несмотря на многія отрицательныя стороны ихъ культуры, однако болѣе или менѣе легко противостоитъ разрушительнымъ элементамъ и хаосу, въ силу укоренившихся вѣками внутреннихъ устоевъ, выразившихся между прочимъ въ большомъ распространеніи консервативныхъ и здравыхъ идей. Вотъ такихъ то устоевъ наша интеллигенція, повидимому, еще не выработала въ должной мѣрѣ, и если Россія еще далека отъ окончательнаго хаоса, то благодаря не своей культурѣ, а въ большей мѣрѣ внутреннему національному самосознанію простого народа, народному консерватизму, частью сознательному, частью несознательному, опираясь на который наше правительство въ состояніи сохранить государственный строй.

Выясненіе нашей національной идеи и проведеніе ея въ жизнь, въ томъ смыслѣ, какъ это было сказано выше, пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ наше время, послѣ манифеста 17 октября, когда, съ уничтоженіемъ всевластнаго бюрократическаго режима, національное самоопредѣленіе въ личномъ, общественномъ и государственномъ отношеніи для каждаго русскаго гражданина не только желательно, но даже въ высокой мѣрѣ необходимо, какъ своего рода общественная и государственная повинность.

Надо помнить, что политическіе союзы и партіи, на которые возлагаютъ слишкомъ много надеждъ, представляютъ не цѣль, а только средства, при помощи которыхъ возможно достигнуть опредѣленной цѣли, цѣли устроенія нашей родины; но, конечно, эта цѣль можетъ быть достигнута лишь при условіи совершенно правильнаго пониманія и разрѣшенія затрагиваемыхъ ими жизненныхъ вопросовъ. А въ основу такого именно рѣшенія подобныхъ вопросовъ слѣдуетъ положить опять, повторяемъ, національный принципъ. Этотъ же принципъ долженъ объединить всѣ тѣ партіи и союзы, которые желаютъ поработать исключительно на пользу родины и ближнихъ.

Итакъ, мы должны стоять за нашу народность, за наше русское самосознаніе, какъ за необходимое условіе нахожденія дѣйствительныхъ и кратчайшихъ путей для водворенія порядка на Руси и для ея прогрессивнаго развитія. Только при настойчивомъ руководительствѣ національными началами, наши — верховная власть, народное представительство и правительство, съ Божіей помощію, въ состояніи будутъ, при нашихъ осложнившихся историческихъ обстоятельствахъ, сыграть роли и „варяговъ“ XX-го столѣтія, и „могучаго генія“ Петра Великаго.

II.

Неопредѣленность русской національ. идеи. Признаки нашей безнародности.

Выяснивши значеніе національнаго самосознанія въ общемъ смыслѣ, мы въ этомъ очеркѣ попытаемся опредѣлить въ частности, что слѣдуетъ понимать подъ словами — „русское національное самосознаніе, русскія національныя черты, русская народность, національность“ и т. п. Предварительно замѣтимъ, что всѣми этими словами обыкновенно злоупотребляютъ и въ этихъ словахъ для насъ заключается еще много неопредѣленнаго, неяснаго и противорѣчиваго. Такъ извѣстно, что въ наше время анархисты, революціонеры и пр., совершая цѣлый рядъ самыхъ гнусныхъ и страшныхъ преступленій, въ довершеніе своихъ злодѣяній, обыкновенно ссылаются на то, что де русскій народъ далъ имъ право постановлять смертные приговоры надъ должностными и правительственными лицами и приводить эти приговоры въ исполненіе. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что русскій народъ не давалъ такого права этимъ лицамъ, соціалистическія, коммунистическія и пр. идеи крайнихъ политическихъ союзовъ тѣмъ и характеризуются, что онѣ по своей безпочвенности и безнародности совершенно не приложимы къ жизни и оказываются въ полномъ смыслѣ „утопіями“, хотя бы и казались онѣ съ виду заманчивыми и многообѣщающими. Далѣе, съ одной стороны, какъ всѣмъ извѣстно, среди русскихъ общественныхъ дѣятелей весьма распространены и безнародность и космополитизмъ, съ другой же стороны, многіе на Руси и въ настоящее время склонны считать, что русскій духъ только тамъ, гдѣ, выражаясь словами Бѣлинскаго, есть зипунъ, лапти, сивуха и кислая капуста. Кромѣ того, русское народное самосознаніе довольно часто выражается совершенно недопустимыми крайностями, а именно—или безусловнымъ самовосхваленіемъ всего русскаго (впрочемъ, въ настоящее время сравнительно рѣдко), или, напротивъ, чрезмѣрнымъ самоосужденіемъ и даже самооплеваніемъ (теперь очень часто). Какъ сказано, въ настоящее время среди насъ довольно распространено совершенно неправильное и, даже болѣе, совершенно нелѣпое и абсурдное мнѣніе, что яко-бы все, связанное съ понятіемъ о національнизмѣ, народности, о патріотизмѣ, представляетъ нѣчто исключительно консервативное, обреченное на неподвижность и вообще нѣчто „черносотенное“. На дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: нормальное и дѣйствительно прогрессивное развитіе общества только и мыслимо на основахъ національнизма:

всѣми принято считать, что дѣятельность и творчество всѣхъ русскихъ геніальныхъ личностей и особенно такихъ, какъ Петръ Великій и Пушкинъ и мног. друг. были въ высокой степени народны, національны. Припомнимъ также, что политическій переворотъ во Франціи совершался между прочимъ и во имя національной идеи.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что врядъ-ли каждое изъ западноевропейскихъ государствъ еще въ состояніи въ наше время ясно и опредѣленно формулировать свою національную идею и притомъ такую, которая была бы общепринятой и лишена субъективной окраски. Да и, пожалуй, въ такой идеѣ нѣтъ особенной надобности, такъ какъ жизнь и развитіе этихъ государствъ совершается большею частью въ силу національныхъ свойствъ почти безсознательно, само собой и при отсутствіи строго опредѣленныхъ національныхъ принциповъ. Только въ рѣшительные—затруднительные и опасные моменты ихъ исторіи національное самосознаніе выступало у нихъ болѣе или менѣе опредѣленно и являлось толчкомъ для общественныхъ и государственныхъ преобразованій.

Какъ извѣстно, исторія въ своихъ подробностяхъ повторяется въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Того же самаго слѣдуетъ ожидать и для исторіи Россіи, т. е. національнаго пробужденія ея въ наше время. И дай то Богъ!.. Мы глубоко вѣруемъ въ осуществленіе этого! Однако, мы не можемъ отрѣшиться отъ опасеній, что у насъ дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ сложнѣе и серьезнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Мы уже видѣли отчасти, какая неопредѣленность и какое разногласіе существуетъ хотя-бы въ пониманіи нашего національнаго самосознанія, да и заговорили-то объ этомъ болѣе только въ послѣднее время, несмотря на то, что наша внутренняя весьма острая смута продолжается болѣе 2-хъ лѣтъ. Мало того, слабое развитіе русскихъ національныхъ началъ, какъ надо думать, уже дало въ нашей личной и общественной жизни глубокіе отпечатки крайне отрицательнаго свойства. Дѣло въ томъ, что наша личная и общественная жизнь, не управляемая опредѣленными національными началами, опредѣленнымъ національнымъ идеаломъ, весьма естественно, уже очень давно начала обнаруживать весьма серьезные признаки безнародности или денаціональности. Разумѣется, полнѣйшая денаціональность страны равносильна смерти націи и полному исключенію ея изъ семьи культурныхъ государствъ, а также распаденію ея на отдѣльныя части, легко поглощаемыя болѣе сильными сосѣдними народностями.

Зайдя нѣсколько впередъ, мы, для поясненія только-что затронутаго вопроса, скажемъ теперь, какіе, по нашему мнѣнію, существуютъ въ настоящее время признаки безнародности и обезнародованія русскихъ. При этомъ выяснится отчасти и нашъ взглядъ на сущность русскаго національнаго самосознанія, на сущность нашихъ народныхъ началъ и идеаловъ, если превратить наши приводимыя ниже отрицательныя качества въ положительныя. Въ общемъ признаки денаціонализаціи мы усматриваемъ, конечно, и въ уничтоженіи исконныхъ добрыхъ качествъ русскихъ, и воспріятіи нами новыхъ совершенно отрицательныхъ качествъ. Въ частности признаки эти слѣдующіе. Ослабленіе религіозности, стремленій къ идеальному, вѣры въ Бога, исканія Его царствія на землѣ, наиболѣе выраженное среди нашей интеллигенціи. Въ связи съ этимъ паденіе нравственныхъ началъ ея: русская вдумчивость, смиреніе, довольство малымъ, незлобіе и пр. становятся рѣдкими качествами, и все болѣе и болѣе преобладаютъ между нами признаки маніи величія, стяжательности, эгоизма, разрозненности, вздорности, человѣконенавистничества и проч.; говорятъ нынѣ очень много о „правахъ“ и очень мало объ „обязанностяхъ“ къ ближнимъ; далѣе, чего стоитъ процвѣтаніе разрушительнаго духа „партійности“, которая на русской почвѣ весьма часто превращается, напр., въ психозъ политическій. Къ тѣмъ же признакамъ безнародности, а также послѣдствіямъ ея отчасти надо отнести, во 1-хъ, легкую прививаемость къ намъ съ Запада всего поверхностнаго и отрицательнаго и трудную прививаемость къ намъ всего разумнаго и полезнаго; во 2-хъ, довольно частую безнародность, безпочвенность, космополитичность и хаотичность идей нашей интеллигенціи; въ 3-хъ, слабость патріотическаго чувства, а также безсиліе нашихъ политическихъ дѣятелей въ организаціи наиболѣе могущественной, многочисленной и популярной политической партіи, которая объединяла бы людей на національной почвѣ; въ 4-хъ, существованіе Россіи для личныхъ цѣлей многихъ людей не русскаго происхожденія, и пр. Разсматриваемыя обстоятельства въ общей сложности были важнѣйшею причиною безсилія въ дѣлѣ управленія страною и распорядковъ въ ней нашего правительства и должностныхъ лицъ, вылившихся по своей безнародности въ бюрократизмъ и частью замкнувшихся въ узкій канцеляризмъ, со всѣми крайне плачевными послѣдствіями, переживаемыми нами за послѣднее время.

Причины нашей денаціонализаціи или нашего обезнародованія, конечно, были глубоки и разнообразны. Главнѣйшія изъ нихъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія. Прежде всего необходимо

имѣть въ виду особыя свойства русскаго человѣка, выроставшаго въ культурнаго гражданина на весьма различной почвѣ (среда крестьянская, мѣщанская, духовная, помѣщичья, чиновническая и пр.), при значительныхъ недостаткахъ семейнаго и школьнаго воспитанія и образованія; затѣмъ, сказалось большое вліяніе на него образовавшагося потомъ всевластнаго и безнароднаго, а быть можетъ, вѣрнѣе многонароднаго бюрократизма; стѣсненіе слова и печати; неучастіе до сего времени въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, и невольная замкнутость въ личныхъ дѣлахъ, въ добываніи средствъ для существованія своего и семьи, и, наконецъ, издавна значительное вліяніе на русскую общественную и государственную жизнь иногда враждебныхъ намъ инородцевъ разнообразныхъ взглядовъ и вѣрованій и нерѣдко при этомъ высмѣиваніе русскаго патріотизма и русской народности со стороны этихъ инородцевъ, которымъ, однако, къ слову сказать, не только дозволялось, но даже, какъ-бы, предписывалось быть національными по отношенію къ своей народности (см. ниже, главы VIII и X).

Если есть большая или меньшая доля правды во всемъ приведенномъ выше, а въ большой доли ея мы, конечно, не сомнѣваемся, то тѣмъ не менѣе дѣло русской національности, русскаго національнаго сознанія, какъ мы полагаемъ, далеко не представляется въ безнадежномъ состояніи: напротивъ, русское національное дѣло, въ настоящее время можетъ быть поставлено на очень твердую и плодотворную почву. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ важнѣйшія причины безнародности и слабаго развитія нашей національной идеи, только-что указанныя нами, частью уже устранены, частью будутъ устранены и могутъ быть легко устранимы; далѣе, въ самое послѣднее время все болѣе и болѣе настойчиво выдвигается вопросъ о національномъ направленіи въ нашей общественной жизни, безъ котораго, конечно, не мыслимы прочныя основы преобразованій и реформъ, столь настоятельно ждущихъ своего осуществленія, и, наконецъ, передъ нами всегда весьма обильный источникъ національныхъ идеаловъ—это нашъ народъ, сохранившій еще отчасти свѣтлыя національныя черты, наши мыслители, поэты, художники и философы, выразившіе эти черты, и, наконецъ, умъ и сердце каждаго русскаго, откликающіеся на все доброе и разумное въ нашей общественной и частной жизни и отвращающіеся отъ всего ненужнаго и ложнаго...

Но, конечно, мы не должны на этомъ успокаиваться, а, напротивъ, обязаны обнаружить высокую энергію и дѣйствовать

неустанно подъ знаменемъ русскаго національнаго самосознанія, такъ какъ только такое самосознаніе въ состояніи пробудить и возродить насъ къ лучшей жизни.

III.

Національность вообще. Мнѣніе Бѣлинскаго.

Постараемся теперь отвѣтить на вопросъ, въ чемъ же должна заключаться сущность „націонализма“ вообще и сущность „русскаго національнаго самосознанія“ въ частности и въ особенности. Такъ какъ этотъ вопросъ, при чрезвычайной важности для насъ, отличается большой сложностью, то прежде всего обратимъ вниманіе на то, какъ въ этомъ отношеніи высказывались нѣкоторые ученые, мыслители и поэты, а потомъ уже изложимъ въ краткой формѣ самое существенное по этому вопросу *).

Подъ „націонализмомъ“ понимаютъ превращеніе живого народнаго самосознанія въ отвлеченный принципъ, утверждающій „національное“, какъ безусловную противоположность „универсальнаго“ и „свое родное“, какъ безусловную противоположность „чужеземнаго“. Націонализмъ ошибочно смѣшиваютъ съ патріотизмомъ... Всякое творчество коренится въ личныхъ (индивидуальныхъ) силахъ и дарованіяхъ, обусловливается національною средою и приводится къ результатамъ всечеловѣческаго значенія. Слѣдуетъ различать „національное или народное движеніе“, болѣе прогрессивное, онъ „націоналистическаго движенія“, на-

*) Для большей полноты приведемъ слѣдующія сочиненія по затронутому нами вопросу:

В. Бѣлинскій, Полное собраніе сочиненій; Систематическій указатель къ нему. К. П., 1879 (народность, національность и пр.).

Сочиненія славянофиловъ — Ю. Самарина, Кирѣевскаго, Хомякова и др., а также И. Аксакова въ „Руси“ за 1880—1884 года.

Ѳ. Достоевскій, Полное собраніе сочиненій, 1888 г., Дневникъ писателя, т. XI и отчасти т. IX и X.

Н. Данилевскій, Россія и Европа изд. 1888 и 1895 г.

Н. Страховъ, Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ, 1890 г.

Вл. Соловьевъ, Собраніе сочиненій, т. V (1883—1897). Національный вопросъ въ Россіи, вып. 1-ый и 2-ой, Русскій національный идеалъ и др.

П. Астафьевъ, Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи; Русское Обозрѣніе, мартъ, 1891 г.

П. Борисовъ, Въ чемъ же истинный націонализмъ? Вопросы Философіи и Психологіи, 1901 г., сент. и окт.

Ѳ. Достоевскій, Пушкинъ; произнесено 8 іюня 1880 г.; Дневникъ писателя, 1880 г., гл. 1 и 2 въ полн. собр. сочин. (см. выше).

правленнаго противъ независимости и цѣлости другихъ національностей; движеніе это—болѣе реакціоннаго характера; примѣромъ этого можетъ служить ополяченіе въ свое время малороссовъ и бѣлорусовъ (Вл. С., Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, „о національности“).

Несомнѣнно, національное самоопредѣленіе и самосознаніе никоимъ образомъ не должно быть ни самовосхваленіемъ, ни, тѣмъ болѣе, самооплеваніемъ, а должно вести къ самоисправленію народа и къ утвержденію его положительныхъ сторонъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ здоровый націонализмъ будетъ такой, который даетъ народу условія и возможность развить свои силы, не попирая правъ иныхъ народностей. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на широкое развитіе всѣхъ проявленій каждаго народа, а именно—въ религіозномъ, научномъ, бытовомъ, поэтическомъ и пр. отношеніяхъ. Нельзя отдѣлять духовной стороны народа отъ другихъ сторонъ его; мало того, духовная сторона его должна занять первенствующее значеніе въ дѣлѣ опредѣленія національнаго самосознанія. Такимъ образомъ, совершенно ложна и даже зловредна по существу мысль, давно допускаемая теоретически и проводимая практически, какъ у насъ, такъ и въ особенности на Западѣ, а именно—что „религія“ народа—одно, а „общественное дѣло, политика представляетъ нѣчто совершенно иное, обособленное отъ религіи“. Напротивъ, между религіей и всѣми общественными дѣлами, какъ увидимъ ниже, должна существовать самая тѣсная связь. Если государственный строй стоитъ очень высоко на ряду со всѣми другими учрежденіями, то это потому, что каждый гражданинъ любитъ свою семью, свою собственность, свою общину и свой родъ, и отъ государства онъ ждетъ защиты всѣхъ своихъ достояній и своего наиболѣе драгоцѣннаго достоянія—религіи.

В. Бѣлинскій, затрагивая во многихъ мѣстахъ своихъ статей сущность народности, говоритъ между прочимъ слѣдующее. „Раздѣлить „народное и человѣческое“ на два чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ... Что личность (индивидуальность) въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность (національность) въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народность есть личность человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія... Какъ различіе реальныхъ личностей необходимо для того, чтобы онѣ могли сложиться въ общество (въ племя, народъ), такъ необходимы пле-

менныя и народныя особенности и различія, чтобы племена и народы могли образовать собою другую высшую идеальную личность—человѣчество. Только различныя струны могутъ производить аккордъ, одинаковыя же звучатъ безсмысленно и дисгармонично... Каждый народъ выражаетъ собой преимущественно одну какую нибудь сторону всецѣлаго и единаго духа человѣческаго, а потому нуждается въ соприкосновеніи съ другими народами. Каждый народъ отличается отъ другихъ типомъ лица. Какъ между людьми есть личности характерныя, самостоятельныя, которыя на все, что ни говорятъ и дѣлаютъ, кладутъ яркую печать свойственной имъ особенности, такъ точно можно сказать и о народностяхъ; но есть и, напротивъ, люди безхарактерные и безцвѣтные, и также есть народы, которые существуютъ только внѣшнимъ образомъ; они исчезаютъ съ лица земли безъ слѣда, становясь добычею другихъ народовъ. Итакъ, человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ, но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—національность... Что человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности... Никакія реформы не уничтожаютъ національности, и просвѣщеніе не сглаживаетъ народности. Наше время есть по преимуществу время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи онъ имъ интересуется. Они заимствуютъ другъ отъ друга, не боясь повредить своей національности. Исторія показываетъ, что подобныя опасенія могутъ быть у народовъ, нравственно безсильныхъ и ничтожныхъ... Великій человѣкъ всегда національненъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а борьба разума съ предразсудками. Масса живетъ привычками и защищаетъ старое. Противодѣйствіе массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію: если онъ возьметъ свое, ни на что несмотря, значитъ онъ точно геній, т. е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонеръ, мечтатель, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону... Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она. Тутъ единство и нераздѣльность. — Литература есть выраженіе умственнаго сознанія народа въ его словесныхъ произведеніяхъ. Каждый народъ жи-

ветъ своимъ сознаніемъ, которое есть не что иное, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознающаго себя общечеловѣческаго духа. Особенность сознанія, только одному народу присущая, есть сила, жизнь и значеніе народа. Народъ есть идеальная личность, у которой своя особенная натура, свой темпераментъ, свой характеръ. — Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что для насъ, русскихъ еще важный вопросъ, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается; но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что, пока не рѣшимъ мы ихъ сами собой и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ".

IV.

„Россія и Европа" Н. Данилевскаго.

Итакъ, нашъ знаменитый критикъ останавливается болѣе на общихъ соображеніяхъ относительно національности, почти не касаясь русской народности въ частности. Отчасти эти послѣдніе вопросы, насколько намъ извѣстно, затронуты впервые и притомъ весьма выразительно русскими славянофилами, которые въ лицѣ большинства своихъ представителей стремились къ освобожденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ верховнымъ главенствомъ Россіи и такимъ образомъ желали оживить одряхлѣвшую западную цивилизацію проведеніемъ въ жизнь совершенно новыхъ началъ. Но всѣ эти стремленія и прекрасныя идеи, хотя и касались вполнѣ реальныхъ и жизненныхъ вопросовъ, однако еще не имѣли сколько нибудь твердой почвы и носили до нѣкоторой степени мечтательный характеръ. Совершенно ошибочно относятъ къ выразителямъ славянофильства въ этомъ смыслѣ Н. Данилевскаго, автора распространенной и крайне интересной книги подъ заглавіемъ—„Россія и Европа". Здѣсь авторъ пытается дать фактическія и научныя основанія для доказательства своего взгляда на культурное и политическое отношеніе славянскаго міра съ Россіей во главѣ къ міру германороманскому. Рекомендуя читателю познакомиться съ этой книгой въ подлинникѣ, мы постараемся въ возможно краткихъ словахъ прослѣдить мысли автора по затронутому нами вопросу.

„Исторія не должна излагать прогрессъ нѣкоторой общей

цивилизаціи: такой цивилизаціи нѣтъ, говоритъ Н. Данилевскій, а существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ самобытныхъ культурно-историческихъ типовъ. Идеалъ цивилизаціи, еще далеко не выработанный въ настоящее время, будетъ достигнутъ лишь послѣдовательнымъ и совмѣстнымъ развитіемъ всѣхъ культурно-историческихъ типовъ... Прогрессъ—не въ томъ, чтобы всѣмъ народамъ итти все въ одномъ направленіи, а въ томъ, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣка... Политическія формы, выработанныя однимъ народомъ, собственно для одного этого народа и годятся. То же самое можно сказать и относительно прочихъ отправленій общественнаго организма. Наука носитъ отпечатокъ національности, какъ и отпечатокъ времени; говорятъ „о современной наукѣ, новѣйшей наукѣ“. Есть народы—по преимуществу математики, напр., французы, по преимуществу филологи, напр., нѣмцы, по преимуществу геологи, напр., англичане, и пр.“.

„Несмотря на всѣ старанія Петра Великаго привить европейскую цивилизацію русскому народу, народъ этотъ продолжаетъ сохранять свою самобытность: ни самостоятельной культуры не возросло еще на русской почвѣ, ни чужеземное ею не усвоилось и не проникло далѣе поверхности общества... Еще слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, дичекъ пока уцѣлѣлъ и сохранилъ свою растительную силу. То же слѣдуетъ сказать и относительно другихъ славянскихъ народовъ... Тѣмъ не менѣе Россія не есть гасительница свѣта и свободы; она не завоевательное государство. По убѣжденію большинства мыслящихъ людей въ Россіи, всякая народность ея имѣетъ право на самостоятельное существованіе...—При сколько нибудь пристальномъ взглядѣ, нельзя не видѣть, что европейская цивилизація такъ же односторонняя, какъ и все на свѣтѣ. Религія обращается въ глазахъ европейца въ суевѣріе, приличное вѣкамъ мрака и невѣжества, не только лишнее въ вѣкъ просвѣщенія и прогресса, но составляющее даже положительное препятствіе для дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія ихъ. При такомъ взглядѣ, конечно, наука (и притомъ именно положительная наука о природѣ) какъ бы поглощаетъ собою всю цивилизацію, становится ея синонимомъ. Доказывать односторонность такого взгляда—нѣтъ надобности... Извѣстны насильственныя черты германо-романскаго типа, нетерпимость народовъ этого типа. Результатомъ насилія надъ вселенской православной церковью образовалось католичество... насиліе же порождало хищничество во внѣшней политикѣ, продолжающееся по настоящее

время, прекратившаяся, правда, торговля неграми, имѣющееся, несомнѣнно, теперь противодѣйствіе освобожденію славянъ отъ турецкаго ига... Тогда какъ славяне обнаруживаютъ терпимость, отсутствіе насильственности, за исключеніемъ, впрочемъ, Польши, да и то подъ вліяніемъ ея католичества и исключительно по отношенію къ некатоликамъ.—Цивилизація—понятіе болѣе обширное, нежели религія, наука, искусство, политика, гражданское, экономическое и общественное развитіе, взятыя въ отдѣльности, ибо цивилизація все это въ себѣ заключаетъ... Но только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, религія имѣетъ несравненно большую важность, чѣмъ все остальное, а для общества и государства имѣетъ наибольшее значеніе цивилизація".

„Для русскаго народа религія составляла преобладающій интересъ во всѣ времена его жизни. Русскій народъ не сочувствовалъ угнетенію старообрядцевъ... По свидѣтельству исторіи, Владиміръ Святой и Владиміръ Мономахъ тяготились смертными казнями... Еще Елизавета Петровна, женщина съ истинно русскимъ сердцемъ, отмѣняетъ смертную казнь гораздо раньше, чѣмъ это сдѣлано въ Европѣ... Потомъ смертная казнь въ Россіи имѣетъ въ законодательствѣ характеръ болѣе необходимой обороны, оборонительной войны, а не кары. Отношеніе народа къ преступникамъ чисто христіанское: онъ молится за нихъ, жалѣетъ ихъ, что они допустили себя до совершенія преступнаго дѣла... Наша внѣшняя политика, часто безкорыстная, нерѣдко ведется въ ущербъ Россіи. К. Аксаковъ сказалъ, что исторію русскаго народа можно назвать его „житіемъ", и это—глубокая истина. Народъ этотъ, не помирившись съ безпорядочностью своей жизни, шлетъ пословъ за море просить Себѣ князя... принимаетъ христіанскую вѣру по собственной инціативѣ, а не по принужденію... выдѣляетъ изъ своей среды Минина, являющагося представителемъ мысли и чувства русскаго народа. Мысли и чувства всего русскаго народа воплотились въ лицѣ Александра II, освободившаго крестьянъ не по европейскому образцу, безъ земли, а съ землей... — Наиболѣе драгоцѣнное достояніе наше — православная церковь представляетъ собраніе всѣхъ вѣрующихъ (всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ), какъ понимаетъ народъ, подъ главенствомъ Іисуса Христа и подъ водительствомъ Св. Духа, при чемъ непогрѣшимость приписывается церкви. Католичество же сосредоточиваетъ понятіе о церкви въ лицѣ папы и приписываетъ ему непогрѣшимость; протестанство непогрѣшимость приписываетъ каждому члену церкви, хотя только относительно его самаго, а квакеры и другіе непогрѣшимость

видятъ въ нашіи, въ просвѣтленіи Св. Духомъ. — Въ Европѣ преобладаютъ крайняя неосвѣдомленость, умышленное искаженіе и завѣдомая ложь относительно всего, что касается Россіи, славянства и православія".

„Религія составляла самое существенное господствующее содержаніе древней русской жизни, и въ настоящее время въ ней же заключается преобладающій духовный интересъ простыхъ русскихъ людей. И по истинѣ, нельзя не удивляться невѣжеству и дерзости тѣхъ, которые могли утверждать (въ угоду своимъ фантазіямъ) религіозный индифферентизмъ русскаго народа.— Со стороны объективной, фактической, русскому и большинству прочихъ славянскихъ народовъ достался историческій жребій быть вмѣстѣ съ греками главными хранителями живого преданія религіозной истины—православія, и, такимъ образомъ, быть продолжателями великаго дѣла, выпавшаго на долю израиля и Византіи,—быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической, русскіе и прочіе славяне одарены жаждою религіозной истины, что подтверждается какъ нормальными проявленіями, такъ и самыми искаженіями этого духовнаго стремленія.—Характеръ русскихъ и вообще славянъ, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имѣетъ наибольшую соотвѣтственность съ христіанскимъ идеаломъ. Съ другой стороны, религіозныя уклоненія русскаго народа, т. е. его расколъ, старообрядчество, а также секты указываютъ: первый — на настойчивую охранительность, не допускающую ни малѣйшихъ перемѣнъ въ самой внѣшности, въ оболочкѣ святыни, вторыя же, особенно духоборство, — на способность къ религіозно-философскому мышленію. (Кто знаетъ, отъ сколькихъ неблагоразумныхъ шаговъ удержало насъ старообрядство, послѣ того, какъ европейничаніе охватило русскую жизнь!). У другихъ славянскихъ народовъ мы видимъ гуситское религіозное движеніе — самую чистую, идеальную изъ религіозныхъ реформъ, въ которой проявляется не мятежный преобразовательный духъ реформы Лютера, Кальвина, а характеръ реставраціонный, возстановительный, стремящійся къ возвращенію къ духовной истинѣ, нѣкогда переданной Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Религіозная дѣятельность русскаго народа и славянъ была по преимуществу охранительно-консервативною въ виду стремленія сохранить во всей чистотѣ божественное откровеніе, происходящее съ неба, такъ какъ только такое откровеніе дѣйствительно и цѣлесообразно. Оно, какъ основа практической нравственности, должно защищаться до самоотверженности и самопожертвованія.

Всякая же другая достовѣрность, философская, метафизическая и даже положительно-научная, недостижима и недостаточна.— Христіанская истина была искажена католическимъ понятіемъ о церкви, которая превратилась въ религіозно-политическій деспотизмъ главы ея, тогда какъ дальнѣйшее раскрытіе истинъ, заключающихся въ христіанствѣ, по православному ученію, можетъ происходить не иначе, какъ путемъ вселенскихъ соборовъ, единственнымъ олицетвореніемъ церкви".

„Русскій народъ способенъ къ свободѣ и не будетъ ею злоупотреблять. Русскіе не властолюбивы, умѣренны, непритязательны и благоразумны. Русскій народъ одаренъ замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, какъ это видно по чертамъ вѣрности и преданности государственнымъ интересамъ, безпритязательности, умѣренности въ пользованіи свободою. Примѣръ отсутствія всякаго политическаго смысла у поляковъ только подтверждаетъ эту мысль, ибо именно искаженіе славянскихъ началъ въ Польшѣ католичествомъ разъѣдало ея душу и тѣло и должно было принести соотвѣтствующіе плоды".

„Въ общественно-экономическомъ отношеніи Россія представляетъ обширное государство, имѣющее подъ ногами твердою почву, безъ обезземеленныхъ массъ"...

„Всеславянская федерація—единственно разумное, а потому и единственно возможное рѣшеніе „Восточнаго вопроса". Константинополь, Царь-градъ долженъ быть столицею не Россіи, а всего Всеславянскаго союза, съ Россіей во главѣ... Для всякаго славянина: русскаго, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгарина (желалъ бы прибавить—и поляка)—послѣ Бога и Его святой церкви—идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земного блага, ибо ни одно изъ нихъ для него не достижимо безъ ея существованія,—безъ духовно,—народно и политически—самобытнаго, независимаго славянства; а напротивъ того, всѣ эти блага будутъ необходимыми послѣдствіями этой независимости и самобытности... Независимость Польскаго государства была бы гибелью польскаго народа, поглощеніемъ его нѣмецкою народностью... Во всякомъ случаѣ, рано или поздно, хотимъ или не хотимъ, но борьба съ Европой (или со значительной частью ея) неизбѣжна изъ-за Восточнаго вопроса [1]), т. е. изъ-за свободы и независимости славянъ, изъ-за обладанія Царь-градомъ,—изъ-за всего

[1]) Эти строки, очевидно, написаны въ періодъ времени сербско-турецкой или русско-турецкой войны. Авторъ.

того, что, по мнѣнію Европы, составляетъ предметъ незаконнаго честолюбія Россіи, а по мнѣнію каждаго русскаго, достойнаго этого имени, есть необходимое требованіе ея историческаго призванія".

„Всеславянскій союзъ не можетъ представлять опасность для Европы, угрожать ничьей независимости, ни политическому равновѣсію, имѣя въ виду обильное любовью къ человѣчеству славянское сердце, считающее священнѣйшею обязанностью жертвовать своими славянскими цѣлями интересамъ общечеловѣческимъ".

Затѣмъ Данилевскій указываетъ на реальныя основы, на которыхъ можетъ быть возведено зданіе Всеславянскаго союза. Культура и цивилизація, говоритъ онъ, обнимаетъ слѣдующія четыре стороны народной дѣятельности: во 1-хъ, дѣятельность религіозную; во 2-хъ, дѣятельность культурную въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (научная, эстетическая, художественная, техническая и промышленная); въ 3-хъ, дѣятельность политическую, и, въ 4-хъ дѣятельность общественно-экономическую. Авторъ надѣется, что Всеславянскій союзъ будетъ первымъ полнымъ четырехъ-основнымъ культурно-историческимъ типомъ. Особенно намъ можно надѣяться на развитіе религіозной дѣятельности среди славянскаго народа и на благопріятное рѣшеніе общественно-экономическихъ задачъ, наиболѣе слабыхъ мѣстъ во всей Европѣ. Если русскіе и славяне до сихъ поръ сдѣлали немного въ области наукъ и искусствъ, то на это были особыя причины (сравнительная молодость русскаго народа на этомъ поприщѣ, вынужденная затрата огромныхъ средствъ на содержаніе арміи и флота, вслѣдствіе этого малая затрата на образованіе народа и пр.) и приводимый авторомъ списокъ ученыхъ и мыслителей (далеко неполный) славянскаго происхожденія говоритъ за способность нашу къ этого рода дѣятельности. А силы изящной литературы русскихъ и славянъ, быть можетъ, мало чѣмъ уступятъ таковымъ другихъ странъ.

Авторъ заканчиваетъ книгу слѣдующими словами: „Главный потокъ всемірной исторіи начинается двумя источниками... Одинъ—небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царь-градъ, достигаетъ въ невозмущенной чистотѣ до Кіева и Москвы;—другой, земной, человѣческій, въ свою очередь дробящійся на два главныя русла: культуры и политики,—течетъ мимо Аѳинъ, Александріи, Рима,—въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На русской землѣ пробивается новый ключъ, справедливо обез-

печивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ".

V.

„Національный вопросъ въ Россіи" Вл. Соловьева.

Вл. Соловьевъ, затрагивая во многихъ статьяхъ „національный вопросъ въ Россіи" (См. V т., Собраніе его сочиненій), даетъ слѣдующіе краткіе тезисы своихъ мыслей о національности вообще и о Россіи въ частности. 1) Народность есть положительная сила, и всякій народъ имѣетъ право на независимое (отъ другихъ народовъ) существованіе и на свободное развитіе своихъ національныхъ особенностей. 2) Народность есть самый важный факторъ природно-человѣческой жизни, и развитіе національнаго самосознанія есть великій успѣхъ въ исторіи человѣчества. 3) Національная идея, понимаемая въ смыслѣ политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабыя и угнетенныя, имѣетъ высокое нравственное значеніе и заслуживаетъ всякаго уваженія и симпатіи. 4) Націонализмъ или національный эгоизмъ, т. е. стремленіе отдѣльнаго народа къ утвержденію себя на счетъ другихъ народностей, къ господству надъ ними,—есть полное извращеніе національной идеи; въ немъ народность изъ здоровой, положительной силы превращается въ болѣзненное, отрицательное усиліе, опасное для высшихъ человѣческихъ интересовъ и ведущее самый народъ къ упадку и гибели. 5) Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія. 6) Національная самобытность Россіи, проявившаяся, между прочимъ, въ нашей изящной литературѣ, не подлежитъ сомнѣнію. 7) Истинный духъ русской народности, опредѣляемый высшимъ нравственнымъ началомъ, выразился въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возникновеніе русскаго государства (призваніе варяговъ, а также крещеніе Руси), потомъ въ реформѣ Петра Великаго и, наконецъ, въ воспріимчивомъ, отзывчивомъ и всеобъемлющемъ характерѣ русской поэзіи. 8) Въ настоящее время, при искусственномъ возбужденіи въ русскомъ обществѣ грубоэгоистическихъ инстинктовъ и стремленій, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ историческихъ условій, духовное развитіе Россіи задержано и глубоко извращено, національная жизнь находится въ подавленномъ, болѣзненномъ состояніи и требуетъ коренного исцѣленія. (См. О грѣхахъ и болѣзняхъ, стр. 248)".

Весьма интересно было бы прослѣдить, какъ талантливо и горячо доказываетъ всѣ эти положенія Вл. Соловьевъ, но мы ограничимся очень немногимъ. Въ общемъ всѣ его соображенія вполнѣ согласуются съ приведенными выше. Такъ нельзя не согласиться съ авторомъ, что вопросъ о томъ, „что такое Россія, какая ея особенность?“—т. е. самый первый вопросъ нашего національнаго самосознанія, остается до сихъ поръ въ туманѣ. Одно несомнѣнно, что Россія—семья народовъ, собранная вокругъ православнаго русскаго народа. Далѣе, авторъ приводитъ слѣдующее. „Ближайшая цѣль націонализма заключается не въ возбужденіи національнаго эгоизма и самомнѣнія, а, напротивъ, въ пробужденіи національнаго самосознанія, познанія себя какъ служебнаго оружія въ дѣлѣ совершенія на землѣ Царствія Божія. Мы вѣримъ, что Россія имѣетъ въ мірѣ религіозную задачу. Въ этомъ ея настоящее дѣло, къ которому она подготовлялась и развитіемъ своей государственности, и развитіемъ своего сознанія... Историческая задача Россіи состоитъ именно въ универсально-жизненномъ осуществленіи христіанства. Истинное благо Россіи состоитъ въ развитіи христіанской политики, въ томъ, чтобы ко всѣмъ общественнымъ и международнымъ отношеніямъ примѣнять начала истинной религіи, рѣшать по христіански всѣ существенные вопросы соціальной и политической жизни“.

„Русскій народъ, говоритъ Вл. Соловьевъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей не мирился окончательно съ дурною дѣйствительностью, осуждалъ ее во имя общечеловѣческихъ требованій и совѣсти и старался по мѣрѣ силъ хоть сколько-нибудь приблизиться къ осуществленію идеала вселенской правды.—Вотъ, что такъ краснорѣчиво приводитъ въ этомъ направленіи кн. С. Трубецкой: Мы имѣемъ одну общую вселенную, одну правду, одну красоту... Мы знаемъ и вѣримъ въ глубинѣ нашего существа, что есть одна правда, одинъ законъ, который всѣ должны признать, одна красота, которую всѣ должны видѣть. Безъ этого нечему было-бы учить и учиться, не о чемъ спорить и соглашаться; безъ этого не было-бы нравственной проповѣди и художественнаго творчества... Сознаніе не можетъ быть не безличнымъ, ни единоличнымъ, ибо оно болѣе чѣмъ лично, будучи соборнымъ. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно въ этомъ живомъ соборномъ сознаніи человѣчества (кн. С. Трубецкой. О природѣ человѣческаго сознанія; 1 кн. журн. „Вопросы философіи и психологіи“)“.

Говоря „о русскомъ національномъ идеалѣ“, Вл. Соловьевъ

цитируетъ изъ статьи Н. Грота (въ журн. Вопросы философіи и психологіи за 1891 г.) между прочимъ слѣдующее. „Всего хуже то, что человѣконенавистничество проповѣдуется у насъ часто подъ знаменемъ православія и національной идеи... Истинно-русскій человѣкъ, христіанинъ, по убѣжденію лучшихъ представителей русскаго самопознанія, полонъ благоговѣнія ко всему человѣческому,—къ добру, красотѣ и правдѣ въ каждомъ смертномъ. Миролюбіе и кротость, любовь къ идеальному и открытіе образа Божія даже подъ оболочкой временной мерзости—вотъ идеалъ русскаго мыслителя. Если есть у насъ что-нибудь особенное и по-истинѣ святое въ преданіяхъ народной мысли, то это именно—смиреніе, жажда духовнаго общенія, идея соборности сознанія... Пусть близорукіе приверженцы начала личной и національной исключительности проповѣдуютъ взаимную ненависть, нетерпимость, гнетъ надъ убѣжденіемъ и совѣстью...“.

„Съ точки зрѣнія національной исключительности, національнаго эгоизма, до-нынѣ господствующаго въ политикѣ культурныхъ странъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Вл. Соловьевъ, каждый народъ есть особое довлѣющее себѣ цѣлое, и свой интересъ есть для него высшій законъ. Не такъ думаетъ русскій народъ и всѣ выразители его мыслей и чувствъ... Истинная любовь къ народу должна желать ему дѣйствительнаго блага, которое достигается только исполненіемъ нравственнаго закона, путемъ личнаго самоотреченія и проведеніемъ въ жизнь религіозныхъ началъ. Такая истинная любовь къ народу, такой настоящій патріотизмъ тѣмъ болѣе для насъ, русскихъ, обязателенъ, что высшій идеалъ самого русскаго народа (идеалъ „святой Руси“) вполнѣ согласенъ съ нравственными требованіями и исключаетъ всякое національное самолюбіе и самомнѣніе.—Только для абсолютно совершеннаго существа, для Бога, самосознаніе есть самодовольство. Для всякаго же ограниченнаго бытія, слѣдовательно и для народа, самосознаніе есть необходимое самоосужденіе, недовольство собою и стремленіе къ совершенству. Поэтому какъ истинная религія, такъ и національное самосознаніе должно начаться съ проповѣди покаянія и внутренней перемѣны. Реформа Петра Великаго имѣла въ сущности глубоко-христіанскій характеръ, ибо была основана на нравственно-религіозномъ актѣ самоосужденія. Только реформа Петра Великаго открыла для Россіи путь поступательнаго движенія“.

„Любовь бездѣятельная есть обманъ. Культура есть система необходимыхъ средствъ для полнаго проявленія любви, какъ

религіозно-нравственнаго начала и для полнаго достиженія всеобщаго блага, какъ нравственной цѣли. Превращать культуру изъ средства въ цѣль, видѣть въ ней безусловное и окончательное благо—есть, конечно, важное заблужденіе, хотя большею частью безвредное практически; но отрицать всякую культуру за то только, что она—лишь средство любви, а не самая любовь, во всякомъ случаѣ нелѣпо и безумно. Именно, для проявленія великихъ цѣлей въ жизни, слѣдуетъ усвоить намъ европейскую культуру.—Если до нѣкоторой степени справедливо, что западные народы сравнительно болѣе обращаютъ вниманіе на средства исторической жизни, теряя иногда ея высшую цѣль, а русскіе, думая болѣе объ этой цѣли, пренебрегаютъ нѣкоторыми необходимыми средствами для ея достиженія, то такой обоюдный недостатокъ долженъ быть исправленъ болѣе тѣснымъ сближеніемъ и взаимодѣйствіемъ обѣихъ сторонъ".

„Такимъ образомъ, любя народъ, нужно быть солидарнымъ съ нимъ только въ хорошемъ, а не въ дурномъ, въ добрѣ и правдѣ, а не въ дурныхъ инстинктахъ... Чѣмъ значительнѣе народная сила, тѣмъ выше она должна подняться надъ національнымъ эгоизмомъ въ узкомъ смыслѣ... Плоды англійской народности мы видимъ въ Шекспирѣ и Байронѣ, въ Берклеѣ и Ньютонѣ; плоды же англійской націоналистической политики суть всемірный грабежъ, подвиги Варренъ Гастингса и лорда Сеймура, разрушеніе и убійство".

Съ точки зрѣнія истинной цивилизаціи и культуры въ широкомъ смыслѣ, по автору, должны намѣчаться къ возможно скорому осуществленію тѣ задачи, которыя прямо вытекаютъ изъ элементарныхъ религіозныхъ истинъ, а именно: объединеніе всѣхъ народовъ, соединеніе церквей, о чемъ постоянно молится православная церковь, всеобщее разоруженіе и прекращеніе войнъ, стремленіе къ которому уже начато въ послѣднее время по почину русскаго Государя, и пр.

Вл. Соловьевъ думаетъ, что лучше полагать призваніе славянства не въ томъ, чтобы смѣнить Европу на исторической сценѣ, а въ томъ, чтобы постараться исцѣлить ее отъ многихъ недуговъ и побудить ее къ новой болѣе полной жизни. Но спрашивается, „какимъ образомъ это могутъ выполнить славянскіе народы съ Россіей во главѣ"! Намъ кажется, отвѣтъ долженъ быть такой: „Прежде всего собственнымъ примѣромъ и собственной жизнью".

Посвящая разбору книги Н. Данилевскаго —„Россія и Европа" цѣлую статью, Вл. Соловьевъ между прочимъ не согла-

шается съ авторомъ этой книги признать Россію цѣльнымъ культурно-историческимъ типомъ, отдѣльнымъ и въ этой отдѣльности высшимъ по отношенію къ Европѣ (но, кажется, Данилевскій говоритъ не о настоящемъ, а о будущемъ Россіи) и самое дѣленіе человѣчества на культурные типы соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности... Однако, Вл. Соловьевъ отдаетъ должное и считаетъ, что Данилевскій имѣетъ несомнѣнное преимущество въ выраженіи національной идеи: въ книгѣ его, какъ говоритъ авторъ, мы имѣемъ спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложеніе этой идеи въ ея общихъ основахъ и въ ея примѣненіи къ Россіи, и странно было бы, если бы эта книга не имѣла успѣха въ наши дни.

Въ другой книгѣ (т. VII, Оправданіе добра, Нравственная философія) Вл. Соловьевъ затрагиваетъ „національный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“ и совершенно справедливо утверждаетъ, что отношеніе человѣка къ народности опредѣляется въ наши дни въ общественномъ сознаніи двумя взглядами—націоналистическимъ и космополитическимъ, одинаково недопустимыми съ этой точки зрѣнія. Первый взглядъ можетъ быть сведенъ къ такой формулѣ: „мы должны любить свой народъ и служить его благу всѣми средствами, а къ прочимъ народамъ имѣемъ право быть равнодушными; въ случаѣ же столкновенія ихъ національныхъ интересовъ съ нашими, мы обязаны относиться къ этимъ чужимъ народамъ враждебно“. Сущность другой космополитической точки зрѣнія выражается въ слѣдующемъ: „народность есть только натуральный фактъ, не имѣющій никакого нравственнаго значенія; у насъ нѣтъ обязанностей къ народу какъ такому (ни къ своему, ни къ чужому), а только къ отдѣльнымъ людямъ безъ всякаго различія народностей“. Конечно, ни тотъ, ни другой изъ этихъ взглядовъ не можетъ считаться правильнымъ, какъ взаимно исключающія другъ друга крайности. По первому взгляду, считается позволительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ и обязательнымъ, ненавидѣть и презирать инородцевъ и чужеземцевъ, а по второму требуется справедливость къ чужимъ и допускается несправедливость къ своимъ.—Нельзя не согласиться съ авторомъ, что бываетъ патріотизмъ неразумный, вмѣсто желаемой пользы приносящій вредъ и ведущій народы къ гибели, бываетъ патріотизмъ пустой, выражающій только голословную претензію, и бываетъ, наконецъ, патріотизмъ прямо лживый, служащій только личиною для низкихъ, своекорыстныхъ побужденій. Далѣе, на вопросъ — въ чемъ же состоитъ настоящій или истинный патріотизмъ?—какъ намъ кажется, авторъ не даетъ

опредѣленнаго и, такъ сказать, жизненно-практическаго отвѣта. Авторъ историческими примѣрами доказываетъ, съ одной стороны, неосновательность и крайній вредъ для націи эгоизма въ политикѣ, національной вражды и, съ другой стороны, въ высокой мѣрѣ цѣлесообразность противоположнаго принципа, который можно формулировать такъ: „люби всѣ другіе народы, какъ свой собственный“. Правда, принципъ этотъ вполнѣ согласуется съ воззрѣніями „нравственной философіи“ и можетъ быть поставленъ въ числѣ идеаловъ, къ полному осуществленію которыхъ человѣчество и, слѣдовательно, всѣ культурные народы должны бы стремиться неуклонно, однако принципъ этотъ по своей чрезмѣрной общности врядъ ли всегда поможетъ намъ при рѣшеніи многихъ международныхъ вопросовъ въ наше время. Разумѣется, при хищническихъ притязаніяхъ со стороны какой-либо страны по отношенію къ другой, признаніе этого принципа не помѣшало бы послѣдней дать первой самый энергичный отпоръ. Вообще всѣ соображенія автора, связанныя съ національнымъ вопросомъ въ Россіи, глубоко вѣрныя въ принципѣ и понятныя русскому уму и сердцу, также отчасти страдаютъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторой общностью и малой практической примѣнимостью. Напр., кто изъ насъ русскихъ не будетъ отъ души сочувствовать соединенію церквей, объединенію народностей и пр., но все дѣло заключается въ томъ, какимъ образомъ эти добрыя желанія осуществить на дѣлѣ. Эти то вопросы все еще остаются почти не затронутыми до самаго послѣдняго времени.

Продолженіе слѣдуетъ.

Къ исторіи славянофильства.

Поистинѣ грандіозная и широкая развернулась бы картина, если бы нарисовать, по всѣмъ пріемамъ безпристрастнаго изслѣдователя, полную исторію славянофильства. Но подобный трудъ, при существующихъ условіяхъ, врядъ ли по силамъ одному человѣку. Во первыхъ, славянофильство, какъ бы кто къ нему ни относился, было могущественнѣйшимъ культурнымъ пастроеніемъ, находившимся въ непосредственной связи съ широкой полосой русской общественной жизни. Во вторыхъ, славянофильство, при всей его теоретичности, было широкимъ и глубоко жизненнымъ явленіемъ, могущимъ считать на своей сторонѣ даже и теперь еще много вполнѣ убѣжденныхъ адептовъ. Наконецъ, и масса литературныхъ матеріаловъ, касающихся славянофильства, до сихъ поръ еще не обнародована, а хранится или въ частныхъ рукахъ, или скрыта въ архивахъ, что и дѣлаетъ весьма затруднительнымъ, а иногда и прямо невозможнымъ пользованіе этими матеріалами.

Въ силу этихъ серьезныхъ препятствій, а также и того, что большинство читающей публики вообще не способно къ серьезному, вполнѣ историческому изученію, а въ отношеніи къ славянофиламъ пробавляется обыкновенно общими характеристиками въ крайне тенденціозномъ освѣщеніи,—въ силу всего этого, на славянофиловъ и привыкли смотрѣть, какъ на крайнихъ реакціонеровъ, и смѣшивать ихъ съ квасными патріотами, т. е. создали о нихъ то именно представленіе, какое неизбѣжно при отсутствіи самостоятельнаго критеріума, и какое наиболѣе желательно ихъ тенденціознымъ популяризаторамъ.

А между тѣмъ вполнѣ возможно подойти къ славянофиламъ съ вопросами, задаваемыми требованіями современной эпохи; возможно найти у славянофиловъ такіе отвѣты, по которымъ должно признать ихъ не гасильниками свѣта и жизни, а, наоборотъ, сторонниками многаго такого, что составляетъ предметъ еще современныхъ споровъ, и надъ разрѣшеніемъ чего, въ томъ видѣ, какъ оно дано славянофилами, съ готовностью приложатъ свои руки лучшіе изъ современныхъ вождей.

Если обратиться къ этимологическому составу терминовъ „славянофильство“ и „славянофилы“, то истиннаго понятія, скрывающагося подъ этими терминами, не извлечешь, потому что въ интересахъ славянофиловъ вопросъ объ отношеніи къ славянамъ является отнюдь не главнымъ, а сами они, и вполнѣ правильно, именовали себя народниками. Терминъ же „славянофилы“ былъ придуманъ Бѣлинскимъ и въ шутку приданъ тѣмъ, которые въ эпоху 30-хъ и 40-хъ годовъ составили особый кружокъ лицъ, противоположныхъ по своему міровоззрѣнію такъ называемымъ западникамъ.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что родиной славянофильства была Германія, именно идеалистическая философія ея представителя—Гегеля. Правда, философія Гегеля входила извѣстной частью въ общее образованіе славянофиловъ. Но сознательныя убѣжденія славянофиловъ возросли независимо отъ Гегелевой философіи, которая послужила для нихъ лишь тѣмъ, что помогла облечь готовыя мысли въ опредѣленныя формы. Дѣло въ томъ, что въ развитіи славянофильскихъ воззрѣній нужно различать двѣ стороны: отрицательную и положительную. Въ сущности славянофилы были прежде всего отрицателями, критиками, носителями протеста, и въ этомъ отношеніи славянофильство было вполнѣ самороднымъ явленіемъ. Положительная же сторона, противопоставляемая отрицательному порядку вещей, въ видѣ чаяній будущаго и въ видѣ исторической оцѣнки прошедшаго, сознавалась также независимо, по готовой схемѣ, воспринятой у Гегеля.

За отыскиваніемъ родины славянофильства нужно отправляться не въ Германію, а, оставаясь въ Россіи, отодвинуться ко временамъ Екатерины II и Александра I. Россія была въ то время на верху могущества; національная слава воспѣвалась; мы хвалились собою, мы любовались. Изъ самовосхваленія образовалась цѣлая литература. Рядомъ съ этимъ шла неумолкавшая война противъ подражательности и верхоглядства. Славянофилы же воспитывались въ семьѣ вѣрующей, хранящей преданія старины и не слишкомъ оторвавшейся отъ быта. Живший въ нихъ протестъ противъ подражательности и заемности въ русской жизни и мысли создалъ задачу противопоставить всему этому положительный идеалъ, отыскать въ русскомъ, что̀ есть своего, не чужого, и въ этомъ то идеалѣ многое могло быть найдено отвлеченно, умозрительно, и въ этомъ многомъ иное, но очень незначительное, принадлежало, правда, Гегелю. Гегельщина въ этомъ случаѣ служила второстепеннымъ пособіемъ; она давала лишь готовую номенклатуру, но не болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь къ жизни и условіямъ воспитанія и образованія первоначальныхъ славянофиловъ, мы невольно должны обратить вниманіе на двѣ стороны: самобытную, основанную на первоначальныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ родной семьи, и иноземную, основанную на широкихъ началахъ европейской культуры, воспринятыхъ въ заграничныхъ университетахъ. Оба эти вліянія переживались всѣми безъ исключенія родоначальниками славянофильства.

Братья Кирѣевскіе воспитывались въ родовомъ селѣ, среди мирной деревенской обстановки.

Дѣтство Хомякова прошло въ тѣхъ же патріархальныхъ устояхъ: вмѣсто отчужденія отъ русской жизни и русской старины, въ каковомъ отчужденіи воспитывалось большинство тогдашнихъ дворянъ, онъ на каждомъ шагу видѣлъ живые слѣды ея и свѣжія преданія. Въ домѣ Хомякова жизнь шла въ чисто-православномъ духѣ, со строгимъ соблюденіемъ постовъ, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Равнымъ образомъ воспитывался и К. Аксаковъ. Онъ до девяти-лѣтняго возраста прожилъ въ селѣ, въ постоянномъ общеніи съ крестьянами, а остальную часть жизни въ Москвѣ, въ обстановкѣ хлѣбосольной и широкой жизни, крѣпко державшейся старорусскихъ завѣтовъ.

Но въ то же самое время всѣ они получили блестящее европейское образованіе. Петръ Кирѣевскій, не считая славянскихъ нарѣчій, зналъ семь иностранныхъ языковъ, на которыхъ писалъ и говорилъ, а для пополненія образованія онъ ѣздилъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи знаменитыхъ германскихъ философовъ. Его братъ, Иванъ Кирѣевскій, обладая блестящими способностями, уже 12-ти лѣтъ отъ роду хорошо былъ знакомъ съ лучшими произведеніями русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей. Ради широты образованія онъ также ѣздилъ за границу, гдѣ слушалъ знаменитыхъ профессоровъ. Однимъ словомъ, даже принципіальные враги славянофиловъ воздавали имъ въ этомъ отношеніи полную признательность.

Обыкновенно въ числѣ основателей славянофильства принято называть нѣсколько именъ: братьевъ Кирѣевскихъ, Хомякова, К. Аксакова. Правда, всѣ эти лица были тѣсно связаны между собою. И, напримѣръ, біографію И. Кирѣевскаго совершенно нельзя отдѣлить отъ біографіи его брата. Но первымъ, кто сталъ высказывать славянофильскія убѣжденія, былъ Хомяковъ, и потому его по справедливости можно считать отцомъ славянофильства.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Москвѣ обра-

зовался кружокъ лучшихъ представителей тогдашней образованной молодежи. Средоточіемъ этого кружка былъ высокодаровитый юноша, обѣщавшій стать въ первомъ ряду умственныхъ дѣятелей своего времени, но, къ сожалѣнію, рано умершій Д. В. Веневитиновъ. Члены этого кружка были усердными послѣдователями нѣмецкой философіи и сторонниками западнаго просвѣщенія. И вотъ въ этомъ-то кружкѣ, беззавѣтно преданномъ западному просвѣщенію, Хомяковъ впервые началъ проповѣдовать о необходимости самобытнаго развитія русской народности, объ изученіи старины и возвращеніи къ ея завѣтамъ, о православіи, какъ основѣ русскаго народнаго характера, о назначеніи славянскаго племени въ исторіи и о будущемъ міровомъ призваніи Россіи. Къ Хомякову примкнулъ сначала одинъ только Петръ Кирѣевскій. Иванъ же Кирѣевскій въ это время былъ ярымъ поклонникомъ западнаго просвѣщенія и проповѣдовалъ свое ученіе въ основанномъ имъ журналѣ „Европеецъ“. Позднѣе же подъ вліяніемъ своего брата, а также Хомякова, онъ круто измѣнилъ свои убѣжденія и превратился изъ яраго западника въ не менѣе яраго славянофила.

Стало быть, въ первоначальной стадіи своего развитія оба теченія, и западничество и славянофильство, были какъ бы слиты вмѣстѣ, и только позднѣе, около половины 40-хъ годовъ, совершился расколъ, и оба теченія совершенно обособились одно отъ другого. И самый процессъ этого обособленія наиболѣе ясно представляетъ аналогію съ тѣмъ процессомъ, который совершился въ міросозерцаніи И. В. Кирѣевскаго.

По возвращеніи изъ за-границы, гдѣ И. Кирѣевскій слушалъ лекціи нѣмецкой философіи, онъ началъ издавать журналъ „Европеецъ“ и въ передовой статьѣ, носящей заглавіе „Девятнадцатый вѣкъ“, впервые очень опредѣленно выразилъ мысль о необходимости подражанія Западу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же статья заключаетъ въ себѣ намекъ и на существованіе самобытнаго начала русской образованности. А въ своихъ отчетахъ о заграничной жизни, сообщаемыхъ въ письмахъ, И. Кирѣевскій проявлялъ, наряду съ преклоненіемъ передъ западно-европейскимъ міромъ, и извѣстную долю критицизма.

Черезъ семь лѣтъ въ статьѣ „Въ отвѣтъ Хомякову“ И. Кирѣевскій уже утвердительно говоритъ, что начало русской самобытности существуетъ, и что искать его слѣдуетъ въ православіи, но подробнаго развитія этой мысли и здѣсь еще не даетъ. И только въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“ окончательно и вполнѣ

высказывается И. Кирѣевскій какъ защитникъ русской самобытности. Но въ то же самое время его отношенія къ Западу представляются вовсе не враждебно-партійными, и онъ сознаетъ, что западное просвѣщеніе только вредною стороною своею противно русскому православному духу, но существенная сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія.

Сущность славянофильскаго ученія заключала въ себѣ двѣ стороны — отрицательную и положительную. Славянофильство было прежде всего страстнымъ протестомъ противъ безусловнаго примѣненія западнаго просвѣщенія и отрицательнаго отношенія къ русской жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ, во имя самобытности и историческаго развитія русскаго народа. Западники преклонялись предъ западнымъ образованіемъ, какъ единственнымъ наслѣдіемъ общечеловѣческой культуры, а въ европейскомъ Западѣ видѣли носителя будущихъ судебъ всего человѣчества; славянофилы это западное образованіе признавали ложью, а будущую судьбу человѣчества предоставляли славянскому племени и во главѣ его ставили Россію, которой суждено особое самобытное развитіе. Западники къ изученію Россіи подходили разсудочнымъ путемъ, путемъ логическаго метода, славянофилы же руководились смутными сердечными порывами, непосредственнымъ историческимъ чутьемъ. Западники признавали государство основаннымъ на неограниченномъ проявленіи личности и на формальныхъ юридическихъ отношеніяхъ; славянофилы признавали государство основаннымъ на подчиненіи личности общинному началу и на исполненіи внутренней правды, т. е. закона нравственнаго.

Частнымъ проявленіемъ этой стороны славянофильскаго ученія было отрицательное отношеніе къ Петровской реформѣ, потому что она разъединила насъ съ народомъ и послужила основаніемъ бюрократизму, ставшему между верховной властью и народомъ.

Положительная сторона ученія славянофиловъ выражалась извѣстной формулой коронаціоннаго манифеста императора Николая I: православіе, самодержавіе и народность. Въ этомъ отношеніи славянофильство многими смѣшивалось съ такъ называемой „оффиціальной народностью“, выраженіемъ которой служила та же формула. Но въ то время, какъ сторонники оффиціальной народности заявляли себя врагами свободнаго просвѣщенія и сторонниками абсолютнаго монархизма, а въ отношеніи къ крестьянамъ крѣпостниками, славянофилы эту формулу пони-

мали иначе: свое православіе они основывали на принципахъ любви и свободы, подъ самодержавіемъ разумѣли такую форму правленія, при которой власть раздѣлялась бы между правительствомъ и обществомъ, а въ основаніе народности полагали любовь къ народу, къ мужику, какъ равноправному члену русскаго общества. Стало быть, между славянофильствомъ и оффиціальной народностью сходство могло быть только чисто внѣшнимъ, въ одномъ и томъ же выраженіи формулы; смыслъ же этой формулы въ пониманіи славянофиловъ былъ совершенно иной. Мало того, если бы славянофилы были сторонниками оффиціальной народности, то правительство должно бы было имъ покровительствовать, а между тѣмъ оно не спускало съ нихъ глазъ, и всякое ихъ изданіе подвергалось или самому строгому цензурному исправленію, или, еще чаще, совершенному запрещенію, ибо правительство хорошо чувствовало подъ ходячими выраженіями оффиціальной народности въ пониманіи славянофиловъ нѣчто другое, для него нежелательное.

При послѣдующемъ развитіи политической стороны славянофильскаго ученія нужно имѣть въ виду, что изъ всѣхъ основателей славянофильства одни, какъ И. В. Кирѣевскій, А. С. Хомяковъ и К. С. Аксаковъ, были чистые теоретики: они очень мало или совсѣмъ не принимали участія въ общественной жизни, а создавали свое ученіе и развивали его въ тишинѣ кабинета, предаваясь чисто умозрительнымъ занятіямъ; другіе же, какъ И. С. Аксаковъ, Юр. Ѳ. Самаринъ и А. И. Кошелевъ, были главнымъ образомъ общественными дѣятелями и публицистами и потому тѣсно соприкасались съ жизнью. А само славянофильство, какъ отвлеченно философская теорія, трудно исполнимая въ жизни, не могло остаться въ первоначальной, неприкосновенной чистотѣ, а должно было, въ силу соприкосновенія съ жизнью, пойти на нѣкоторыя видоизмѣненія. Дѣло въ томъ, что славянофильство создавалось въ эпоху реакціоннаго правительства Николая I, въ такое время, когда нельзя было и думать о проведеніи какой-нибудь конституціи. И даже невинное съ нашей точки зрѣнія требованіе славянофиловъ—требованіе совѣщательнаго голоса народа, могло показаться въ то время большимъ вольнодумствомъ. Но вотъ эпоха Крымской кампаніи показала всю несостоятельность прежняго бюрократическаго правительства,—и К. Аксаковъ въ 1855 году беретъ на себя смѣлость представить новому Императору Александру II „Записку о внутреннемъ состояніи Россіи“.

Эту „Записку“ обыкновенно считаютъ выраженіемъ поли-

тическаго символа вѣры славянофиловъ, по которому причисляютъ ихъ къ сторонникамъ неограниченной монархіи, на основаніи формулы, выставленной К. Аксаковымъ: „правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова“. Но существованіе неограниченнаго самодержавія съ правомъ только совѣщательнаго голоса народа К. Аксаковъ признавалъ необходимымъ и достаточнымъ лишь 50 лѣтъ тому назадъ, а не абсолютно, и при томъ при условіи нравственныхъ прерогативъ, признанныхъ за народомъ. Если же, предугадывалъ К. Аксаковъ 50 лѣтъ тому назадъ, этихъ прерогативъ народу не дадутъ, то въ концѣ концовъ правительству придется поступиться еще большими прерогативами,—прерогативами власти, т. е. придется согласиться на введеніе конституціи, при томъ послѣ революціонныхъ движеній. „Все зло современнаго состоянія Россіи“, писалъ К. Аксаковъ, „происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравственной... Правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи“...

Слова К. Аксакова оказались пророческими, такъ какъ то, что онъ предугадывалъ, совершается на нашихъ глазахъ. Стало быть, К. Аксаковъ не допускалъ ограниченія самодержавія лишь при условіи дарованія народу 50 лѣтъ тому назадъ нравственныхъ правъ. Но такъ какъ правительство не вняло его словамъ и продолжало еще полвѣка держать народъ при прежнихъ условіяхъ, то и совершается теперь то, что должно было совершиться. И намъ еще неизвѣстно, переживала ли бы Россія тѣ ужасы, которые переживаетъ послѣдніе годы, если бы правительство во время умѣло прислушиваться къ голосу такихъ людей, какъ К. Аксаковъ. И обвинять славянофиловъ въ несостоятельности ихъ теоріи можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы хотя однажды ихъ теорія была воспринята правительствомъ, проведена въ жизнь и тамъ показала свою несостоятельность.

Въ дальнѣйшемъ развитіи требованій, поставленныхъ К.

Аксаковымъ въ видѣ теоретической проблеммы, предстояло популяризировать и проводить ихъ въ болѣе широкое сознаніе, что́ и взялъ на себя его братъ, И. С. Аксаковъ, уже въ качествѣ публициста и общественнаго дѣятеля. Теоретическое же обоснованіе этой практической дѣятельности И. Аксакова—совершенно согласно съ теоретической проблеммой К. Аксакова, потому что оно покоится на томъ же разграниченіи отношеній „государства“ и „общества“. „Дѣятельность государства и сфера его дѣятельности—чисто внѣшнія. Государство является, какъ органическій покровъ, или, какъ кора на деревѣ, которая должна подаваться, растягиваться, видоизмѣняться, согласно съ внутреннимъ развитіемъ и дѣятельностью сердцевины. Бѣда, если вся сила дерева пойдетъ въ кору: ростетъ и толстѣетъ кора—сжимается и слабѣетъ сердцевина, и, чѣмъ слабѣе сердцевина, тѣмъ ближе и гибель дерева, которую никакая толщина коры отвратить не можетъ: не въ томъ дѣло—крѣпка ли кора, а въ томъ, здорова-ли сердцевина... Общество же есть та среда, въ которой совершается сознательная умственная дѣятельность извѣстнаго народа; которая создается всѣми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознаніе. Другими словами, общество есть народъ самосознающій“...

На этомъ основаніи, вполнѣ раздѣляя мысли своего брата, И. Аксаковъ и занялся впослѣдствіи ихъ популяризаціей и прежде всего напечаталъ его „Записку“ въ собственномъ органѣ „Руси“, затѣмъ помѣстилъ тамъ же и свою статью „По поводу записки К. Аксакова“, въ которой указывалъ средства, которыми возможно спасти Россію, а именно признать „необходимость, какъ для правительства, такъ и для общества, сознательнаго отреченія отъ системы государственнаго ига, административной опеки надъ жизнью, разрыва власти съ народомъ“.

Какъ общественный дѣятель, И. Аксаковъ примыкалъ впослѣдствіи къ тѣмъ организаціямъ, которыя вели упорную борьбу съ бюрократизмомъ, постоянно отстранявшимъ русскую землю отъ „союза съ самодержавною властью“. Въ этой же борьбѣ съ бюрократизмомъ И. Аксаковъ полагалъ главнѣйшую задачу и своей публицистической дѣятельности, потому что „система административной опеки и бюрократическаго управленія—совершенно противна политической природѣ русской земли и идеалу русскаго государства“. Также упорной борьбой съ бюрократизмомъ ознаменовалъ свою дѣятельность и другой приверженецъ славянофильства А. И. Кошелевъ, который въ своихъ заграничъ-

ныхъ брошюрахъ изобличалъ всю тяжесть бюрократическаго управленія страной.

Въ вопросѣ объ участіи народа въ политической жизни страны, составляющемъ краеугольный камень въ общемъ значеніи славянофиловъ, они стояли не за правительство, а за народъ, основывая свою вѣру въ возможное улучшеніе народнаго благополучія на борьбѣ съ бюрократизмомъ. Въ этомъ смыслѣ славянофилы, въ сущности, не были непримиримыми врагами конституціи, а наоборотъ, были очень близки къ признанію ея, только въ нѣсколько своеобразномъ пониманіи. Они боролись не съ самой возможностью конституціи, а съ возможностью впасть въ противоположную крайность, такъ какъ величайшее зло русской жизни они видѣли въ бюрократизмѣ, котораго опасались и при введеніи конституціи. Если бы кто далъ имъ полную гарантію въ томъ, что конституція уничтожитъ бюрократизмъ и не лишитъ народъ его нравственной свободы, то они съ такой конституціей вполнѣ бы примирились, потому что это была бы конституція вполнѣ народная. И если въ настоящее время дѣйствительно наступила пора такой именно народной конституціи, и представители народа дѣйствительно въ состояніи принять дѣятельное участіе въ обновленіи страны на свободныхъ началахъ, а не быть простыми пѣшками въ рукахъ руководителей той или другой партіи, то славянофилы должны быть счастливы, такъ какъ именно въ этомъ заключается залогъ того нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа, о которомъ, въ сущности, они и хлопотали всю жизнь.

Л. Лобовъ.

Сербско-турецкая война 1876 г.

III.

Турки начали наступленіе только въ половинѣ іюля. Къ этому времени у нихъ было сосредоточено близъ границы слѣдующее количество войскъ *):

На Великомъ Изворѣ стоялъ Османъ-паша съ дивизіей въ 18 таборовъ, 4-мя батареями и 1 полкомъ команды. Въ половинѣ іюля къ нему присоединилась изъ Никополя дивизія Фазли-паши. На Бабиной Главѣ находилась дивизія Сулеймана-паши изъ 12-ти таборовъ, 3-хъ батарей и 1 полка конницы. Его бригада подъ начальствомъ Гафиза-паши была направлена къ Грамадѣ. Въ Нишѣ былъ расположенъ корпусъ Эюба-паши изъ 3-хъ дивизій и крѣпостной гарнизонъ,—всего 43 табора, 12 батарей, 4 полка конницы и 4000 башибузуковъ. На Топлицу подоспѣла изъ Митровицы дивизія Али-Сайбъ-паши, состоящая изъ 16-ти баталіоновъ низама, 3-хъ батарей и около 2000 албанцевъ.

Главнокомандующимъ всѣхъ этихъ силъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Сербіи, былъ назначенъ Абдулъ-Керимъ-паша, который прибылъ съ своимъ штабомъ въ Нишъ 10-го іюля. Наступленіе на укрѣпленую позицію алексинацкую, за которою находился еще болѣе сильный Делиградъ, казалось ему невыгоднымъ. Онъ призналъ болѣе соотвѣтственнымъ сдѣлать нападеніе съ лѣваго фланга и съ тыла прямо на Делиградъ. Поэтому наступленіе было предпринято черезъ Грамаду на Княжевацъ, а оттуда предполагалось двинуться на Делиградъ или Парачинъ. Османъ-пашѣ было приказано двинуться черезъ Зайчаръ на Луково и Чуприю, чтобы такимъ образомъ принудить сербовъ покинуть Алексинацъ и Делиградъ.—Впослѣдствіи, когда Княжевацъ палъ и сербы отступили отъ Зайчара и Тимока, турки сосредоточили свои главные силы въ Нишѣ, откуда и вели наступленіе долиной Моравы. Османъ же паша все время потомъ оставался въ Зайчарѣ, сохраняя оборонительное положеніе.

*) См. Слав. Изв. 1907 г., № 4.

Наступленіе началъ корпусъ Эюба-паши, который выступилъ 12-го по направленіе къ Грамадѣ. Авангардомъ его, состоявшимъ изъ 10 таборовъ и 3-хъ батарей, 1 полка конницы и около 1000 человѣкъ, командавалъ Гафизъ-паша.

Съ отступленіемъ моравской арміи съ турецкой территоріи, на Пандиралѣ и Грамадѣ было расположено слѣдующее количество сербскихъ войскъ подъ общимъ начальствомъ полковника Хорватовича. На Пандиралѣ (подъ личнымъ начальствомъ Хорватовича): 5 баталіоновъ пѣхоты, 1 чета добровольцевъ, 1 тяжелая и 1 горная батарея, $^3/_4$ эскадрона и 1 саперная рота. На Грамадѣ (подъ начальствомъ полк. Іовановича): 8 баталіоновъ пѣхоты, $^1/_2$ тяжелой батареи и $^1/_4$ эскадрона.

17-го іюля началось наступленіе на Грамаду авангарда Гафиза-паши, и позиція эта была взята турками послѣ упорной обороны. Іовановичъ отступилъ къ Дервену, но и отсюда вскорѣ принужденъ былъ перейти на Тресибабу, гдѣ соединился съ отступившимъ Хорватовичемъ. 19 числа турки начали наступать на нихъ, и послѣ упорнаго сопротивленія сербовъ, отбросили ихъ къ Княжевацу.

20-го числа турки двинулись къ Княжевацу, предавая огню богатыя селенія княжевацкаго округа съ собранными съ полей хлѣбными запасами. 21 и 22-го числа шелъ у Княжевпца бой съ дивизіей Сулеймана-паши. На третій день боя Хорватовичъ увидѣлъ, что съ своими слабыми силами не можетъ больше держаться, и ночью 23-го числа отступилъ на Банью. Въ это время къ нему шелъ на помощь Черняевъ изъ Алексинаца, но, узнавъ о паденіи Княжеваца, вернулся въ Алексинацъ.

Послѣ взятія Княжеваца оборонительная сербская линія на Тимокѣ не могла болѣе держаться, такъ какъ войскамъ полковника Лешанина могъ быть отрѣзанъ путь отступленія. Пришлось отойти и занять новую оборонительную линію: Банья-Больевацъ-Брестовацъ. Это было исполнено на основаніи постановленія верховнаго военнаго совѣта, собравшагося 16-го іюля въ Делиградѣ, подъ предсѣдательствомъ князя Милана. На томъ же совѣтѣ было рѣшено, чтобы моравская армія защищала границу отъ Грамады до Янковой Клисуры, а главныя свои силы сосредоточила на укрѣпленныхъ позиціяхъ: Алексинацъ—Бѣлградъ; здѣсь надлежало ей употребить всѣ усилія для задержанія наступленія турокъ долиной Моравы.

Съ паденіемъ Княжеваца генералъ Черняевъ отправился въ Делиградъ и тамъ представилъ свою отставку князю Милану. Но сербскій князь уговорилъ его остаться и 25-го іюля снова

облекъ его властью командующаго моравской и тимокской арміями, съ правомъ назначать въ нихъ подчиненныхъ начальниковъ. Возвратившись въ Алексинацъ и издавъ приказъ по войскамъ о полученныхъ имъ правахъ, генералъ Черняевъ тотчасъ произвелъ перемѣну своего начальника штаба: таковымъ, вмѣсто подполковника Беккера, былъ назначенъ отставной полковникъ русскаго генеральнаго штаба Комаровъ. Затѣмъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ на линіи Грамада—Янкова Клисура, онъ назначилъ полковника Протича, а его помощникомъ подполк. Бучовича; начальникомъ войскъ въ Баньи былъ сдѣланъ полковникъ Хорватовичъ. Во второй половинѣ іюля стали прибывать въ Сербію русскіе офицеры—добровольцы, изъ которыхъ многіе получили отдѣльныя части въ арміи Черняева. Вскорѣ послѣ того была принята корпусная организація. 1-го августа всю моравско-тимокскую армію Черняевъ раздѣлилъ на 4 корпуса. 1-й корпусъ, состоявшій изъ 20.818 чел. при 5-ти полевыхъ батареяхъ и находившійся подъ начальствомъ полковника Джорджевича, былъ расположенъ въ Делиградѣ; 2-й корпусъ, въ составѣ 30-ти баталіоновъ съ крѣпостной и полевой артиллеріей, подъ начальствомъ полковника Протича, имѣлъ главную квартиру въ Алексинацѣ; 3-й корпусъ, расположенный въ Луковѣ и состоявшій изъ 18.130 чел. при 5-ти батареяхъ, былъ поставленъ подъ начальство полковника Лазы Іовановича; наконецъ 4-й корпусъ, состоявшій изъ 30 баталіоновъ подъ начальствомъ полковника Хорватовича и находившійся въ Баньи, съ отходомъ турокъ изъ Княжеваца, занялъ этотъ городъ, а затѣмъ охранялъ всю линію отъ Баньи до Грамады.

Князь Миланъ отбылъ въ Бѣлградъ, и 2-го августа сербскимъ войскомъ, расположеннымъ въ долинѣ Моравы, при звукѣ трубъ было объявлено о рожденіи наслѣдника сербскаго престола, княжича Александра. 3-го числа генералъ Черняевъ произвелъ парадъ войскамъ въ Делиградѣ.

Послѣ взятія Княжеваца турки оставили занятыя ими въ долинѣ Моравы мѣстности и возвратились въ Нишъ, гдѣ оставались безъ движенія до начала августа. Этимъ временемъ сербы воспользовались для укрѣпленія позицій на путяхъ наступленія, ведущихъ отъ Ниша въ предѣлы Сербіи. Изъ лучшаго состава конницы былъ образованъ кавалерійскій полкъ въ 4 эскадрона, а остальная конница была придана корпусамъ—по 1 эскадрону на корпусъ. Изъ народнаго ополченія были сформированы 3 баталіона. Кромѣ того получили извѣстную организацію отряды сербскихъ и болгарскихъ добровольцевъ.

Обезпеченные на правомъ флангѣ успѣшными дѣйствіями Османа-паши, турки произвели на лѣвомъ флангѣ наступленіе на сербскія позиціи на Яворѣ и оттѣснили отсюда сербовъ. Обезпечивъ такимъ образомъ свою главную стратегическую базу, турки снова начали наступать долиною Моравы къ Алексинацу. 7-го августа корпусъ Али-Сайбъ-паши, наступая отъ Мрамора, потѣснилъ сербскій отрядъ, стоявшій у Суповара. къ Тѣшицѣ, гдѣ и произошла стычка съ сербскимъ авангардомъ. На всей границѣ запылали сербскія села. 8-го августа бой закипѣлъ на всей линіи по обоимъ берегамъ Моравы, и сербы были оттѣснены къ линіи Мерсоль-Пруговацъ-Св. Стефанъ. 9-го августа подошелъ къ Алексинацу Эюбъ-паша, войска котораго вошли въ соприкосновеніе съ корпусомъ Али-Сайбъ-паши. Самый слабый пунктъ алексинацкой позиціи былъ у Мерсоля, на правомъ флангѣ, и для защиты этого пункта были назначены 2 баталіона съ 2-мя батареями, начальство надъ которыми Черняевъ передалъ русскому добровольцу, полковнику Гогенидзе. Но такъ какъ послѣдній дѣйствовалъ неуспѣшно, то командованіе у него было отнято и передано полковнику Джорджевичу, въ помощь которому былъ приданъ только что прибывшій русскій полковникъ Раевскій. Командованіе лѣвымъ флангомъ было возложено Черняевымъ на русскаго полковника Малиновскаго. На третій день боя, 10-го августа, Мерсоль былъ занятъ турками.

На 11-е августа сербамъ было приказано держаться строго оборонительнаго положенія, во 1-хъ потому, что главныя турецкія силы были сосредоточены у Станаца, очевидно для атаки алексинацкой позиціи; а во 2-хъ вслѣдствіе даннаго полковнику Хорватовичу порученія произвести фланговое обходное движеніе Банья-Княжевацъ-Треспбаба-Дервенъ и такимъ образомъ выйти противъ праваго крыла турокъ. Но мало-по-малу бой разгорѣлся въ этотъ день по цѣлому фронту съ обѣихъ сторонъ Моравы, въ особенности у Алексинаца. Турки сдѣлали попытку прорвать между Глогавцемъ и Пруговацомъ, но послѣ упорной борьбы были отбиты. Видя невозможность взять Алексинацъ съ фронта, они рѣшились занять одну изъ господствовавшихъ высотъ на лѣвомъ флангѣ и такимъ образомъ облегчить себѣ фронтальную атаку. Для выполненія этой задачи они задумали овладѣть Шуматовацемъ, гдѣ былъ сооруженъ сербами небольшой, шанецъ, занятый 3-мя ротами и 6-ю орудіями. Угадавъ намѣреніе турокъ, Черняевъ, послѣ объѣзда позиціи съ своимъ начальникомъ штаба, прибылъ въ Шуматовацъ и сталъ здѣсь ожидать наступленія непріятеля. Это, конечно, придало большую нрав-

ственную подпору защитникамъ этого слабаго укрѣпленія; кромѣ того вызвало и усиленную поддержку со стороны сосѣднихъ сербскихъ отрядовъ. Наступленіе здѣсь турокъ отличалось особой стремительностью. Несмотря на большія потери, они смѣло шли впередъ, выкапывая стрѣлковыя траншеи подъ градомъ картечи, и подошли на сто шаговъ къ укрѣпленію. Сербы тоже понесли большія потери. Однимъ изъ первыхъ былъ убитъ храбрый комендантъ Шуматоваца инженерный капитанъ Протичъ. У орудій нехватало болѣе картечи. Между тѣмъ укрѣпленіе было такъ сильно стѣснено съ фронта и съ фланговъ, что подвозъ снарядовъ былъ возможенъ только съ тыльной, чрезвычайно крутой стороны. Тѣмъ не менѣе сербы отбили всѣ атаки турокъ, которые съ наступленіемъ вечера отошли и залегли въ стрѣлковыхъ ровикахъ въ виду Шуматоваца. Въ 8 часовъ вечера огонь прекратился на всей линіи.

Въ тотъ же день генералъ Черняевъ отправилъ князю Милану депешу слѣдующаго содержанія: „Шестой день борьбы; всѣ свалились отъ усталости. Непріятель вездѣ сильнѣе насъ. Сегодняшній бой длился отъ 3 часовъ утра до 8 вечера: много раненыхъ и убитыхъ“.

На слѣдующій день, 12 августа, когда разсвѣло, оказалось, что турокъ не было передъ Шуматовацемъ: ночью непріятель отошелъ, оставивъ неубранными сотни своихъ труповъ. Въ турецкихъ траншеяхъ лежали кучи бойцовъ въ фескахъ, изуродованные ударами гранатъ и картечи. Побѣда сербовъ была несомнѣнна. Съ этою побѣдою Черняевъ поздравилъ князя Милана, прося его обрадовать и юнаго Обреновича въ колыбели. Князь благодарилъ Черняева и обѣщалъ дать ему высшую степень ордена Такова *). Въ генералы были произведены полковники: Протичъ (комендантъ Алексинаца) и Комаровъ. Весь день 12-го числа сербы отдыхали, но нѣкоторыя ихъ части продвинулись все-таки впередъ и заняли оставленныя турками позиціи.

Между тѣмъ Хорватовичъ продолжалъ безпрепятственно свой фланговый маршъ и дошелъ до Дервена, не встрѣтивъ нигдѣ турокъ. У с. Рсавца, обойдя правый флангъ турокъ, онъ вошелъ въ связь съ лѣвымъ крыломъ алексинацкой оборонительной линіи. Освѣдомившись объ этомъ, Черняевъ задумалъ ударить на турокъ съ фронта и праваго фланга.

*) Орденъ Такова, установленный Михаиломъ Обреновичемъ, имѣлъ всего одну степень. Послѣ обороны Алексинаца было установлено три степени, и Черняевъ получилъ высшую его степень (на шею). Пять степеней было учреждено только въ концѣ войны.

Ночь 12-го числа генералъ провелъ на Шуматовацѣ, а затѣмъ отправился къ войскамъ, которымъ поручено было произвести нападеніе на главную турецкую позицію передъ Станцами. Въ этой колоннѣ находились и русскіе офицеры, только что прибывшіе на театръ военныхъ дѣйствій, а именно: подполковникъ Рихтеръ и Бертельсъ, маіоры графъ Коновницынъ и Бѣлевъ, капитаны Воеводичъ и Максимовъ. Довольно удачно начатый въ этотъ день бой продолжался и 14-го числа—наступательно на лѣвомъ флангѣ и оборонительно на правомъ. Турки двинулись было, чтобы прорвать правый флангъ Хорватовича, но были отброшены. Въ то же время они старались отрѣзать отъ алексинацкой позиціи баньскій корпусъ, но отрядъ Малиновскаго на св. Стефанѣ, при содѣйствіи летучаго отряда поручика Кирилова, состоявшаго большею частью изъ пластуновъ, отбилъ ихъ. Баталіонъ, сформированный изъ болгарскихъ добровольцевъ, защищалъ въ это время Клисуру. День 15-го числа былъ проведенъ какъ сербами, такъ и турками въ полномъ покоѣ. Чувствуя себя сильно утомленнымъ, Черняевъ хотѣлъ передать командованіе моравской арміей генералу Протичу, но послѣдній, опасаясь отвѣтственности, просилъ освободить его отъ этого. Усталость и нервное напряженіе послѣднихъ дней были причиною сильной раздражительности Черняева, что и привело къ очень печальному эпизоду. Будучи недоволенъ дѣйствіями одного изъ командировъ отрядовъ, маіора Велимировича, генералъ выразилъ ему это въ очень оскорбительной формѣ—и Велимировичъ покончилъ съ жизнью въ мутныхъ волнахъ Моравы... Излишняя горячность и несдержанность Черняева нерѣдко приводила его къ поступкамъ, которые онъ потомъ сожалѣлъ самъ.

16-го числа бой начался на всей линіи, а въ особенности у Станаца, гдѣ наступленію турокъ благопріятствовала лѣсистая мѣстность. Пальба прекратилась только къ ночи. Въ донесеніи своемъ о послѣднихъ дняхъ военныхъ дѣйствіяхъ у Алексинаца Черняевъ отмѣчаетъ большой процентъ убыли среди русскихъ добровольцевъ. Были ранены: 10-го числа маіоръ Кузминскій у Перчиловицы, 14-го числа подполковникъ Бертельсъ у Станаца, маіоръ графъ Коновницынъ у Пруговаца, капитанъ Ферморъ у Станаца, 16-го—поручики Денченко, Сочевановъ и Куракинъ; убиты: капитанъ Димитріевъ—10-го, у Мерсоля, поручикъ Кириловъ—14-го, у Станаца, поручикъ Дергаченко—у св. Стефана. Еще ранѣе, вторымъ послѣ Кирѣева, былъ убитъ 8-го числа у Мерсоля корреспондентъ Ярошенко; другой корреспондентъ Гольдштейнъ, назначенный послѣ смерти капитана Протича комендан-

томъ Щуматоваца, погибъ позже—30 августа. Какъ видно изъ приведенныхъ въ трудѣ г. Грунча реляцій, въ защитѣ Алексинаца, кромѣ вышепоименованныхъ, участвовали еще слѣдующіе русскіе добровольцы: капитаны Сѣровецкій и князь Чавчавадзе, поручики Гумилецкій, Китаевъ, Стебельскій, Набоковъ и Тичершгетъ, юнкеръ Сухоруковъ. Одного 13-го числа прибыло въ Алексинацъ русскихъ—21 офицеръ и 18 унтеръ-офицеровъ. Потери моравской арміи при защитѣ Алексинаца были значительны; изъ приведенныхъ у г. Грунча отрывочныхъ свѣдѣній можно заключить, что онѣ простирались до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ ранеными и убитыми.

17 августа турки снова переправились черезъ Мораву и стали быстро отступать къ своей границѣ. Объ этомъ доносилъ командующему арміей и генералъ Комаровъ, производившій обслѣдованіе лѣваго берега Моравы. Весь день 17 и 18-го числа прошелъ въ производствѣ рекогносцировки и занятіи оставленныхъ турками позицій. Ихъ лагерь на Катунѣ и построенный ими мостъ черезъ Мораву были сожжены. Состоявшій при турецкихъ войскахъ англійскій генералъ Кембель объясняетъ въ донесеніяхъ своему посланнику въ Константинополѣ это внезапное отступленіе тѣмъ, что турки, найдя Алексинацкую позицію сильно укрѣпленною, послѣ напрасныхъ усилій прорвать оборонительную линію открытою силою и не имѣя съ собою ни осаднаго парка, ни понтоновъ, затрудняясь притомъ подвозомъ продуктовъ, которые могли доставляться только на воловыхъ подводахъ,—рѣшились измѣнить свой планъ военныхъ дѣйствій.

Сербы, повидимому, такъ были обрадованы отступленіемъ турокъ, что и не подумали преслѣдовать ихъ. Мало того, когда производившій рекогносцировку по Моравѣ помощникъ начальника полевого штаба, русскій подполковникъ Монтеверде, замѣтилъ, что турки перешли черезъ мостъ, не уничтоживъ его, онъ приказалъ бывшему съ нимъ отряду поскорѣе заняться этимъ дѣломъ, и произведшій эту операцію капитанъ Мусинъ-Пушкинъ былъ за это награжденъ даже Таковскимъ крестомъ. Сербы надѣялись, что турки отступятъ къ Нишу. Но 19-го выяснилось, что непріятель занялъ позицію противъ праваго фланга сербовъ у Перчиловицы, и что даже одинъ турецкій отрядъ направился въ обходъ этого фланга. Необходимо было поскорѣе укрѣпить угрожаемый правый флангъ позиціи, для чего Черняевъ послалъ туда русскаго инженернаго подполковника Клименко. Посланы были также въ подмогу войска (8 баталіоновъ и 2 батареи) и офицеры, хотя число ихъ, какъ оказалось, было недостаточно.

Начальникомъ правофланговой позиціи былъ назначенъ подполковникъ Поповичъ.

Отбитый отъ Алексинаца, турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ паша рѣшился перепести свои операціи на лѣвую сторону Моравы, съ цѣлью—прорвать сосредоточенными силами правый флангъ сербовъ и итти далѣе долиною Моравы. 18-го августа войска Эюбъ-паши соединились съ силами Али-Санбъ-паши и 19-го заняли возвышенную позицію, которую укрѣпили искусственными сооруженіями; центромъ ея было Ветренье. 20-го числа, около 8-ми часовъ утра, турки открыли по всей линіи канонаду, къ которой потомъ присоединилась стрѣлковая стрѣльба изъ траншей. Услышавъ пальбу, генералъ Черняевъ со всѣмъ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ Алексинаца и занялъ мѣсто за центромъ правофланговой позиціи. Полковнику Раевскому онъ поручилъ командованіе крайнимъ флангомъ этой позиціи; въ 3 часа послѣдній былъ убитъ *). Къ вечеру сербское правое крыло принуждено было отступить; оно увлекло за собою и центръ, который къ ночи остановился у Андроваца. Бой 20-го числа происходилъ все время на крайнемъ правомъ флангѣ, причемъ турки старались обойти позиціи сербской арміи. Несмотря на свое превосходство въ силахъ (по свѣдѣніямъ Кембеля, у турокъ было во время боя у Андроваца 30 тыс. регулярнаго войска и 120 орудій, не считая черкесовъ и баши-бузуковъ), непріятель хотя и открылъ себѣ путь въ долину Моравы, но не преслѣдовалъ отступавшія сербскія войска. Въ это же самое время Хорватовичъ былъ посланъ совершить диверсію черезъ Грамаду на Виникъ. Найдя его сильно укрѣпленнымъ, онъ не призналъ возможнымъ дѣйствовать наступательно и отошелъ на Княжевацъ, а оттуда на Банью. Такимъ образомъ баньскій корпусъ провелъ совершенно безполезно 4 дня въ походѣ, между тѣмъ какъ присутствіе его въ долинѣ Моравы могло бы принести большую пользу моравской арміи.

Разбитый у Алексинаца правый флангъ сербской арміи долженъ былъ отступить и занять новую оборонительную линію Джунисъ—Великій Шилѣговацъ, служившую продолженіемъ делиградской укрѣпленной позиціи. Но эта новая линія не была укрѣплена предъ войною, и ее спѣшно стали приводить въ оборонительное положеніе только со времени перехода турокъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Если-бы турки продолжали энергически наступать послѣ дѣла подъ Андравацомъ, то они легко

*) Кромѣ его, въ этомъ домѣ изъ русскихъ пали: капитанъ Стекляровъ и поручикъ Степановъ.

могли бы сбить сербовъ и съ новой позиціи; но они, побоявшись это сдѣлать, пока Алексинацъ угрожалъ имъ съ фланга, остановились на занятой ими позиціи, куда стали въ большомъ количествѣ подвозить имъ продовольствіе и огнестрѣльные припасы.

Между тѣмъ изъ Алексинаца, обратившагося для сербовъ въ аванпостный пунктъ, совершилось отступленіе большей части сербской арміи съ артиллеріей къ Делиграду, куда переѣхалъ и штабъ командующаго арміей. Воспользовавшимъ этимъ, черкесы и баши-бузуки бросились жечь и грабить богатыя сербскія селенія, лежащія въ этой мѣстности, жители которыхъ не хотѣли оставить ихъ до послѣдней возможности. Никому и ничему не давали пощады, даже учрежденіямъ Краснаго Креста: одно изъ его санитарныхъ отдѣленій было уничтожено турками на пути изъ Алексинаца къ Делиграду. Пришлось для прегражденія непріятелю возможности производить набѣги въ этихъ мѣстахъ черезъ Моравy, построить три блиндированныя батареи у Бобовища и поручить ихъ охрану особому отряду, силой въ одну дивизію, подъ начальствомъ полковника Медвѣдовскаго. Въ это время прибыла новая партія русскихъ добровольцевъ. Изъ донесенія Медвѣдовскаго объ охранѣ имъ Моравы видно, что лѣвымъ флангомъ у него командовалъ маіоръ Домерщиковъ, однимъ изъ летучихъ отрядовъ силою въ два баталіона—маіоръ Петерсонъ, а отрядомъ болгарскихъ добровольцевъ—капитанъ Райчо Николовъ.

Здѣсь же упоминается и о черногорскомъ легіонѣ въ 300 человѣкъ при двухъ офицерахъ, подъ начальствомъ воеводы Машо Вербицы. Отрядъ полковника Медвѣдовскаго, кромѣ охраны Моравы, имѣлъ обязанностью защищать сообщеніе между Алексинацомъ, Делиградомъ и Джунисомъ. Начальникомъ штаба этого отряда былъ подполковникъ графъ Келлеръ *). Послѣ нѣсколькихъ попытокъ сбить охранительный отрядъ на Моравѣ, турки задумали нанести ударъ сосредоточенными силами на Бобовище и такимъ образомъ проложить себѣ путь на правый берегъ Моравы.

26-го августа прибылъ въ Делиградъ изъ Баньи Хорватовичъ съ 9-ю батареями и 2-мя батареями своего корпуса. Отсюда онъ направленъ былъ Черняевымъ для подкрѣпленія праваго фланга съ тѣмъ, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ ударить на лѣвый флангъ непріятеля. До прибытія Хорватовича правымъ флангомъ позиціи, вновь занятой сербской арміей командовалъ полковникъ русскаго генеральнаго штаба Дохтуровъ, прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій 17-го числа. Съ при-

*) Убитъ въ русско-японской войнѣ.

бытіемъ же Хорватовича Дохтуровъ, по его просьбѣ, былъ причисленъ къ штабу Черняева.

До 20-го августа сербы занимали линію Банья-Алексинацъ-Вуканья. Когда же эта линія была прорвана турками у Андроваца, тогда правое крыло сербской арміи подалось сначала на Гредетинскую рѣчку, а затѣмъ на возвышенности Джунисъ-Креветъ, держась крайнимъ флангомъ на Вуканьской позиціи. Такимъ образомъ вся сербская оборонительная линія имѣла видъ лом. линіи, гдѣ крайними точками служили св. Стефанъ и Вуканья, а на углахъ были Алексинацъ и Делиградъ. Бобовище составляло центръ бокового фронта Алексинацъ-Делиградъ, замыкавшаго долину Моравы. Защищалась эта линія слѣдующимъ количествомъ войскъ: 1) на св. Стефанѣ—2.350 чел., пѣхоты съ двумя легкими батареями (затѣмъ этотъ отрядъ уменьшенъ до 852 чел. съ одной горной батарей), 2) въ Алексинацѣ—17½ бат., 6 батарей и эскадронъ (послѣ паденія Перчиловицы артиллерія была здѣсь усилена на 30 орудій), 3) въ Делиградѣ—22 бат., 5 батарей и 2 саперныя роты (съ прибытіемъ подкрѣпленій делиградскій корпусъ имѣлъ 13 тыс. бойцовъ), 4) на Вел. Шилѣговцѣ до прибытія Хорватовича было: 9¼ бат., 1½ эскац. и 1½ батареи, 5) у Хорватовича, занявшаго пространство между В. Шилѣговцемъ и Вуканьей, было 19 баталіоновъ; 6) отрядъ, защищавшій сообщеніе между Алексинацомъ и Делиградомъ, состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ. Сознавая недостаточность этихъ силъ для предстоящей борьбы, Черняевъ просилъ верховнаго главнокомандующаго приказать войскамъ, находящимся на Дронѣ и Яворѣ, произвести демонстраціи противъ непріятеля, надѣясь тѣмъ задержать наступленіе турокъ на Мораву; самъ же лично онъ приказалъ сдѣлать демонстрацію со стороны тимокской арміи къ Зайчару. Но турки уже привыкли къ этимъ демонстраціямъ, и имъ большого значенія не придавали, такъ какъ онѣ производились недостаточно сильными отрядами. По этой причинѣ главнокомандующій не нашелъ возможнымъ назначить производство демонстрацій на Яворѣ и Дронѣ; диверсія же къ Зайчару 26-го числа прошла безъ всякихъ результатовъ. Въ числѣ павшихъ во время этой демонстраціи находился русскій добровольецъ поручикъ Шубинъ; тяжело раненъ поручикъ Малаховскій и легко поручикъ Байшанскій.

29-го августа начались наступательныя дѣйствія со стороны непріятеля, которыя, однако, рѣшительнаго характера не имѣли, такъ какъ турки предполагали открыть себѣ путь черезъ Мораву у Бобовища на слѣдующій день. Предположеніе это совпало и съ намѣреніемъ сербовъ произвести диверсію 30-го числа, для

чего Хорватовичу былъ отданъ приказъ обойти лѣвый флангъ турокъ и нанести имъ ударъ съ лѣвой стороны, чтобы тѣмъ принудить къ отступленію.

30 августа Черняевъ съ штабомъ занялъ постъ сзади Бобовища и отсюда руководилъ всѣмъ боемъ на Моравѣ. Борьба началась съ утра канонадой по всей линіи отъ Алексинаца до В. Шилѣговаца.

Особенно сильный артиллерійскій и ружейный бой шелъ у Бобовища, гдѣ турки старались навести мостъ и совершить переправу черезъ Мораву. Изъ стрѣлковой цѣпи удалось даже перейти черезъ рѣку и вырыть траншею на правомъ берегу, но они были вытѣснены отсюда отрядомъ маіора Петерсона *). Напоръ на Бобовище становился все слабѣе по мѣрѣ наступленія Хорватовича, силы котораго состояли изъ 10 тыс. чел, при 24 орудіяхъ. Правымъ крыломъ его командовалъ русскій офицеръ Андреевъ, центромъ Журавлевъ, а лѣвымъ флангомъ Бинички (сербъ). Наступая противъ лѣваго крыла турокъ, Хорватовичъ приглашалъ сосѣдній отрядъ Караджича сдѣлать одновременно демонстрацію съ фронта на лѣвый берегъ Моравы, но командовавшій здѣсь участкомъ оборонительной линіи по Моравѣ полковникъ Клименко не согласился на это и поручилъ сдѣлать демонстрацію капитану Флейшеру съ позиціи на Креветѣ. Не поддержанный съ фронта, Хорватовичъ, въ виду превосходства силъ турокъ, къ которымъ подоспѣло подкрѣпленіе съ Андроваца, отступилъ на свою прежнюю позицію. Потери сербовъ въ дѣлѣ 30-го августа, хотя не превышали 500 человѣкъ убитыми и ранеными, были все же для нихъ вемьма чувствительными, такъ какъ подкрѣпленій прибывало мало, и моравская армія настолько уменьшилась, что въ баталіонахъ было, среднимъ числомъ, не болѣе 300 человѣкъ.

Цѣлую недѣлю послѣ 30-го числа обѣ арміи оставались на своихъ позиціяхъ, и лишь происходили небольшія стычки на Моравѣ: до 4-го сентября турки, получивъ изъ Ниша осадную батарею съ 15-сантиментровыми стальными орудіями, произвели бомбардировку Алексинаца, не причинившую ему большаго ущерба. Затѣмъ послѣдовало десятидневное перемиріе. О немъ Черняевъ сталъ хлопотать еще 11 августа, въ день боя на Шуматоваць, а послѣ потери Адроваца даже просилъ князя Милана хлопотать о скорѣйшемъ заключеніи мира. На это князь Миланъ отвѣтилъ, что вопросъ о перемиріи уже поднятъ, и совѣтовалъ

*) Въ числѣ отличившихся при этомъ офицеровъ въ реляціи упоминается русскій добровольцъ Станицкій.

Черняеву писать въ Россію и просить оттуда присылки добровольцевъ и офицеровъ.

Вслѣдствіе этого Черняевъ 27 августа послалъ въ Петербургъ письмо генералу В. В. Зиновьеву, въ которомъ сообщалъ слѣдующее: „Нужно во что бы то ни стало заключить перемиріе, чтобы извлечь пользу изъ принесенныхъ жертвъ. Войска совсѣмъ изморились, на половину не одѣты. Настаетъ холодное время. Солдаты стали самовольно уходить домой. У меня подъ оружіемъ всего 22 тыс. противъ 50.000 турокъ. Турецкая артиллерія превосходитъ нашу въ дальности. Продолживъ войну при настоящемъ нашемъ положеніи, можно потерять всѣ добытые нами результаты“.

Десятидневное перемиріе было заключено 4-го сентября. Это безъ сомнѣнія, самый удобный моментъ для переговоровъ о мирѣ, пока въ рукахъ у сербовъ были еще главныя стратегическія позиціи. Да и для турокъ, казалось, наступавшее холодное время съ неизбѣжной распутицей дѣлало продолженіе войны не желательнымъ, тѣмъ болѣе что они встрѣтили упорное сопротивленіе на Моравѣ. Все это давало поводъ надѣяться на заключеніе мира съ благопріятными для сербовъ условіями.

Но Черняеву казалось, что положеніе сербской арміи выгоднѣе, чѣмъ турецкой, и потому онъ настаивалъ на продолженіи войны. Притомъ же и турки оказались несговорчивыми. На представленіе великихъ державъ о перемиріи и заключеніи затѣмъ мира на основаніи status quo и автономіи для Босніи, Герцеговины и Болгаріи, Порта отвѣтила, что соглашается на 10-дневное перемиріе и предлагаетъ слѣдующія основы мира: status quo для Черногоріи, а въ Сербіи—право туркамъ опять занять крѣпости и получить вознагражденіе за военныя издержки; сверхъ того требовалось, чтобы сербы не имѣли подъ ружьемъ болѣе 10 тыс. человѣкъ. Эти условія вызвали всеобщее негодованіе въ Сербіи—и рѣшено было продолжать войну.

Подъемомъ духа у сербовъ Черняевъ хотѣлъ воспользоваться для провозглашенія Сербіи—независимымъ королевствомъ. Взявъ на себя это дѣло, онъ объявилъ о немъ войскамъ 4-го сентября особой прокламаціей. Армія радостно отнеслась къ этому провозглашенію кральевины такъ какъ предполагала, что оно дѣлается по соглашенію съ Россіей. О „желаніи арміи“ провозгласить князя Милана королемъ Сербіи Черняевъ сообщилъ депешей въ Бѣлградъ. Но никакихъ реальныхъ послѣдствій это pronunciamento не имѣло, такъ какъ не встрѣтило поддержки въ великихъ державахъ.

Н. О—ный.

Черногорская автократія и конституція.

Годъ конституціонной жизни (6 дек. 1905 г. по 6 дек. 1906 г.).

Характеристика новаго правительства.—Его непопулярность и причины того.—Старый режимъ продолжается.—Новый правительственный печатный органъ и его роль.—Полемика его со вновь возникшимъ общественнымъ печатнымъ органомъ.—Изъ полемики этой уясняется характеръ дѣятельности правительства.—Органъ общественный пріобрѣтаетъ силу, правительственный прекращается.—Что сдѣлано народомъ и обществомъ въ параллель съ дѣятельностью правительства *).

Скупштина исполнила свою роль и разошлась; а конституція вступила въ свои права и начала дѣйствовать. Нотою министра иностран. д., извѣщавшею иностранныхъ представителей при дворѣ князя Николая объ открытіи 6-го дек. княземъ скупштины, въ то-же время они увѣдомлялись, что „Черногорія, до сего времени имѣвшая автократическую форму правленія, отнынѣ стала конституціонной монархіей съ народнымъ представительствомъ".

Контингентъ молодыхъ людей, получившихъ высшее, главнымъ образомъ юридическое образованіе или въ другихъ военно-техническихъ заведеніяхъ, оказался достаточнымъ, чтобы ими замѣстить всѣ министерскія должности, пополнить составъ великаго суда и канцелярій министерствъ и другихъ высшихъ учрежденій. Польщенные такимъ для молодыхъ людей лестнымъ отличіемъ со стороны своего господаря, они приложили все стараніе, чтобы оправдать оказанное имъ довѣріе.

Съ одной стороны усилилась законодательная дѣятельность, между прочимъ въ два съ половиною мѣсяца однимъ составленъ уголовный кодексъ; съ другой—во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ стали требовать самаго точнаго исполненія законовъ и начальственныхъ распоряженій. Строгость эта была справедлива противъ патріархальности, доводившей иногда до распущенности.

---

*) См. Сл. Изв. 1907 г. № 4.

Но сразу было пущено такое множество законовъ и распоряженій, что въ нихъ не легко было разобраться, при чемъ требовалось время, чтобы совершенно устранить нѣкоторые старые порядки и обычаи. Вслѣдствіе такихъ отношеній стали происходить столкновенія между старыми и новыми порядками, въ которыхъ молодые правители, само собою разумѣется, были всегда на сторонѣ послѣднихъ. При этомъ, держась строго буквы закона, они не обращали вниманія на то, были-ли эти требованія спреведливы въ примѣненіи къ практическимъ требованіямъ народной жизни и не наносили-ли въ этомъ слишкомъ строгомъ примѣненіи больше вреда, чѣмъ пользы. Можно вѣрить честности побужденій новыхъ правителей; но въ то-же время естественно сомнѣваться въ ихъ непогрѣшимости при исполненіи своего долга, а потому нельзя помириться съ тою требовательностію, которую они проявляли по отношенію къ другимъ, къ исполнителямъ ихъ рѣшеній.

Этимъ только и можно объяснить такое странное явленіе, что, не смотря на личныя достоинства новыхъ правителей и на ихъ лучшую подготовку въ сравненіи съ прежними, они скоро возбудили противъ себя общее недовольство. Не оказывалось имъ должнаго уваженія, потому что они сами требовали этого, не успѣвши его заслужить истинно полезною для народа дѣятельностью, вниманіемъ и участіемъ къ его нуждамъ и потребностямъ. Вызванные на высокое положеніе конституціей, которой требовались болѣе свѣжія силы и люди болѣе широкихъ и свободныхъ взглядовъ, они во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ показали себя вѣрными слугами стараго бюрократическаго режима, который народъ ненавидѣлъ инстинктивно. А между тѣмъ уже одно объявленіе конституціи произвело свое дѣйствіе. Самъ князь съ высоты трона сказалъ, что черногорецъ „долженъ быть свободнымъ гражданиномъ“, и въ продолженіе всей рѣчи постоянно выставлялъ черногорцу „любовь къ свободѣ“. И на всѣхъ повѣяло духомъ свободы. Стали открыто критиковать министровъ; между правительствомъ и народомъ образовалась щель, которая все больше расширялась, чему правительство не придавало никакого значенія и продолжало дѣйствовать по своему усмотрѣнію, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, которое министрамъ было извѣстно. Но тѣмъ не менѣе, имѣя одинъ официальный органъ „Голосъ Черногорца“, оно создало еще новый органъ подъ названіемъ „Уставность“ (конституціонная жизнь), которая и стала выходить съ первыхъ дней января, редактируемая приглашеннымъ бывшимъ сотрудникомъ одной мелкой бѣл-

градской газеты, давно уже изощрявшейся въ восхваленіи всѣхъ дѣяній черногорскаго правительства.

„Уставность“ эта, какъ органъ конституціи, сочла долгомъ выступить прежде всего въ роли опытнаго педагога съ цѣлью преподать черногорцамъ науку о конституціи и научить ихъ конституціонной жизни. Одна статья въ этомъ направленіи вышла отъ имени министра внутр. д., въ которой говорилось между прочимъ, что для той-же цѣли, т. е. для ученія народа будетъ изданъ особый циркуляръ (не знаю, вышелъ-ли). Это были въ полномъ смыслѣ курсы для взрослыхъ, на которыхъ, вмѣсто слушателей, были читатели. Въ этихъ лекціяхъ главнымъ образомъ говорилось о разумной гражданской свободѣ, которая состоитъ въ добровольномъ подчиненіи своей воли правительству. Затѣмъ говорилось объ оппозиціи, которая бываетъ двоякая— благонамѣренная и злонамѣренная, о политическихъ партіяхъ съ надлежащею ихъ характеристикою и раздѣленіемъ тоже на хорошія и дурныя. Для Черногоріи это, конечно, не имѣло смысла, потому что не было политическихъ партій,—да не гдѣ было и проявиться оппозиціи; а были только единичные не лестные отзывы о министрахъ и вообще неодобреніе правительства, выражавшіеся не въ какомъ нибудь публичномъ органѣ и даже не въ публичномъ собраніи, а въ бесѣдѣ, въ тѣсномъ кругу своихъ людей. А такъ какъ это говорилось открыто, то оно и доходило до министровъ, которые потомъ и казнили ихъ въ своемъ органѣ. Поэтому „Уставность“, кромѣ поученія, занималась полемикой; а такъ какъ полемизующаго съ ней органа не существовало, то она полемизировала сама съ собой: придумывала себѣ противника и громила его, благо, онъ былъ безотвѣтенъ! Съ „Голосомъ Черногорца“ „Уставность“ такъ подѣлила общую работу: онъ давалъ офиціальныя сообщенія о различныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, а она неофиціально выставляла ихъ въ надлежащемъ освѣщеніи и опять съ подобающимъ поученіемъ. Ужъ и наскучила же она всѣмъ своими поученіями! Иногда статьи ея были не только скучны, но и возмутительны. Такимъ былъ цѣлый длинный рядъ статей о табачной монополіи, въ которыхъ она старалась увѣрить всю Черногорію въ томъ, что монополія эта полезна и призвана обогатить и осчастливить ее; тогда какъ никто не видѣлъ отъ нея ничего, кромѣ самой безсовѣстной эксплоатаціи. Эти статьи еще больше вооружали противъ тѣхъ, кто были виновниками введенія табачной монополіи и послѣ были ея ревностными защитниками.

Излюбленною темою этого органа было также ратованье

противъ отправленія черногорцевъ на заработки въ Америку. Но изъ Америки отъ находившихся тамъ черногорцевъ постоянно получались такія заработанныя ими суммы, какихъ, конечно, никогда не въ состояніи дать работы, гдѣ-бы то ни было, въ Европѣ: а объ Черногоріи нечего и говорить. И проповѣдь эта оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ результатѣ правительство, создавъ свой органъ, на который тратились казенныя деньги и полагалось такъ много надеждъ, еще больше потеряло въ глазахъ народа, выступивъ защитникомъ всего того, что ему такъ ненавистно.

Наконецъ съ сентября мѣсяца въ г. Никшичѣ стала выходить новая еженедѣльная газета „Народная Мысль“ (Народна Мисао), дѣйствительно независимая и неправительственная. Такъ какъ „Уставность“ своими восхваленіями правительства старалась устранить всякую критику его дѣйствій, новый органъ впервые обращается къ разсмотрѣнію этой дѣятельности не черезъ очки министровъ. Посвятивши первый нумеръ (3 сентября) изложенію своей программы и своего взгляда на то, что народъ долженъ имѣть въ виду, приступая къ выборамъ въ скупштину (выборы назначены на 14 сент.), на оппозицію, изъ которой „Уставность“ создала какое-то пугало, новая газета въ слѣдующемъ нумерѣ (10 сент.) въ статьѣ „Народное представительство“, останавливаетъ вниманіе на томъ, что прошлогодняя скупштина ничего не сдѣлала, потому что не могла ничего сдѣлать, а о правительствѣ говоритъ слѣдующее: „что касается дѣятельности новаго правительства, то, хотя и мало прошло времени, какъ наступила новая жизнь, оно все-таки не сдѣлало ничего, что отъ него ожидалось“, и напротивъ, оно обнаружило „стремленье, сколько возможно уменьшить значеніе скупштины въ глазахъ народа“.

Противъ этого, конечно, ополчилась „Уставность“ и пять столбцовъ своихъ посвятила характеристикѣ очень мудрой внутренней политики правительства и перечисленію того, что оно сдѣлало менѣе, чѣмъ за одинъ годъ своего существованія. Оказывается, что оно издало и приготовляетъ къ изданію около двадцати законовъ: уголовный кодексъ, о выборахъ, объ устройствѣ государственнаго совѣта, о министерской отвѣтственности, о печати и т. д. Оно заключило договоръ о постройкѣ порта въ Барѣ и желѣзной дороги, объ чемъ выражается такъ: „если-бы теперешнее наше правительство не сдѣлало ничего другого, полезнаго для государственныхъ и народныхъ интересовъ, въ столь короткое время, довольно бы было и заключенія этого договора“ (№ 37,

сент. 13). Сюда-же включена и гимназія, будто-бы преобразованная, а въ дѣйствительности существующая уже 25 лѣтъ и едва добравшаяся до пятаго класса; проекты новыхъ дорогъ, регулированія рѣкъ и осушенія болотъ и т. д. И заключается эта статья такъ: „Пусть знаетъ Народ. Мысль, что мы твердо убѣждены, что она не будетъ въ состояніи представить приличную критику на болѣе важныя работы теперешняго правительства, такъ какъ эти работы ей не извѣстны еще въ деталяхъ“. Заключеніе совершенно справедливое, потому что всѣ проекты и предположенія, лежащія еще только въ канцеляріяхъ, не могутъ подлежать критикѣ. Что касается упомянутой въ „Устав.“ законодательной дѣятельности правительства, то, какъ мы уже замѣчали, въ ней оказывается какая-то спѣшность, какъ будто на показъ кому-то, а вмѣстѣ съ тѣмъ она вырабатывается чисто бюрократическимъ способомъ, не подвергаясь ничьему обсужденію внѣ канцеляріи Въ послѣднее же время прямо объявляется, что усвоенъ такой-то законникъ (напр. уголовный), дѣйствующій въ Сербіи (королевствѣ).

Еще владыка Петръ I, составляя первый законникъ для Черногоріи (1803 г.), руководился правиломъ, что „законы должны принаравливаться къ народу, а не обратно“, а потомъ князь Николай, поручивъ составленіе имущественнаго законника д-ру В. Богишичу, также поставилъ условіемъ, чтобы „главное вниманіе было обращено на народныя понятія о правдѣ и справедливости и на жизненныя потребности черногорскаго народа“. Новые же законодатели много не останавливаются на этомъ и копируютъ сербскіе законы, не понимая или забывая, что хотя въ Сербіи и Черногоріи одинъ и тотъ же сербскій народъ, но исторія и различныя вліянія культурныя и мѣстныя создали въ немъ различія въ нравахъ и обычаяхъ, а также и въ понятіяхъ о правдѣ и справедливости, и потому законы, назначенные для сербовъ Королевства, могутъ во многомъ не годиться для черногорцевъ. То-же самое замѣчаетъ и „Народная Мысль“. За эти законы—говоритъ она—мы можемъ быть благодарны только братской намъ Сербіи, такъ какъ наши министры дословно копировали ихъ; поэтому они въ этомъ отношеніи не только не имѣютъ никакой заслуги, но имъ можно поставить въ грѣхъ, что они взяли эти законы, не обращая вниманія на наши особенныя потребности въ духѣ нашего народа“ (№ 10).

Мы долго задержались на этихъ двухъ газетахъ, потому что одна изъ нихъ была органомъ правительства, которое черезъ нее выражало свои взгляды и стремленія и старалось въ томъ-

же духѣ направить и народъ; а другая явилась выразителемъ общественнаго мнѣнія, за которымъ пошелъ народъ. Это сказалось тотчасъ-же. „Уставность“, содержимая правительствомъ, не имѣла почвы въ народѣ и потому держалась искусственно, придумывая себѣ темы для писанія, и появленіе другой газеты сначала оживило ее, такъ какъ новая газета была слишкомъ богата темами самаго разнообразнаго характера и представляла „Уставности“ обильный матеріалъ для полемики, и она стала вся наполняться полемическими статьями. Но полемика съ органомъ, который обладалъ свѣжими силами и имѣлъ за собою народъ, оказалась ей не подъ силу, и она черезъ три мѣсяца прекратила свое существованіе. Правительство въ этомъ случаѣ убѣдилось, что легче писать указы и издавать законы, чѣмъ командовать народомъ путемъ печатнаго органа, и рѣшилось остаться при одномъ оффиціальномъ ветеранѣ „Гласѣ Черногорца“, который съ этого времени процвѣлъ.

Въ продолженіе тѣхъ же трехъ мѣсяцевъ „Народ. Мысль“ сдѣлала очень много для освѣщенія истиннаго положенія дѣлъ въ Черногоріи, что такъ важно было въ виду предстоявшей скупштины. Для выборной агитаціи она стала выходить слишкомъ поздно; но тѣмъ не менѣе успѣла сдѣлать нѣкоторыя разоблаченія относительно агитаціи министровъ въ ихъ пользу и другія нарушенія избирательнаго закона, на что потомъ и обратила вниманіе скупштина.

Въ заключеніе укажемъ вкратцѣ, что въ этомъ же періодѣ сдѣлано въ Черногоріи народомъ и обществомъ по собственной иниціативѣ и безъ всякаго содѣйствія правительства.

Въ 1901 г. въ Никшичѣ основалась ссудо-сберегательная касса на акціяхъ, и она успѣла уже оказать благотворное вліяніе на окружное населеніе, освободивъ его отъ ростовщиковъ и давая возможность поселянину или торговцу получать суммы за малый процентъ для успленія торговли или сельскаго хозяйства, часто избавляя отъ необходимости продать свое имѣньс за безцѣнокъ. Яснымъ подтвержденіемъ того, что это учрежденіе было вызвано народною потребностью, служитъ основаніе подобныхъ въ Подгорицѣ въ 1904 г. и въ Цетиньѣ въ 1905 г. Въ Цетиньѣ же основался банкъ также на акціяхъ съ основнымъ капиталомъ въ 600.000 кронъ, и съ января 1906 г. онъ открылъ свои дѣйствія.

Черногорское министерство финансовъ нашло выгоднымъ для казны вложить въ пенсіонный фондъ сумму въ 200.000 кронъ, въ Никшицкую кассу; а военное министерство 40.000 кронъ, слу-

жащія для обезпеченія семействъ пострадавшихъ отъ войны, держитъ въ Цетинской сберегательной кассѣ.

Въ 1903 г. образовалось общество съ цѣлью „помогать и развивать ремесла, торговлю и вообще поднять экономическую дѣятельность въ странѣ“. Средствами для достиженія этой цѣли служатъ: открытіе торгово-промышленныхъ школъ; посылка дѣтей бѣдныхъ черногорскихъ семействъ за границу для обученія; а потомъ обучившимся доставленіе средствъ или кредита для открытія собственныхъ мастерскихъ или торговли.

Много дѣтей отправлено за границу; на Цетиньѣ открыта переплетная мастерская, служащая и школой; одному уже обучившемуся ремеслу черногорцу дана возможность открыть свою мастерскую; оказывается помощь и еще нѣсколькимъ. Рядомъ съ этимъ сами ремесленники сербской народности основали общество пѣнія и игры на тамбурахъ (родъ балалайки) съ цѣлью учиться самимъ; а потомъ, устраивая концерты или участвуя своею музыкой по приглашеніямъ, приходомъ отъ нихъ помогать бѣднымъ ремесленникамъ или ихъ семействамъ. И это дѣло идетъ довольно успѣшно.

Была попытка возобновить и литературную дѣятельность въ Черногоріи. Учителя элементарныхъ школъ стали издавать „Учительскій листъ“ спеціально педагогическаго содержанія и продержались больше года; но, съ одной стороны, не встрѣтивъ нигдѣ содѣйствія, а съ другой, не располагая и необходимыми для того силами, должны были прекратить изданіе.

Теперь все было сосредоточено на скупштинѣ, которая должна была впервые явиться съ законодательнымъ характеромъ.

Р—цъ.

Полабскіе славяне.

Очерки Э. Ю. Муки.

Часть III.

Полабская литература и полабскій языкъ.

О полабской литературѣ, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи; говорить можно развѣ только о литературѣ о полабскомъ языкѣ и о полабахъ. Дѣло въ томъ, что не было написано ни одной книги на полабскомъ языкѣ люнебургскихъ вендовъ. Когда языкъ полабскій уже совсѣмъ вымиралъ, въ послѣднюю четверть XVII и въ первую четверть XVIII в., то нѣсколько ученыхъ обратили вниманіе на люнебургскихъ вендовъ и старались въ послѣдній моментъ спасти, что еще можно было спасти. Толчокъ къ этому далъ философъ Г. В. Лейбницъ, вниманіе котораго на еще живущихъ въ люнебургскомъ княжествѣ вендовъ или полабовъ было обращено, должно-быть, реляціей генералъ-суперинтендента Гильдебранда 1672 г. Лейбницъ, какъ уроженецъ Лейпцига, безъ сомнѣнія, уже въ дѣтствѣ познакомился съ вендами обѣихъ Лужицъ, а въ 1676 г. онъ прибылъ въ Ганноверъ въ качествѣ библіотекаря и совѣтника ганноверскаго курфюрста и англійскаго короля Іоанна Фридриха; его, философа, интересовавшагося всѣми отраслями знанія и даже этнографическими и лингвистическими вопросами, естественно должно было заинтересовать извѣстіе о еще существующихъ вендахъ на лѣвомъ берегу нижней Эльбы; потому-то онъ и старался добыть о нихъ вѣрныя свѣдѣнія и обратился около 1670 г. черезъ посредство ганноверскаго чиновника Шредера и бар. Шенкъ-фонъ-Винтерштедта въ Данненбергѣ къ дѣйствовавшему въ серединѣ вендской земли люховскому исправнику Митгофу, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ лучше всего знать положеніе дѣлъ. Благодаря разысканіямъ и, вѣроятно, поощреніямъ Митгофа стали и другія лица интересоваться до тѣхъ поръ никѣмъ не замѣчаемыми и презп-

раемыми дравенами (дровянами), а въ особенности вустровскій пасторъ Хр. Геннигъ, Зютенскій крестьянинъ Іоганнъ Парумъ-Шульце и одинъ неизвѣстный пасторъ въ Данненбергскомъ графствѣ.

О томъ, что полабскій языкъ никогда не былъ языкомъ письменности и литературы, и что даже послѣ введенія реформаціи не были переведены на полабскій языкъ ни библія, ни катехизисъ, ни церковныя книги, свидѣтельствуетъ кромѣ знатока этого дѣла Хр. Геннига еще Митгофъ въ своемъ посланіи къ Лейбницу отъ 17 мая 1691 г., въ которомъ онъ говоритъ, что „на основаніи справокъ въ люнебургско-вендской землѣ не имѣется ни книгъ, ни какихъ бы то ни было письменныхъ памятниковъ". Этому свидѣтельству противорѣчитъ одно только письменное сообщеніе Шенкъ-фонъ Винтерштедта къ Шрадеру, сохранившееся донынѣ (въ Ганноверской корол. библіотекѣ XXIII 842): „Hermanni Slavonici Postilla impressa exstat in Bibliotheca Augusti Ducis conscripta ea lingua qua hodie Venedi utuntur quorum primaria urbs est Luchovia (ex relatione D. Hasemanni, бывшаго въ то время библіотекаремъ въ Вольфенбюттелѣ); idem habet slavonicam graecam Hieronymi ut putat methodon. *) Но очевидно, это не полабскія, а словенскія печатныя **) книги изъ періода расцвѣта словенской литературы въ эпоху реформаціи; впрочемъ, какъ утверждаютъ, ихъ въ настоящее время въ Вольфенбюттельской библіотекѣ больше не имѣется или нельзя больше найти.

Въ церквахъ люнебургской вендской земли ни до реформаціи, ни послѣ нея не употреблялись ни печатныя, ни даже рукописныя вендскія или вообще славянскія книги, и на основаніи подробныхъ разысканій въ надлежащихъ мѣстахъ я смѣло могу утверждать, что ни въ одномъ церковномъ архивѣ вендской земли никогда не находилась ни одна полабская книга, и что такая и никогда не будетъ найдена. Въ инвентарномъ спискѣ, напр., Хр. Геннига отъ 1688 г., находящемся въ церковномъ архивѣ въ Вустровѣ, среди всѣхъ въ то время тамъ находившихся книгъ не помѣчено ни одной славянскаой.

Мы здѣсь прежде всего перечисляемъ дошедшіе до насъ остатки полабскаго языка:

---

*) т. е. имѣется печатный требникъ Германа Славянскаго въ библіотекѣ Августа, герцога, написанный на томъ языкѣ, которымъ теперь пользуются венеды, главный городъ которыхъ Люховъ (согласно донесенію Газеманна); онъ же имѣетъ славянско-греческій учебникъ, какъ онъ думаетъ, Іеронима.

**) Отпечатанныя въ славянской типографіи барона въ Вюртембергѣ.

1) Въ донесеніи Гильдебранда отъ 26 февраля 1672 г. сообщены 2 полабскихъ слова: Пагелейтцъ (pakülaicá) и Пегнитцъ (pënędz).

2) Записи Митгофа изъ устъ народа 1691 г. (см. Leibnitii coll. etym. VI): а) „Отче нашъ“, б) краткая молитва и 3 пѣсенки въ честь Св. Дѣвы, изъ которыхъ вторая въ то же время представляетъ заклинаніе противъ войны, в) предложеніе: Wan tung jang Siostie=Wän tą ją Sósky (онъ—нѣмецъ; дословно: вонъ тотъ саксонецъ).

3) Designatio **) vocabulorum aliquot Winidis Luneburgensibus usurpatorum: 136 словъ въ алфавитномъ порядкѣ отъ слова Asche (нѣм., полабск. pipél, т. е. пепелъ) до слова Zaunkönig (нѣм., полабск. strëzic, т. е. кропивникъ) какъ приложеніе къ донесенію Митгофа (ср. Leibnitii coll. etym. VI. 1717).

4) Vocabularium Venedicum Пфеффингера отъ 1698 г.: приблизительно 636 словъ, расположенныхъ по группамъ и перепечатанныхъ въ 1711 г. Эккардомъ въ его Historia stud. etym. стр. 274 и слѣд.

5) Словарь Христіана Геннига отъ 1705 г. подъ заглавіемъ: „Vocabularium Venedicum“ и „Teutsch-Wendisches-Wörterbuch“ съ его многочисленными списками, извлеченіями и частичными перепечатками.

6) Wendische Vocabeln. Для Monsieur de Baucoeur. 1710 г., рукопись королевской библіотеки въ Ганноверѣ въ сборномъ пакетѣ XXIII, 841. Слова расположены по группамъ.

7) Подобный же предметный словарь, какъ и въ п. 6-омъ, въ 15 отдѣлахъ, написанный послѣ 1710 г., тоже въ сборномъ пакетѣ XXIII, 841 королевской библіотеки въ Ганноверѣ.

8) „Отче нашъ“ и „Пѣсня невѣсты“ (Katü mës ninka bait? „Кому быть невѣстой? дословно: Кто имѣетъ невѣстой быть?“), записанные Хр. Геннигомъ и впервые отпечатанные Эккардомъ, Hist stud. etymol. 1711 г.

9) Въ хроникѣ Іоганна Парумъ-Шульце 1724 г. и 1725 г. находятся: а) словарь (стр. 133—146), б) 4 небольшихъ связныхъ текста, в) фразы и небольшія предложенія и д) разбросанныя по всему произведенію вендскія выраженія, въ особенности при объясненіяхъ разныхъ названій полей.

10) Собраніе Домейера болѣе 300 словъ „древняго вендскаго

**) Оригиналъ рукописи этого словаря, какъ и вся относящаяся сюда корреспонденція между Лейбницемъ, Шредеромъ, Винтерштедтомъ и Митгофомъ, сохранились и находятся въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ (XXIII, 841 и 842).

языка“ (напечатано въ 1744 г. въ Гамбургской смѣшанной библіотекѣ II 794 и слѣд.).

11) Вендское „Отче Нашъ“ люховскаго бургомистра Мюллера († 1755 г.) въ 2 редакціяхъ, неоднократно перепечатанное и переписанное то съ большомъ, то съ меньшомъ количествомъ ошибокъ. Это—„собственное сочиненіе“ названнаго Мюллера на основаніи словаря Геннига и потому совершенно безцѣнно, какъ фальсификація послѣдняго сорта.

12) Незначительное собраніе словъ въ „Hannoversche Gelehrte Anzeigen“ 1752 г., стр. 1137—1140.

13) Вендское „Отче Нашъ“ у Бухгольца (напечатано въ 1753 г.).

14) Нѣмецко-вендскій списокъ словъ Михаила Рихея, 1755 г. или 1710 г.: „Vocabula et phrases vandalicae“, названный Теднеромъ „Idiotikon Hamburgense“—это 380 словъ на 3 листахъ, приложеніе къ донесенію Гильденбранда въ Копенгагенской рукописи (отпечатаны въ „Archiv für slav. Philol“. 1900 г., стр. 126—134).

15) 105 вендскихъ словъ уѣзднаго секретаря Гинтце въ Люховѣ 1786 г. (отпечатано у Гильфердинга, „Sprachliche Denkmäler“ 1857 г., стр. 47 и слѣд.).

16) Единичныя полабскія слова въ нижненѣмецкомъ языкѣ вендской земли, всего 39 словъ, собранныхъ мною и объясненныхъ въ „Szczątki języka połabskiego“.

17) Полабскія названія полей и мѣстностей и фамилій, собранныя мною и объясненныя въ „Szczątki języka połabskiego“ и обнародованныя въ „Materjały i prace Komisyi językowej“ академіи наукъ въ Краковѣ, т. I, 1903 г. стр. 313—569.

При болѣе подробномъ сравненіи оказывается, что оба предметныхъ словарчика, п. п. 6 и 7 и собранія словъ п. 12 почерпнуты изъ лексическихъ работъ Хр. Геннига, а вендскія слова Гинтце п. 15 заимствованы у Парумъ - Шульце. Даже собранія Пфеффингера (п. 4), Домейера (п. 10) и Рихея (п. 14) восходятъ къ общему источнику, и при томъ, по словамъ Домейера, они заимствованы изъ бумагъ одного священника, служившаго въ прошломъ (т. е. XVII в.) въ вендской общинѣ въ графствѣ Данненбергъ; трудъ этого священника, какъ и обнародованная Лейбницемъ „Designatio“ (п. 3), возникъ подъ вліяніемъ Митгофа и при томъ, какъ мнѣ кажется, въ самой сѣверной части верхней Дровяны (Дравенъ), быть можетъ, въ Брезеленцѣ (Breze Lęzi) или въ Круммазелѣ (Krupojasela) или Витфейтценѣ (Bila Váisná); послѣднія двѣ мѣстности, правда, не лежатъ въ нынѣшнемъ округѣ Данненбергъ, но въ XVII и XVIII вв. волость люхов-

скую, въ которой онѣ лежатъ, причисляли къ древнему графству Данненбергъ. Изъ бумагъ священника въ Данненбергскомъ графствѣ черпали между 1691 г. и 1698 г. инспекторъ дворянской академіи въ Люнебургѣ Пфеффингеръ или тотъ, у кого онъ заимствовалъ. Свое первое сопоставленіе или свой первый списокъ Пфеффингеръ самъ, хотя и значительно позже, послалъ въ Ганноверъ Лейбницу, какъ я считаю себя въ правѣ заключить изъ обращенія „Monsieur“ въ этой пфеффингеровой рукописи, которая сохранилась въ пакетѣ рукописей XXIII, 841 королевской библіотеки въ Ганноверѣ подъ № 6 съ надписью „Vocabulaire Vandale“. Посланное Эккарду и имъ отпечатанное Vocabularium Venedicum (п. 4), кажется, было написано Пфеффингеромъ, позже чѣмъ то Vocabulaire. Отправленный вмѣстѣ съ другими въ 1691 г. Митгофомъ Лейбницу Vocabular'ій я рѣшительно считаю работой Хр. Геннига и при томъ его первымъ собраніямъ полабскихъ словъ, которыя составляютъ самыя первыя записи въ его (Геннига) герлицкій конспектъ (см. ниже подъ п. 1). Этотъ набросокъ написанъ разными чернилами: болѣе блѣдными, свидѣтельствующими о древнѣйшей части его, и болѣе темными, и уже д-ръ Тецнеръ (Хр. Геннигъ, стр. 193 и слѣд.) сдѣлалъ правильное наблюденіе, что большинство словъ, написанныхъ болѣе блѣдными чернилами, встрѣчаются и въ Designatio Лейбница; значитъ, они до 17 мая 1691 г. были записаны въ набросокъ и въ еще сохранившемся спискѣ были Митгофомъ посланы къ Лейбницу; остальныя болѣе многочисленныя, написанныя болѣе темными чернилами слова представляютъ собою записи Геннига изъ устъ стараго переселенца Яншки изъ Кленова 1705 г. А что Геннигъ уже до 1691 г. занимался и лингвистическими записями, объ этомъ онъ самъ косвенно свидѣтельствуетъ словами: „Вслѣдствіе этого у меня опять проснулась уже вымершая страсть къ этому языку“ (Герлицкая рукопись. Введеніе стр. 124). Дальнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу моего предположенія является то обстоятельство, что въ вышеназванную Designatio вошелъ и словарный матеріалъ „Пѣсни невѣсты“, про которую Эккардъ заявляетъ, что она записана Хр. Геннигомъ непосредственно изъ устъ народа, т. е. Геннигъ записалъ эту единственную до насъ дошедшую народную пѣснь полабовъ уже въ 1691 г., или даже еще раньше.

Впрочемъ рядомъ съ собраніями въ хроникѣ Парумъ-Шульце (п. 9) и съ полабскими названіями мѣстностей, фамилій и полей вендской земли (п. 17) лексическія работы Хр. Геннига являются и остаются главнѣйшимъ памятникомъ языка люнебургскихъ вен-

довъ. Онѣ впервые упоминаются Эккардомъ въ его Historia studii etymologici стр. 56.

Христіанъ Геннигъ (такъ слѣдуетъ писать его фамилію согласно записи въ метрическую книгу и его собственной подписи, а не Геннингъ: это была бы нижненѣмецкая форма) не былъ, какъ неоднократно ошибочно полагали, по происхожденію лужицкимъ сербомъ (вендомъ) изъ Ессена близъ Шпремберга въ Нижнихъ Лужицахъ, но былъ чистокровнымъ нѣмцемъ изъ Ессена близъ Виттенберга въ курфюршествѣ Саксонскомъ. Онъ пользовался у современныхъ ученыхъ и образованныхъ людей не только своей болѣе узкой родины, но и далеко за границами ея высокимъ почетомъ и при томъ не только какъ полабскій лексикографъ, но и какъ фольклористъ и историкъ вендской земли.

Мнѣ извѣстны слѣдующія рукописи экземпляра „Vocabularium Venedicum“ Хр. Геннига, этого плода основательныхъ трудовъ и усидчивой работы:

1—3) Въ сборномъ томѣ (картонка въ 1/4 листа) библіотеки верхнелужицкаго общества наукъ въ Гёрлицѣ: 1) оригинальная рукопись Геннига „Vocabularium Venedicum“ съ предшествующимъ трактатомъ: „Краткія свѣдѣнія о вендскомъ пагѣ (вендской волости) Дравенъ (Дровянѣ); 2) Геннинговъ набросокъ: „Teutsch-wendisches Wörterbuch; 3) несовсѣмъ полный списокъ № 1.

4) Vocabularium Venedicum въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ XXIII, № 842. Самая полная начисто переписанная копія Геннигова наброска (№ 2), сдѣланная самимъ Геннигомъ: еще не напечатана.

5) Vocabularium Venedicum въ Геттингенской университетской библіотекѣ подъ № 257: сокращенный списокъ № 4, только отчасти написанный собственноручно Геннигомъ и еще не изданный.

6) „Teutsch-wendisches Wörterbuch“ съ краткимъ отчетомъ Христіана Вендгольта [Wendholt-вендолюбъ], т. е. Хр. Геннига,—1705 г., составлялъ въ 1809 г. собственность пастора Іог. Генр. Шульце въ Самсѣ въ Лауенбургѣ; былъ использованъ Юглеромъ, а теперь пропалъ.

7) Маленькій, написанный самимъ Геннигомъ „нѣмецко-полабскій предметный словарь“ („Deutsch-polabisches Sachwörterbuch“) въ 8 группахъ *), въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ въ сборномъ пакетѣ XXIII, 841 № 1.

*) Т. е. имѣющій, 8 группъ словъ.

8) „Wendisches und Teutsches Lexicon“ въ библіотекѣ „Histor. Verein für Niedersachsen“ (Нижнесаксонскаго историческаго общества), принадлежавшій раньше бургомистру Ф. Мюллеру въ Люховѣ († 1755 г.) и называемый обыкновенно „миллеровой рукописью“.

9) Платова рукопись съ заголовкомъ: „Краткое сообщеніе о вендской націи и т. д.“, при ней „Teutsch-Wendisches Wörterbuch etc. anno 1705 (421 стр.): сокращённый списокъ герлицской оригинальной рукописи: пропала съ 1832 г.

10) Полный, но кишащій ошибками списокъ ганноверскаго „Vocabularium Venedicum“ (№ 4) XVIII в., въ листъ, въ библ. „Hist. Verein für Niedersachsen“, не имѣетъ никакой цѣны.

11—15) Отчасти списки пропавшей Платовой рукописи, отчасти же сокращенные списки герлицской оригинальной рукописи представляютъ экземпляры, находящіеся 11) въ Вольфенбюттельской библіотекѣ; 12) въ Магдебургской городской библіотекѣ; 13) въ Геттингенской университетской библіотекѣ подъ № 258; 14) въ Ганноверской библіотекѣ „Hist. Verein für Niedersachsen“ подъ № 20; въ канцеляріи Высшаго апелляціоннаго суда въ Целле.

16) и 17) Пражская рукопись, списокъ герлицскаго оригинала для Добровскаго либо Челяковскаго—первой четверти XIX в. и сокращенный списокъ съ нея, принадлежавшій соборному священнику I. Шевчику въ Баутценѣ (и имъ самимъ составленный).

18) Переработка Ф. Лад. Челяковскаго, 1827 г., на основаніи герлицской оригинальной рукописи съ цѣлью напечатанія при содѣйствіи Императорской русской академіи наукъ въ СПБ.; она пропала; ср. Влад. Францевъ: „О полабскомъ словарѣ Фр. Л. Челяковскаго“.

19) Полный списокъ герлицской рукописи 1899 г. трудами Яна Керька изъ Перны, находится теперь въ библіотекѣ „Zakłada hrab. Ossolińskich we Lwowie“.

Напечатаны до сихъ поръ изъ числа лексическихъ работъ Геннига нижеслѣдующія: 1) Платова рукопись: a) въ 1794 г. Потоцкимъ въ его сочиненіи: „Voyage etc.“, съ очень многими ошибками; б) въ 1799 г. Аллерсомъ въ „Philol.-Krit. Miscell.“ по тексту Потоцкаго, съ еще большимъ числомъ ошибокъ; c) съ 1832 г. Шпрангенбергомъ въ „Neues Vaterländisches Archiv“ I, 319 и слѣд. и II, 6 и слѣд., очень тщательная перепечатка; d) въ 1864 г. Пфулемъ въ „Часописѣ Матицы Сербской (Časopis Mačicy Serbskeje) стр. 164 и слѣд., перепечатка изъ архива Шпрангенберга; 2) извлеченія изъ герлицской оригинальной ру-

копіи: а) 1815 — 16 г. Добровскаго, Slovanka, стр. 12 — 26 и 220—228, в) 1863 г. Пфуля въ „Čas. M. S“ стр. 85 и слѣд., перепечатка изъ Slovanka; 3) въ изданныхъ Палласомъ въ 1786 — 1789 г.г. по приказанію императрицы Екатерины II петербургскихъ „Vocabularia comparativa I“ находятся всего 90 полабскихъ словъ, которыя, по всей вѣроятности, заимствованы изъ ганноверской рукописи № 4; установлено, что Гильфердингъ въ 1856 г. въ своемъ трудѣ „Sprachliche Denkmäler etc.“ почерпнулъ для сравненія со словами хроники Парумъ-Шульце генпиговы полабскія слова именно изъ названной рукописи Ганноверской королевской библіотеки.

Вторымъ по важности памятникомъ полабскаго языка безспорно является сборникъ полабскихъ словъ и фразъ въ хроникѣ ученаго крестьянина Парумъ-Шульце въ Зютекѣ (Житинѣ), на сѣверо-западѣ отъ Люхова. О его жизни и судьбахъ его теперь пропавшей хроники помимо другихъ лицъ подробнѣе уже разсказали Юглеръ (во введеніи къ своему „Vollst. Lün.-Wend. Wörterbuch“ стр. 22, ср. Тецнеръ, „Къ исторіи и т. д., стр. 28), Гильфердингъ (стр. 5 и слѣд.), А. Шлейхеръ („Грамматика“ стр. 6 и слѣд.) и Тецнеръ („Славяне“ стр. 349 и „Дровяне“ въ журналѣ „Globus“ 1902 г., стр. 269.

Іоганнъ Парумъ-Шульце (1678—1734) сочинилъ свою хронику въ 1724—25 гг.; онъ похороненъ на кладбищѣ въ Кюстенѣ (Хыстнѣ); его могилу покрываетъ большая, теперь перевернутая плита, такъ что надпись прочитать нельзя; его крестьянское помѣстье оставалось въ рукахъ его потомковъ до 70-хъ годовъ XIX в.; послѣдній прямой потомокъ его семьи—г-жа Менге, урожд. Шульце, въ Вустровѣ. Данныя объ исчезновеніи хроники Парумъ-Шульце расходятся. Утвержденіе Тецнера и его источниковъ, что хроника „за небольшую сумму“ была продана во Львовъ, основано во всякомъ случаѣ на заблужденіи. Рукопись, хранимая въ „Biblioteka zakładu narodowego imienia Ossolińskich we Lwowie“ (рукопись № 26), представляетъ собою только списокъ оригинала Парумъ-Шульце, который графъ Потоцкій приказалъ изготовить для себя въ концѣ XVIII в., должно быть, секретарю Гинтце въ Люховѣ, и изъ его имущества она попала въ „Ossolineum“ *). Она отличается многими описками отъ оригинала и была обнародована недавно умершимъ д-ромъ Калиной изъ Львова подъ заглавіемъ: „Jana Parum-Szulcego słownik języka połabskiego“. Оригиналъ же Парумъ-Шульце былъ уже

*) Библіотеку графовъ Оссолинскихъ.

раньше обнародованъ, и при томъ одна часть въ 1794 г. въ приложеніи къ хроникѣ Braunschw. Lüneburg. Churlande VIII, а остальныя въ собраніи еще не напечатанныхъ полабскихъ словъ и фразъ, изданномъ въ 1856 г. Гильфердингомъ („Sprachliche Denkmäler стр. 13—33); и ту другую часть заново отпечаталъ Пфуль въ „Čas. M. S.“ 1864 г. стр. 182 и слѣд. Кромѣ того, еще весь полабскій словарный матеріалъ хроники 1809 г. былъ внесенъ Юглеромъ въ его „Lüneburgisch-wendinhes Wörterbuch“.

Большая заслуга въ дѣлѣ спасенія источниковъ полабскаго языка несомнѣнно принадлежитъ прежнему люховскому земскому врачу д-ру Іог. Генр. Юглеру, который въ 1809 г. на основаніи доступныхъ ему въ то время геннигговыхъ рукописей, а именно Вендгольтовой (см. № 6) и Платовой (см. № 9) и хроники Парумъ-Шульце, равно какъ и вокабуляріевъ Митгофъ-Лейбница (№ 3), Пфеффингера (№ 4), Домейера (№ 10), ганноверскихъ ученыхъ (Anzeigen) записокъ (№ 12) и Спб. словаря (см. печатные матеріалы № 3) и остальныхъ обнародованныхъ у Лейбница и Эккарда остатковъ языка (№№ 2 и 8) создалъ свой „Vollständiges Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch“, который хранится въ видѣ рукописнаго тома въ листъ въ XXIV + 394 стр. въ Геттингенской университетской библіотекѣ и до сихъ поръ былъ использованъ только А. Шлейхеромъ при обработкѣ его „Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache“ (1871 г.). Его словарь былъ составленъ между 1807 г. и 1809 г. съ большой добросовѣстностью; такую же цѣнность, какъ и самъ словарь, имѣетъ его введеніе къ нему (обнародовано Тецнеромъ, „Къ исторіи полабскаго словаря“, 1902 г.), въ которомъ онъ между прочимъ сообщаетъ и собственныя изслѣдованія о вендской землѣ его времени.

Для славистики является настоятельной необходимостью критическое изданіе всѣхъ памятниковъ полабскаго языка (къ которымъ слѣдовало бы присоединить еще всѣ названія мѣстностей и полей и фамилій) рядомъ съ полнымъ алфавитнымъ полабско-нѣмецкимъ словаремъ (быть-можетъ, положивъ въ основаніе Юглеровъ словарь). Именно, принимая во вниманіе эту настоятельную необходимость, княжеское Яблоновское общество наукъ въ Лейпцигѣ назначило на 1903 г. на соисканіе преміи слѣдующую тему: „Изданіе полабскихъ языковыхъ памятниковъ съ грамматикой и расположеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ словаремъ“. Но до сихъ поръ не нашелся ни одинъ соискатель.

Все выше перечисленное — полные и единственные остатки языка люнебургскихъ полабовъ, и хотя Тецнеръ и Поржезинскій лелѣютъ надежду и печатно высказали ее, что съ теченіемъ

времени найдется еще кое-что въ архивахъ церковныхъ приходовъ или помѣщиковъ, въ метрическихъ и судебныхъ актахъ, но я полагаю, что имѣю право на основаніи своихъ подробныхъ разысканій рѣшительно отрицать это. А о полабской литературѣ тоже не можетъ быть рѣчи, развѣ только о самыхъ скудныхъ остаткахъ литературныхъ твореній полабскаго народнаго духа, которыя до насъ дошли: 1) въ видѣ текста „Отче нашъ“, самаго легкаго и самаго понятнаго образчика языка въ 4 другъ отъ друга отличныхъ, отчасти уже очень испорченныхъ германизмами редакціяхъ (Митгофа, Геннига, Мюллера и Бухгольца); 2) въ видѣ 4 текстовъ, сообщенныхъ Митгофомъ (№ 2); 3) въ видѣ „Пѣсни невѣсты“, единственной сохранившейся полабской народной пѣсни съ мелодіей, которая находится только въ рукописи Ганноверской королевской библіотеки (№ 4), записанной Хр. Геннигомъ; пѣсня неоднократно была перепечатана, внесена Гердеромъ въ „Stimmen der Völker“ и удостоена Гете переработкой. Мелодію впервые напечаталъ Тецнеръ („Славяне“, въ приложеніи къ стр. 374 и—съ современнымъ обозначеніемъ нотъ—въ „Глобусѣ“, 81 т. 1902 г. стр. 272), а за нимъ я въ „Slovansky Prehled, roč. VI (1904) съ переложеніемъ Людвика Кубы.

Славянскія народныя пѣсни полабовъ, правда, еще нѣсколько разъ упоминаются, особенно Гильдебрандомъ и Геннигомъ, но онѣ не сохранились. Равнымъ образомъ не сохранились и сказанія на полабскомъ языкѣ. Новыя народныя пѣсни (см. образцы у Тецнера, „Славяне“ стр. 373) поются теперь всѣ въ верхненѣмецкой формѣ и признаются какъ нѣчто извнѣ чужое пришедшее, и точно также тѣ немногія сказанія, которыя имѣются, обыкновенно разсказываются по-верхненѣмецки. Тѣмъ немногимъ, что напечатано, мы обязаны Карлу Геннингсу: 1) въ его юбилейномъ трудѣ: „Das hannöversche Wendland“ (1862 г.) стр. 76 и слѣд.: 8 номеровъ, и 2) въ особой книжечкѣ: „Sagen und Erzählungen aus dem hannöverschen Wendland“ (Lüchow 1864): эти расказы представляютъ собою сказанія, числомъ только двумя больше тѣхъ, которыя даются въ юбилейномъ трудѣ, и при томъ всѣ въ верхне-нѣмецкой переработкѣ; только 3 изъ нихъ (Янъ Каль; Камень овчара близъ Люббова и Альтъ-Наулица; Жалующееся дерево [„das Jammerholz“] близъ Грабова) имѣютъ сколько-нибудь значеніе для вендской этнографіи.

Остается только еще дать краткую характеристику люнебургскаго нижненѣмецкаго языка, подвергшагося вліянію со стороны вымершаго полабскаго языка, или лучше сказать вендскаго нижненѣмецкаго языка, короче „вендскаго платтъ“, какъ обыкно-

венно говорятъ мѣстные жители. Мимоходомъ же прійдется указать на то, что въ дошедшихъ остаткахъ полабскаго языка, кромѣ единичныхъ діалектическихъ различій, можно опредѣленно видѣть двѣ ступени развитія языка, которыя въ своихъ „Szczątki języka połabskiego“ (стр. 380 и слѣд.) я назвалъ старо- и младополабской. Старополабская ступень языка имѣется въ названіяхъ мѣстностей и полей и фамиліяхъ, равно какъ и въ немногихъ сохранившихся въ документахъ выраженіяхъ и то лишь отчасти; всѣ остальные памятники языка конца XVII и начала XVIII в. обнаруживаютъ новополабское состояніе звуковъ, которое, повидимому, началось вслѣдствіе вліянія со стороны нижненѣмецкаго въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. одновременно съ начинающимся разложеніемъ и увяданіемъ полабскго языка. Новополабскій языкъ отличается отъ старополабскаго въ слѣдующихъ 5 главныхъ чертахъ: 1) онъ во всѣхъ слогахъ подъ удареніемъ, а по извѣстнымъ законамъ и въ слогахъ безъ ударенія превратилъ простые гласные *i*, *y*, *u* въ двугласные *ai*, *ăi*, *au* и *eu*, а гласные *a u e* въ ô и *i*, напр. bâit : biti—bâit : **быти** bauk или beuk : buk — bobó : baba — již : jež; 2) гласный o перешелъ въ ü, а передъ r въ ö, напр. vüla : volja — göra : gora; 3) гортанные k, g, ch передъ вторичными палатальными гласными ö и ü (= o), ai = i и ai = y подверглись второму смягченію въ tj, dj, sj (k', g', ch'), напр. tjaura и tjeura (k'aura и k'eura) : kura — djüla (g'üla) : golja — sjüst (ch'üst) : хвостъ; 4) шипящіе č, ž, š упростились въ свистящіе c, z, s (mazurzenie, т.-е. тутъ сказалось вліяніе мазурскаго нарѣчія), напр. сеła : **кѫчела**—deusa : **доѫша**— zaitü : **жито**; 5) твердый или гортанный ł подвергся разложенію и далъ u, какъ напр. въ франц. (ср южнослав. o вм. ł), напр. dăudji (dăug'y) : dołgy : **длъгъ**. Подобные же переходы встрѣчаются въ вымирающемъ въ настоящее время померанскомъ говорѣ словенцевъ, живущихъ у озера Лебы въ Помераніи.

Вендское нижненѣмецкое нарѣчіе кромѣ разныхъ особенностей въ словарномъ матеріалѣ отличается отъ сосѣдняго нижненѣмецкаго нарѣчія и отъ [литературнаго] верхненѣмецкаго языка 8—9 главными чертами, на которыя нужно смотрѣть, какъ на слѣдъ вліянія вымершаго полабскаго языка. Онѣ были обнаружены уже Митгофомъ и перечислены въ его письмѣ къ Лейбницу (1691 г.) въ отвѣтъ на его 8-й вопросъ: „Въ чемъ отступаютъ венды, когда они говорятъ по-нѣмецки, отъ нашего произношенія?“ и были подтверждены или дополнены Юглеромъ (1809 г.) и Геннингсомъ (1862 г.). Вотъ онѣ:

1) еще понынѣ люнебургскіе жители вендской земли какъ нижнелужицкіе жители лѣсовъ Шпрее въ своемъ нѣмецкомъ

языкѣ произносятъ слова, начинающіяся съ h, безъ h и слова, начинающіяся съ гласныхъ, съ приставнымъ h (это—смѣшеніе сильнаго и слабаго придыханія); примѣры Митгофа: haller haugen (верхненѣм.) и Ehre Hamman (нижненѣм.) = aller Augen и Herr Amtmann. Далѣе Ant, Aas, Aust, Anatter = Hand, Hase, hûste (средненѣм. = праздникъ жатвы), Heimatter или Heinotter (= анстъ); et = het (hat), efft = hefft (hebet и habet), ehr = her; ltt = Hitt (Hitze); Off, Opp, Ochtiet = Hof, Hopfen, Hochzeit; Und, Uus = Hund, Haus. — Happel = Apfel; Heck, Hengel, hêten = Ecke, Engel, eten (essen); Hogen = Ogen (Augen); hund, Hursel = und, Ursula.

2) Обыкновенно опускается какъ опредѣленный, такъ и неопредѣленный членъ, примѣры Митгофа: hin Karcke=in die Kirche; gah sick hup böhne = ich gehe auf den Boden; примѣры Юглера: hup Off gahn = auf den Hof gehen, hin Kark syn = in der Kirche sein; примѣры Геннингса: mit And = mit der Hand; Sünn geit hup = die Sonne geht auf; sett pott hup Fuer = setze den Topf auf (an) das Feuer; maak Döhr to = mach die Tür zu!

3) Жители вендской земли не различаютъ родовъ въ существительныхъ, или же они путаютъ ихъ, когда они говорятъ по-верхненѣмецки, напр. a) de Und, de Licht, de Finster, de Mäken, de Schapp = der Hund, das Licht, das Fenster, das Mädchen, das Schaft (= Schrank); примѣры Митгофа: der aun = das Huhn; dat harbeit = die Arbeit; hê fritt = er, sie, es (der Ochs, die Kuh, das Schwein) frisst; he sleidt = sie (die Uhr) schlägt; по-верхненѣмецки her his gross = er, sie, es (der Mann, die Frau, das Kind) ist gross; примѣръ Юглера: hick vell hem ahlen = ich will ihn (вм. es — das Licht) holen; hick eff hem tomaakt = ich habe ihn (вм. es — das Schaft) zugemacht.

4) Уменьшенныя, существ. и прилаг. часто получаютъ окончанія ki или k'y вм. нижненѣмецкаго окончанія ke или ken = верхненѣм. chen; примѣры Геннингса стр. 44 и Вернера: Brötki или Brökki = Brötchen; Pöttky вм. Pöttke(n) = Pottchen (Töpfchen); lütky = lütke (= klein).

5) Жители вендской земли и понынѣ любятъ, какъ и всѣ славяне, возвратные глаголы, и при томъ они употребляютъ возвратное мѣстоимѣніе sick при всѣхъ трехъ лицахъ и числахъ примѣры — Митгофа: gah sick hup böhne = ich gehe auf den Boden; — Юглера; he et (at) sick spöhkt = es hat gespukt (es sind Gespensser erschienen); he his sieck engahn = er ist hingegangen.

6) Нерѣдко нѣмецкое z (= ts) произносится какъ твердое s (= ss), напр. Ssääg = Ziege; Ssigare = Zigarre; Ssabbelin = Zebelin (пол. Sübelin).

7) Иногда можно слышать славянскіе звуки при произношеніи j (= dź), dj (= dž) и sch (= ž), напр. Dźan = Jan, Johann; Dźanimar = Johann Heinrich; Dźeruzalem и Žerusalem = Jerusalem; Džaren = Diahren (названіе мѣстности); Wiž = Wiesch (Wiese); Wižopp = Wieschopp (Wiesenhof).

8) Митгофъ приводитъ еще одну особенность, что жители вендской земли произносили начальное губное w какъ придыхательное f и наоборотъ f произносили какъ w, напр. Fiske — нижненѣм. Wiesch, верхненѣм. Wiese, Wader = Vadder, Vater; Wink = Fink; Wogel = Voggel или Vagel = Vogel. Но Юглеръ по этому поводу замѣчаетъ въ своемъ введеніи къ словарю стр. XIII, что въ его время (1809 г.) этого произношенія нельзя было уже слышать, и нынче его нигдѣ не слышно.

9) Кромѣ 2 единичныхъ случаевъ (Muttersche вм. Mutter и Ehrske вм. Frau, собственно Herrin къ слову Ehre = Herr), Митгофъ сообщаетъ еще о слѣдующей подробности, которую и Юглеръ, не оспаривая, за нимъ повторяетъ: „Когда приходишь къ настоящимъ старымъ, отжившимъ вендамъ, то [можешь услышать, какъ] они своему скоту обыкновенно говорятъ „вы“ (ihr), а человѣка, даже болѣе знатнаго, чѣмъ они, они называютъ „ты“. Вотъ я самъ однажды слышалъ, какъ старая женщина сказала своей собакѣ, которая лежала на стулѣ: „Bias (т.-е. pas, песъ), staht hup“ (= собака, встаньте!) и наоборотъ она сказала знатной женщинѣ: „Ehrske, gah sitt (= госпожа, иди сидѣть, т.-е. барыня, поди и сядь)“.

II вотъ напослѣдокъ только еще нѣсколько связныхъ образчиковъ вендскаго нижненѣмецкаго языка:

1) старинный народный великопостный гимнъ (сообщенный Митгофомъ Лейбницу въ 1691 г.): Maria nahm höre bock hup änne, voll höhr Söhne, nahsoiken, darmödde höhr biddelman. Biddelmann, hick lete die fatt vragen. Effstu nich mien Söhne seen? Jo, Maria, hick effesehn. Ju Söhne ging thó garde; Maria ging tho garde. Staistu doch, Jesus, halleine ier? Jo, Maria, bin hick alleine? Dohr stohn twey walske Judas, braken wan daren Krantz haff; de Krantz schlahn hup mien öefde. Huhter mien öefde bloth huht spranck, de bloth spranck tho heerden. Wann de bloth vert goode waite; wann waite Illige Sacrament, da herfreuet sick halle Christenait, т.-е. по-верхненѣмецки: „Maria nahm ihr Buch auf (die) Hände, wollte ihren Sohn aufsuchen, damit (= mit ihr) ihr Ehemann. „Ehemann, ich möchte dich was fragen: hast du nicht meinen Sohn gesehen?“ „Ja, Maria, ich habe (ihn) gesehen. Euer Sohn ging zu (= in den) Garten“. Maria ging zu (= in den) Garten: „Stehst du doch, Jesus, allein hier“? „Ja, Maria, bin ich (denn) allein hier? Da stehen

zwei falsche Judas, brechen von Dornen (einen) Kranz ab; den Kranz schlagen sie (=werden sie schlagen) auf mein Haupt. Aus meinem Haupte Blut heraus sprang; das Blut sprang zu Erden. Wenn das Blut wird Gott geweiht, wenn geweiht (das) heilige Sacrament, da erfreut sich alle (=die gesammte) Christenheit". А по-русски: „Марія взяла свою книгу на (въ) руки, хотѣла отыскать своего сына, съ нею (шелъ) ея мужъ. „Мужъ, я хочу тебя что (-то) спросить: не видѣлъ (ли) ты моего сына?" „Да, Марія, я (его) видѣлъ. Вашъ сынъ пошелъ къ саду". Марія пошла къ саду: „Ты, Іисусъ, все-таки (вѣдь) стоишь одинъ здѣсь?" „Да, Марія, я одинъ? Тамъ стоятъ 2 невѣрныхъ Іуды, они дѣлаютъ изъ терніевъ вѣнокъ, вѣнокъ они бьютъ мнѣ на голову. Изъ моей головы выскочила (=брызнула) кровь, кровь поскочила (=потекла) наземь. Когда кровь будетъ посвящена Богу, когда будутъ освящены св. дары, тогда (об)радуется все христіанство".

2) Анекдоты начала XIX в. (сообщенные Юглеромъ и Геннингсомъ:

а) Err Hamman, wenn myn Eers hup geweiht, schall hem hook wat hafebben = Herr Amtmann, wen mein Hirse ausgeht, soller auch was abhaben (=dann bekommen)? т.-е. господинъ начальникъ, когда взойдетъ мое просо, долженъ (ли) онъ тоже что(-нибудь) отъ него имѣть?

в) Крестьянинъ изъ вендской земли, который въ 1811 г. на узкой улицѣ въ Люховѣ хотѣлъ побудить неискусно правившаго прусскаго крестьянина изъ Альтмарка ударомъ по головѣ къ болѣе внимательной ѣздѣ и при этомъ его убилъ, отвѣтилъ на вопросъ начальника на судебномъ допросѣ: „Err Hamman, dat eft hick nigg glövt, datt preiss'sche Kjärl sönn swach Kopp att! = „Herr Amtmann, das hätte ich nicht gedacht, dass der preussische Kerl so einen schwachen Kopf hat!" т.-е. „Господинъ начальникъ, я не думалъ, что этотъ пруссакъ имѣетъ такую слабую голову."

3) Предложенія изъ современнаго говора:

а) Err Hassesser, hick kann dat beswärn = Herr Assessor, ich kann das beschwören, т.-е. господинъ ассессоръ, я могу это подтвердить клятвой.

b) Err Hamann van Arling his ihr = Herr Amtmann v. Harling ist hier, т.-е. господинъ начальникъ фонъ-Гарлингъ здѣсь.

c) De Und löpt achter aos = Der Hund läuft hinter dem Hasen т.-е. собака бѣжитъ за зайцемъ.

Избирательная реформа въ Австріи.

Извлеченіе изъ статьи А. А. Башмакова*).

Австрія переживала 1-го (14-го) мая 1907 года (въ день выборовъ) и затѣмъ 10-го (23-го) мая т. г. (въ день перебалло-тировокъ) всеобщее напряженіе широкихъ массъ населенія, впервые осуществлявшихъ въ эти дни новыя, дарованныя имъ права для выборовъ въ рейхсратъ, по новому избирательному закону 26-го января 1907 года, построенному на началахъ всеобщаго избирательнаго права, коимъ 6 милліоновъ австрійскихъ избира-телей привлечены были къ активному голосованію. Значитель-ный интересъ, связанный съ этимъ событіемъ, вытекаетъ изъ того, что австрійское правительство рѣшилось ввести всеобщее избирательное право, какъ радикальное средство къ подавленію той острой розни разноплеменнаго состава имперіи, при которой общіе государственные, соціальные и экономическіе интересы со-вершенно заслонялись стремленіями отдѣльныхъ племенъ, что ослабляло не только силу имперской власти, но и лишало ее надежды осилить опасный, затяжной кризисъ австро-венгерскаго дуализма.

Въ новомъ законѣ проведено начало всеобщаго голо-сованія. Вся территорія Австріи раздѣлена на извѣстное число избирательныхъ округовъ, причемъ каждый округъ даетъ одного депутата. Принципъ равенства проведенъ формально въ томъ смыслѣ, что каждый избиратель (индивидуально) дѣй-ствительно имѣетъ, кто бы онъ ни былъ, только одинъ голосъ.

Число членовъ палаты представителей въ рейхсратѣ доведено до 516; поэтому, для ихъ избранія, территорія Австріи раздѣлена на 516 избирательныхъ округовъ. Каждый территоріальный округъ составленъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы, по даннымъ ста-

*) А. А. Башмаковъ. Избирательная реформа въ Австріи и выборы въ рейхсратъ по новому закону о голосованіи. Спб. 1907 г., стр. 48 издано въ огранич. числѣ экземпляровъ).

тистики его народонаселенія, можно было бы безошибочно предвидѣть національность, т. е. племенную принадлежность его депутата. Притомъ, конечно, допускается, что національное меньшинство даннаго округа останется, въ расовомъ отношеніи, безъ надежды на представительство.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи приняты мѣры вездѣ, гдѣ только являлась возможность, для того, чтобы изолированные островки національностей не пропадали въ своей уединенности, но присоединялись къ ближайшему округу ихъ языка и племени. Это дало въ результатѣ какъ-бы племенную чрезполосность, т. е. изъятіе нѣкоторыхъ мѣстечекъ изъ окружающей ихъ избирательной территоріи, а стало-быть и появленіе такихъ округовъ, въ которыхъ территорія имѣетъ какъ-бы отдѣльныя брызги, разсѣянныя въ сосѣднихъ чужихъ округахъ. Подобныя осложненія имѣются, въ особенности, въ Богеміи, гдѣ часто попадаются мѣстечки или волости чешскаго племени среди нѣмцевъ или нѣмецкіе поселки среди чеховъ. Напримѣръ, судебный округъ Лейтмерицъ, въ Богеміи, составляетъ одинъ избирательный округъ. Въ немъ населеніе нѣмецкое, и онъ числится богемскимъ избирательнымъ округомъ № 107—нѣмецкой національности. Но многія волости въ этой территоріи населены чехами, а потому онѣ изъ этой территоріи выдѣлены и причислены къ ближайшему чешскому избирательному округу № 36.

Еще большее осложненіе представила задача образованія національно-компактныхъ избирательныхъ группъ въ Моравіи, гдѣ нѣмцы и чехи не чередуются, какъ въ Богеміи, цѣлыми мѣстечками или волостями, но живутъ совмѣстно въ тѣхъ же городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, при крайне обостренныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Тутъ явилась необходимость не только группировать голоса, но и раздѣлить самую процедуру голосованія такъ, чтобы эти два элемента не сталкивались физическою борьбою около избирательныхъ урнъ. И вотъ, для достиженія этой цѣли австрійскій законъ установилъ слѣдующее: вся страна раздѣлена дважды на избирательные округа, — какъ будто зарегистрованы на бумагѣ двѣ Моравіи, одна—чешская, другая—нѣмецкая. Для чешскихъ избирателей вся провинція раздѣлена на 30 округовъ по чешскому „народному кадастру“; а для нѣмецкихъ избирателей та же территорія подѣлена на 19 округовъ по нѣмецкому „народному кадастру“. Затѣмъ, каждый житель обязанъ до начала выборовъ, смотря по своему родному языку, записаться или въ нѣмецкій, или въ чешскій народный списокъ, а затѣмъ и голосовать—въ одной

или другой организаціи. Вслѣдствіе сего, въ приложеніи къ избирательному закону, въ коемъ опубликовано расписаніе и наименованіе округовъ, одни и тѣ же города или территоріи приводятся два раза.

Въ Галиціи устроены двойные (по размѣру) или даже еще болѣе, нежели вдвое, увеличенные округа, въ которыхъ выбираются по два депутата. Это сдѣлано въ спеціальныхъ видахъ наилучшаго сплоченія польскаго меньшинства въ его состязаніи съ преобладающимъ галицко-русскимъ сельскимъ населеніемъ.

Первоначальный правительственный проектъ избирательнаго закона предполагалъ установленіе также искусственной поддержки итальянцевъ въ Далмаціи, въ противовѣсъ сербскому элементу, посредствомъ соотвѣтствующей организаціи отдѣльнаго далматинскаго округа (городъ Зара). Однако, палата отклонила этотъ проектъ; было принято предложеніе далматинскаго серба Ивчевича, вслѣдствіе коего округъ былъ расширенъ вокругъ города (Зара), и подгороднее славянское населеніе получило возможность дать перевѣсъ славянскому элементу надъ итальянскими горожанами.

По образованіи, посредствомъ вышеуказанныхъ способовъ, національно-сплоченныхъ округовъ, общее число депутатовъ распредѣляется между національностями слѣдующимъ образомъ:

нѣмцамъ принадлежатъ	233	изб.	окр.
чехамъ „	107	„	„
полякамъ „	82	„	„
русинамъ „	33	„	„
словенцамъ „	24	„	„
итальянцамъ „	19	„	„
сербо-хорватамъ „	13	„	„
румынамъ „	5	„	„
а всего	516	изб.	окр.

Для полной картины этого распредѣленія слѣдуетъ сличить этотъ списокъ съ другимъ расписаніемъ округовъ, по провинціямъ. Возьмемъ лишь 2 примѣра. Въ Богеміи полагается 130 округовъ, по одному депутату отъ каждаго; изъ нихъ:

нѣмецкихъ округовъ	55
чешскихъ „	75
Итого	130

Въ Галиціи полагается 106 округовъ, изъ нихъ:

польскихъ округовъ	78
галицко-русскихъ окр.	28
Итого	106

Вся политическая сила, складывающаяся изъ численнаго соотношенія представителей различныхъ расъ въ рейхсратѣ, предопредѣлена, такимъ образомъ, самимъ закономъ, посредствомъ глубоко продуманной комбинаціи округовъ, сообразно предвзятой цѣли высшей политики.

Система всеобщаго народнаго голосованія, которая введена въ Австріи по закону 26-го января 1907 года, не дала того порядка, который обыкновенно разумѣется подъ именемъ всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ она не сопровождается нераздѣльнымъ съ нимъ признакомъ равенства. Послѣднее начало проведено только въ смыслѣ индивидуальнаго равенства избирателей. Но за то искусственно закрѣпляется неравенство тѣхъ большихъ коллективныхъ индивидуальностей, которыя называются національностями.

* * *

Новый избирательный законъ даетъ право голоса на слѣдующихъ началахъ.

Для права быть избирателемъ, надо быть австрійско-подданнымъ, мужскаго пола, достигшимъ 24-хъ-лѣтняго возраста. Стало быть, женщины вовсе лишены качества избирателя. Иностранцы (въ томъ числѣ даже подданные Венгріи)—не имѣютъ права быть избирателями; при этомъ, австрійское государственное право въ строгой опредѣленности устанавливаетъ средства пріобрѣтенія правъ австрійскаго подданства, а именно: а) рожденіе отъ австрійско-подданнаго родителя; б) выходъ замужъ за австрійско-подданнаго; в) поступленіе на австрійскую государственную должность, г) пожалованіе. Нѣтъ надобности быть приписаннымъ къ какому-либо обществу для пользованія правами избирателя. Право голосованія осуществляется именно въ той мѣстности, гдѣ кто-либо имѣетъ свое мѣстожительство. Лицо, принадлежащее къ числу двуподданныхъ, т. е. причисленныхъ, кромѣ австрійскаго, еще къ подданству другого государства, не исключается изъ права голосованія. Поэтому тѣ венгерцы, которые окажутся числящимися въ подданствѣ какъ Венгріи, такъ и Австріи, могутъ голосовать въ Австріи.

Избиратель долженъ имѣть въ данной мѣстности годовую осѣдлость, именно до внесенія его въ избирательный списокъ. Прерваніе осѣдлости послѣ внесенія въ списокъ не вліяетъ уже на пріобрѣтенное право голоса. Никто не можетъ пользоваться правомъ голоса въ двухъ мѣстахъ. Въ случаѣ двойного мѣста жительства, избиратель долженъ выбрать, но не въ правѣ записаться въ двухъ спискахъ.

Затѣмъ, исключаются изъ числа избирателей слѣдующія лица: а) всѣ состоящіе на военной службѣ, причисляя сюда: офицеровъ, солдатъ, полковыхъ священниковъ, нестроевыхъ служащихъ, жандармовъ, военныхъ моряковъ, временно призванныхъ подъ знамена запасныхъ и т. п.; однако, эти лица не лишены принципіально избирательнаго права, но они не вправѣ имъ пользоваться, пока состоятъ на военной службѣ; б) затѣмъ, совершенно лишены самаго права быть избирателями слѣдующія лица: состоящіе подъ опекой, пользующіеся общественнымъ призрѣніемъ, состоящіе подъ конкурсомъ подвергшіеся уголовному наказанію за позорящія преступленія (воровство, злоупотребленіе довѣріемъ, мошенничество, ростовщичество, бродяжество), а также наказанные по нѣкоторымъ видамъ политическихъ преступленій; также лица, наказанныя за нарушеніе закона, ограждающаго свободное отправленіе избирательнаго права, лица отданныя подъ надзоръ полиціи и приговоренныя болѣе двухъ разъ къ наказанію за безобразное пьянство.

По новому австрійскому закону, право быть избраннымъ въ рейхсратъ обусловлено другимъ, болѣе высокимъ возрастомъ, нежели право быть избирателемъ. Можетъ быть выбрано въ депутаты только лицо мужского пола, состоящее не менѣе трехъ лѣтъ въ австрійскомъ подданствѣ, если это лицо достигло полныхъ 30 лѣтъ и не подверглось ни исключенію, ни пріостановленію своего права быть избирателемъ. Но при этомъ избираемый въ депутаты можетъ не имѣть полнаго года мѣстнаго состоянія его постояннаго жительства и на этомъ основаніи—не пользоваться правомъ фактически записываться въ избирательный списокъ это не вліяетъ на право быть избраннымъ въ депутаты.

Право быть избраннымъ не ограничивается ни предѣлами какой либо провинціи, ни избирательнаго округа. Австрійскоподданный, пользующійся правомъ быть избраннымъ въ рейхсратъ, можетъ ставить свою кандидатуру вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится, по всей Австріи, безъ ограниченія.

Голосованіе при выборахъ въ рейхсратъ установлено впервые, по новому закону, однодневное по всей Австріи, кромѣ Га-

лиціи и Далмаціи, гдѣ допущена нѣкоторая разсрочка этого дѣйствія, въ уваженіе къ мѣстнымъ условіямъ.

Обязательность голосованія установлена въ видѣ повинности, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи. Дѣло въ томъ, что § 4-мъ новаго избирательнаго закона предоставляется компетенціи мѣстнаго провинціальнаго законодательства установленіе обязательности использованія избирательнаго права, съ установленіемъ уголовныхъ послѣдствій уклоненія отъ этой повинности безъ уважительныхъ причинъ. Обязательность нынѣ существуетъ въ провинціяхъ: Нижней и Верхней Австріи, Зальцбургѣ, Моравіи, Силезіи и въ городѣ Вѣнѣ. Обязательность голосованія, напр., въ Нижней Австріи, обставлена слѣдующими правилами. Избиратель обязанъ лично явиться и опустить въ урну избирательный бюллетень, но онъ въ правѣ не писать никакихъ именъ и подать пустой бланкъ.

Избиратель, уклонившійся отъ явки и голосованія, наказывается денежнымъ штрафомъ не свыше 50 кронъ. Штрафъ налагается сокращеннымъ порядкомъ, посылкой простого штрафного приказа, противъ коего уклонившійся можетъ подать отзывъ, если считаетъ возможнымъ доказать уважительность своей неявки. Наложенный денежный штрафъ не можетъ быть замѣненъ арестомъ, но долженъ быть исключительно обращенъ къ имущественному взысканію. Уважительными причинами къ уклоненію отъ явки на выборы являются: болѣзнь, служебныя занятія, путешествіе, семейныя затрудненія, прерваніе путей сообщенія.

* * *

Общій результатъ австрійскихъ выборовъ таковъ:

Нѣмцы-клерикалы (31), нѣмцы-народники (25), нѣмцы-либералы (24), нѣмцы-аграріи (18), нѣмцы-радикалы (18), внѣпарт. нѣмцы (2).	118 деп.
Соціальные христіане и антисемиты	90 „
Соціалъ-демократы.	82 „
Галицкіе поляки	73 „
Чешскіе аграріи (33), младочехи (22), чехи-клерикалы (10), старо-чехи (5), внѣпарт. чехъ (1).	71 „
Галицкіе и буковинскіе русскіе.	31 „
Словенцы	24 „
Итальянцы.	14 „
Сербо-хорваты	10 „
Всѣ прочіе.	3 „
Итого . .	516 деп.

Осуществленіе избирательной реформы въ Австріи принадлежитъ къ числу такихъ государственныхъ мѣропріятій, послѣдствія которыхъ должны развернуться лишь постепенно и обнаружиться только съ теченіемъ времени. Но уже теперь представляется, до извѣстной степени, возможнымъ приблизительно намѣтить значеніе завершаемой новымъ закономъ эволюціи и взвѣсить ту тяжесть, которую, повидимому, получитъ демократизація выборовъ на вѣсахъ исторіи.

Побуждаемое необходимостью искать затишья отъ высоко взбаламученныхъ волнъ расовой розни, надѣясь легче управиться среди соперничества классовой оппозиціи, наконецъ, допуская, повидимому, возможность нейтрализаціи однѣхъ бурь другими, по началу „divide et impera“, австрійское правительство совершило такой шагъ, который въ стилѣ стараго краснорѣчія непремѣнно слѣдовало бы назвать „переходомъ Рубикона“.

Ближайшая цѣль какъ будто достигнута. Нѣтъ болѣе грозныхъ бойцовъ всенѣмецкихъ пангерманистовъ, ни мятежныхъ ихъ враговъ чешскаго демократическаго лагеря; все это какъ будто измельчало, разсыпалось, разошлось по мелкимъ ручьямъ. Тамъ, гдѣ были 2—3 властныя группы, вдругъ появились 10—20 фракцій. Къ урнамъ потянулись громадныя массы людей, озабоченныхъ хлѣбомъ насущнымъ, а не высокими проблемами соперничества между расами Австріи. Въ одной Вѣнѣ голосовало въ рядахъ соціалъ-демократовъ—124.508 человѣкъ, антисемитовъ—157.321.

Даже въ очагѣ славянскаго патріотизма выросла группа „чешскихъ аграріевъ“ (33 деп.), превысившая въ полтора раза группу „младочеховъ“, упавшую до 22 мѣстъ въ рейхсратѣ.

Въ общемъ, окраску новаго рейхсрата, австрійская пресса называетъ „Roth und Schwarz“; къ тому же присоединяется черта рѣзкаго преобладанія классовыхъ и соціальныхъ интересовъ, съ отодвиганіемъ на задній планъ и какъ бы временнымъ забвеніемъ чисто политическихъ и племенныхъ побужденій.

Прочно-ли будетъ затишье? Удастся-ли австрійскому правительству извлечь полную выгоду изъ осложнившейся игры соціальныхъ силъ,—пока трудно угадать съ достаточною опредѣленностью.

Знаменательная годовщина.

(1867—1907).

Испытанный другъ Россіи и славянства, почтенный сербскій публицистъ д-ръ Политъ Десанчичъ посвятилъ въ газетѣ „Slavenska Misao“ нѣсколько словъ сороковой годовщинѣ московскаго всеславянскаго съѣзда въ 1867 году. Статья г. Десанчича, согрѣтая хорошимъ славянскимъ чувствомъ, настолько характерна, что мы приводимъ ее цѣликомъ въ переводѣ:

Промчалось полныхъ сорокъ лѣтъ со времени того знаменательнаго и многозначительнаго событія, когда представители всѣхъ племенъ великаго славянства собирались въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу московской этнографической выставки. Это было великое событіе, импонировавшее тогда цѣлой Европѣ. Великое славянство, во главѣ съ мощной и въ то время самой могучей державой въ Европѣ, съ богатырской Россіей, устроило своего рода парадъ передъ Европой. А когда сильный царь Александръ II, окруженный царственной семьей, принялъ въ торжественной аудіенціи славянскихъ гостей и привѣтствовалъ ихъ такими словами: Здравствуйте, господа! Я радъ видѣть васъ, славянскіе братья, на родной славянской землѣ! — то это гулкимъ эхомъ раздалось во всѣхъ концахъ міра.

Въ то время, какъ славяне ѣхали въ Россію, къ нимъ въ австро-венгерской монархіи было особенно недружелюбное отношеніе. Послѣ пораженія Австріи подъ Садовой и Кенигретцомъ въ 1866 г. изъ Саксоніи пришелъ въ Австрію чужеземецъ — баронъ Бейстъ. Не будучи знакомъ, какъ иностранецъ, съ мѣстными условіями жизни, онъ задумалъ „подкрѣпить“ обширную австрійскую монархію, призвавъ на помощь нѣмцамъ мадьяръ, — и создалъ дуализмъ.

Чешскій народъ велъ въ то время отчаянную борьбу противъ нѣмецкаго насилія. Извѣстно тогдашнее выраженіе Бейста: die Slaven müssen an die Wand gedrückt werden, т. е. славянъ надо прижать къ стѣнкѣ! И дѣйствительно, не только чеховъ, но

и всѣхъ вообще славянъ въ Австріи тогда страшно жали. Во время тогдашней великой разрухи былъ созванъ хорватскій сеймъ, но его скоро распустили, когда выяснилось, что сеймъ не сочувствуетъ новому теченію въ Австріи. Что было съ хорватами потомъ, достаточно извѣстно: новый выборный законъ, Рауховскій сеймъ и насильное соглашеніе съ Венгріей. На Балканскомъ полуостровѣ въ тѣ дни симпатіи были на сторонѣ Россіи.

Всѣ эти обстоятельства, какъ въ Австріи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ, были причиною того, что всѣ славяне съ радостью отозвались на приглашеніе пріѣхать въ Россію и побывать на этнографической выставкѣ въ Москвѣ. Чешскіе перваки—Палацкій, Ригеръ, Юлій Грегръ и многіе другіе первые откликнулись на русское приглашеніе. Слѣдомъ за ними отозвались словаки (и между ними братья Мудрони), а затѣмъ и остальные славяне: галицкіе русскіе, словенцы, хорваты, сербы изъ Тріединаго королевства, изъ бывшей воеводины, изъ Далмаціи (и между ними стариннаго рода потомокъ графъ Янковичъ), сербы изъ Сербіи, Черногоріи, болгары изъ тогда еще несвободнаго края. Даже немногочисленные кашубы изъ Пруссіи и лужицкіе сербы изъ Саксоніи приняли участіе въ поѣздкѣ въ Россію. Одни единственные поляки уклонились отъ этого!

Можно сказать, что паломничество славянъ въ Россію было тріумфальнымъ. На всѣхъ станціяхъ ихъ встрѣчали съ величайшимъ воодушевленіемъ и свойственнымъ русскимъ людямъ гостепріимствомъ. Въ Петербургѣ славянскихъ гостей встрѣтила тысячная толпа, а въ Москвѣ было столько народу, что можно было подумать, что вся Москва собралась.

Торжества начались въ Петербургѣ. Въ честь славянскихъ гостей въ „дворянскомъ собраніи“ устроили торжественный банкетъ, въ которомъ участвовало около 600 человѣкъ, а публика на галлереѣ платила по 10 рублей за мѣсто. На банкетѣ первымъ говорилъ русскій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Дмитрій Толстой; за нимъ говорили и славянскіе гости, и русскіе. Среди рѣчей особенно выдѣлились рѣчи Ригера и Ламанскаго. Но величайшее воодушевленіе ожидало славянскихъ гостей въ Москвѣ. Оно не поддается описанію. Когда покойный нынѣ Ригеръ съ хоругвью св. Кирилла и Меѳодія въ рукѣ держалъ рѣчь въ Сокольникахъ, публики присутствовало свыше 50.000. Рѣчь Ригера и отвѣтъ пок. князя Черкасскаго о грѣхахъ Польши передъ славянствомъ произвели неописуемое впечатлѣніе. Массы слушателей говорили послѣ этого другъ другу: будетъ война... Да! и была великая война Россіи за освобожденіе балканскихъ

славянъ, но только десять лѣтъ спустя послѣ московской выставки.

Въ нынѣшнемъ году исполняется сорокъ лѣтъ со времени московской выставки. Какія надежды воодушевляли насъ, когда мы въ 1867 г. были въ Россіи, и каково нынѣшнее положеніе въ Россіи, каково положеніе вообще всего славянства!

Но мы, которые сорокъ лѣтъ тому назадъ видѣли Россію, узнали честной русскій народъ, — мы никогда не можемъ потерять надежды на великую будущность Россіи и Славянства.

Русь опять встанетъ!

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Антонъ Ашкерцъ.

1. Русская деревня.

Съ кровлей изъ гнилой соломы
Рядъ убогихъ низкихъ хатъ.
Нищета и запустѣнье
Изъ оконъ у нихъ глядятъ.

Между хатъ ютится церковь,
И убога и бѣдна:
Крестъ простой, безъ позолоты,—
Вся изъ дерева она.

Чрезъ село ползетъ дорога
Пыльной лентой, а по ней
Босоногій русый мальчикъ
Гонитъ въ поле лошадей.

За селомъ въ рубахахъ красныхъ
Мужики толпой стоятъ
И о чемъ-то въ полѣ жаркомъ
Оживленно говорятъ.

Водитъ плугъ по глыбѣ черной
Въ зипунѣ старикъ сѣдой.
Я смотрю и мнѣ сдается:—
Въ поле вышелъ самъ Толстой.

2. Памятникъ юношѣ-Пушкину.

Царское село.

Туда, туда, въ зеленый темный паркъ,
Изъ спертой комнаты на воздухъ чистый,
Свободный, утренній, весенній воздухъ!
Заря ужъ брезжится... Уходитъ ночь.

И вышелъ ты... Проворными шагами,
Въ кадетскій завернувшись плащъ, ты шелъ
Дорожкой бѣлой межъ деревьевъ темныхъ
Туда, туда, въ пріютъ уединенья,
Въ ту рощу дальнюю, гдѣ тишь кругомъ...

Хотѣлъ ты быть одинъ, съ самимъ собой.

И сѣлъ на лавку низкую... О, ночь,
О эта ночь порывовъ вдохновенья,
Налетовъ творчества! Какъ ихъ назвать?
Благословеньемъ Божьимъ, иль проклятьемъ?
Придутъ они,—и нѣтъ душѣ покоя,
Встаютъ за мыслью мысли, точно волны,
Морскимъ подъемлемыя бурнымъ вихремъ.
Въ сердечной глубинѣ неуставая
Кипитъ и страстно рвется чувствъ потокъ,
На волю просится, ласкъ солнца жаждетъ
И хочетъ вылиться наружу въ словѣ,
И въ пѣсняхъ огненныхъ, и въ строфахъ звучныхъ...
О, эти чувства, образы и мысли!
Какъ тѣсно имъ въ объемѣ груди нашей...

Священны вы, минуты вдохновенья,
Счастливый часъ восторговъ творческихъ,
Когда сама собою льется пѣсня,
И подъ незримой Божьею рукой
Дрожатъ, звенятъ и стонутъ струны сердца...

Тотъ мигъ —онъ твой теперь, не правда-ль,
Пушкинъ?
Мечтой объятъ, сидишь ты предо мною,
Слегка склонившись на руку главой,

И въ даль глядятъ задумчивыя очи.
Куда младые сны тебя уводятъ?
Какая пѣснь невѣдомая зрѣетъ
Въ душевной глубинѣ? Младая-ль дѣва
Играетъ тамъ симфонію любви,
Иль пестрый міръ народныхъ русскихъ сказокъ,
Преданья старины тебя влекутъ?
Какъ знать, какъ угадать! Ты самъ не знаешь,
Какой мотивъ изъ сердца первымъ встанетъ,
Какія первыми сегодня строфы
Изъ-подъ пера польются на бумагу...

Въ даль смотрятъ заглядѣвшіяся очи,
Надеждой молодою грудь полна,
И самъ ты молодъ этимъ утромъ свѣжимъ
И родина твоя, какъ утро, молода!

Сквозь тьму вѣтвей пробился солнца лучъ
И точно геній, съ высоты слетѣвшій,
Чело твое привѣтливо цѣлуетъ.
Его ты чуешь ласковый привѣтъ.

Ты чувствуешь: надъ Русью утро встало!

Съ словенскаго перевелъ
Андрей Сиротининъ.

Новѣйшія теченія въ польской литературѣ.

Очеркъ А. И. Яцимирскаго.*)

Среди прозаическихъ условій борьбы польскаго народа за національныя и экономическія права, среди будничныхъ интересовъ и систематическаго угасанія духа въ „литературѣ обывателей"--душа затосковала по сказкѣ, по царству фантазіи, по міру сновъ, красивыхъ грезъ, волшебныхъ мечтаній. „Хлѣбъ единый" пріѣлся; искусство-поученіе превратилось въ шаблонную публицистику; искусство-забава перешло въ ординарную порнографію. Нужны были новые идеалы. Крайности реализма привели литературу къ естественной реакціи — и воскресъ попранный идеализмъ.

Если западный модернизмъ явился закономѣрнымъ результатомъ развитія капиталистическаго строя, то на расцвѣтъ польскаго модернизма, въ лицѣ многихъ своихъ представителей затмившаго западные образцы, нужно смотрѣть какъ на явленіе болѣе, чѣмъ закономѣрное. Развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ само по себѣ привело бы къ модернизму, и эта мысль справедлива безъ всякаго отношенія къ одинаковымъ условіямъ существованія искусства и на Западѣ. Кромѣ того, у „великановъ" польской романтики, особенно у Словацкаго, новѣйшіе поэты находили сродныя черты—и „великій Юлій" становится предметомъ особаго культа въ модернистическихъ кружкахъ Варшавы и Кракова, считается непосредственнымъ предшественникомъ польскаго модернизма, который при иныхъ общественныхъ условіяхъ, какъ казалось, пришелъ бы много раньше. Въ этомъ—много правдоподобія. Поэтому мы имѣемъ право не останавливаться на западныхъ вліяніяхъ и дать общую характеристику польскаго модернизма.

---

*) Настоящей статьей заканчивается серія очерковъ по польской литературѣ, печатавшихся въ „Слав. Извѣстіяхъ". Въ ближайшемъ будущемъ Редакція предложитъ своимъ читателямъ серію очерковъ по чешской литературѣ, принадлежащихъ перу того же автора. *Прим. Редакціи.*

I.

Возрожденная романтика—весна въ поэзіи, всегда юная, чистая, каждый годъ ожидаемая съ трепетомъ. Недаромъ въ такомъ восторгѣ были отъ нея гуманисты старой романтики, недаромъ нѣмецкіе критики приняли Гофмана за стараго поэта. Возрожденная романтика воскрешаетъ языческій міръ, міръ видѣній, нимфъ, лѣшихъ, водяныхъ, задумчивыхъ цвѣтовъ, гордыхъ скалъ, мечтательныхъ облаковъ. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ни долга, ни морали. Человѣкъ—богъ. Онъ—свободенъ и творитъ. Въ этомъ мірѣ нѣтъ кошмара—Креста, который своей тяжестью давитъ къ землѣ и острыми краями терзаетъ тѣло. Христосъ романтики—прекрасный юноша, похожій на созданную тѣмъ же романтизмомъ католическую Мадонну—ясную, въ платьѣ небеснаго цвѣта, съ массою звѣздъ, въ розовыхъ цвѣтахъ. Христосъ романтики—не Богъ мукъ въ терновомъ вѣнцѣ, окруженный страдающими и обремененными, а Орфей съ пѣвучей цѣвницей, среди стада на зеленомъ лугу.

Такимъ образомъ, обновился весь персонажъ польской поэзіи,—и въ противовѣсъ прежнимъ „бездогматцамъ“ въ родѣ Тетмайера и многочисленныхъ его подражателей, которые одни среди остальныхъ, „утилитаристовъ“, имѣли право на званіе поэтовъ,—новые поэты уже во всякомъ случаѣ вѣрятъ въ „догматъ“ и ищутъ его. Вялый самоанализъ „бездогматцевъ“ уступаетъ мѣсто бодрому тону, тону мощи и стремленій къ абсолюту, къ синтезу жизни, къ настроенію скорѣе радостному, чѣмъ безразличному, хотя модернизмъ и стоитъ какъ будто внѣ жизни. Конечно, эта жизнерадостность въ общемъ условна, и на первый разъ можетъ даже показаться, что модернизмъ не имѣетъ опредѣленныхъ идеаловъ не только потому, что цѣль его, абсолютъ,—слишкомъ недосягаемъ, но потому, что всякій уже осуществленный или же хотя бы „узнанный“ идеалъ перестаетъ быть собой. Но такова вѣдь судьба всякаго идеала, даже въ области чисто утилитарной. Поэтому, если можно говорить объ идеалахъ модернизма, то подъ этимъ словомъ мы должны понимать самый процессъ „достиганія“ его, самое стремленіе къ нему, безъ отношенія къ возможнымъ и невозможнымъ результатамъ. Даже больше того: модернизмъ сознаетъ, что, достигнувъ съ необыкновеннымъ трудомъ вершины скалы, поэтъ все равно упадетъ куда то внизъ, разобьется, сломаетъ крылья и погибнетъ. А все-таки

безъ искапія идеала жить нельзя, и эта упорная жажда идеала сама по себѣ придаетъ модернизму характеръ революціонный.

Какъ теченіе индивидуалистическое, при томъ субъективно-идеалистическое, модернизмъ очень близокъ къ мистицизму,—и это будетъ намъ понятно, если припомнимъ его лозунгъ: „прочь—отъ опредѣленнаго и конечнаго—къ безконечному и безпредѣльному!“ Стремленіе къ абсолюту направляется путемъ познаванія не конкретнаго міра, какъ въ натурализмѣ, а того абсолюта—души, которая является основой пантеистическаго мистицизма, понимается, какъ микрокосмъ въ цѣльной и безграничной жизни всего міра. Въ то время, какъ натурализмъ неразрывно связанъ съ соціалистическимъ, реалистическимъ міровоззрѣніемъ, модернизмъ не признаетъ законовъ развитія и измѣненія, т. е. эволюціи, и въ стремленіи къ неизмѣнному, незыблемому, вѣчному, къ абсолюту, разрушаетъ всякія преграды времени и пространства. Отсюда происходитъ богатство символовъ, такъ какъ каждое индивидуальное явленіе въ микрокосмѣ должно находить соотвѣтствіе, отзвукъ, прообразъ, проявленіе—въ безграничномъ мірѣ природы, въ мірѣ таинственностей, чудесъ, фантазіи, фатализма и т. д. Отсюда модернизмъ не знаетъ разницы между человѣкомъ и животнымъ, одушевленнымъ и неодушевленнымъ, чувственнымъ и сверхчувственнымъ, духовнымъ и матеріальнымъ,—и новѣйшая польская поэзія даетъ цѣлый циклъ „одухотворенныхъ“ описаній природы, гдѣ пейзажъ живетъ самодовлѣющимъ существованіемъ, гдѣ его не согрѣваетъ, какъ раньше, присутствіе человѣка съ его скорбями и радостями. Въ силу тѣхъ же условій, модернизмъ, какъ мы можемъ наблюдать у Дыгасинскаго, художника-реалиста, но не чуждаго модернизма,—охотно обращается къ міру животныхъ, находя въ нихъ не простые символы, какъ въ сказкѣ или баснѣ, а такія же законченныя индивидуальности, какъ и въ высшихъ организмахъ.

Другія черты польскаго модернизма будутъ выяснены въ дальнѣйшемъ изложеніи. Это, дѣйствительно, слишкомъ сложное теченіе, результаты котораго теперь еще даже не обозначаются. Во всякомъ случаѣ, это—весна поэзіи. И вотъ, почуявъ весну поэзіи, повѣривъ, что не умеръ великій Панъ,—польскіе поэты съ поразительной быстротой освобождаются отъ подражанія старымъ романтикамъ. Одни идутъ вслѣдъ за Тетмайеромъ, другіе непосредственно знакомятся съ западнымъ модернизмомъ. При новомъ источникѣ подражанія, у нихъ все-таки замѣтна стихійная жажда новаго, мучительное исканіе чего то необъятнаго, мистическаго, абсолютно прекраснаго. Пока здѣсь царитъ

хаотичность, какъ и въ современной польской живописи. Единственно, чѣмъ отмѣчены эти искания, это—новымъ пониманіемъ задачъ искусства. Искусство перестало быть развлеченіемъ благороднымъ альтруистическимъ порывомъ, передовой статьей на гуманныя темы и т. д. Теперь оно становится какимъ то громаднымъ гигантомъ—и давитъ своей тяжестью мысль, опутанную нищенскимъ человѣческимъ языкомъ; оно становится какимъ то темнымъ чудовищемъ—и пугаетъ воображеніе, скованное жалкими формами фантазіи; наконецъ становится таинственнымъ—и влечетъ къ себѣ всѣми силами, словно могила, гдѣ страшно и темно, и куда такъ неудержимо хочется заглянуть. Мѣняется и содержаніе поэзіи: смыслъ словъ замѣняется настроеніемъ образовъ—и эпосъ уступаетъ мѣсто лирикѣ. Одновременно мѣняется и форма, начиная съ размѣровъ стихотвореній и кончая самыми причудливыми размѣрами строфъ.

Польскій модернизмъ—явленіе, слишкомъ близкое намъ, не только не законченное, но не смотря на нѣкоторый расцвѣтъ, не принявшее вполнѣ опредѣленныхъ очертаній. Поэтому понятна трудность изслѣдованія его: хронологическая послѣдовательность сбивчива потому, что одни поэты раньше почуяли эту весну поэзіи, другіе—позже; общій для всѣхъ писателей масштабъ немыслимъ не только потому, что въ основѣ своей глубоко индивидуалистическій модернизмъ даетъ полный просторъ каждому изъ нихъ, но и потому, что во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ польскій модернизмъ является отголоскомъ модернизма западнаго—необыкновенно разнохарактернаго по настроеніямъ, неуловимаго, съ ярко очерченной индивидуальностью каждаго творца. Такимъ образомъ, закономѣрное на первый взглядъ—можетъ оказаться въ общемъ теченіи случайнымъ, и наоборотъ. Главные моменты въ недавнемъ прошломъ польскаго модернизма представляются намъ въ такомъ видѣ: 1) Миріамъ (Пшесмыцкій) и его „Жизнь“ въ Варшавѣ; 2) Л. Щепанскій и его „Жизнь“ въ Краковѣ; 3) теоретическая разработка вопросовъ о сущности и цѣляхъ искусства, съ Пшибышевскимъ во главѣ; 4) Миріамъ второго періода и его „Химера“ въ Варшавѣ. Не имѣя въ виду останавливаться на смѣнѣ философско-критическихъ взглядовъ на искусство у поляковъ, обращаемся къ литературной дѣятельности отдѣльныхъ писателей.

II.

Піонеръ и доктринеръ польскаго символизма въ лучшей его формѣ, необыкновенно изящный и всегда разнообразный, Зенонъ Пшесмыцкій имѣетъ много общаго съ Антоніемъ Ланге (или Ляпге), который называетъ своего единомышленника по части символизма „первымъ, кто почуялъ приходъ новаго момента — весны для поэзіи“; первымъ, кто вмѣсто звуковъ пѣсни издалъ тревожный крикъ: „поэзія замолкла!“... Отчаянье продолжалось не долго; и чѣмъ глубже, чѣмъ безнадежнѣе было оно, тѣмъ радостнѣе было открытіе, что „великій Панъ не умеръ“. Найдя неисчерпаемый источникъ „новой“ поэзіи, Пшесмыцкій въ восторгѣ восклицалъ:

—Я лечу надъ земнымъ шаромъ, купаясь въ брилліантовыхъ росахъ! На моихъ волосахъ—благоухающія розы; съ моихъ плечъ спускается плющъ. Я остановлюсь съ могучими лобзаніями надъ открытой могилой и уведу грустныя тѣни въ край лазурныхъ пустынь. Ко мнѣ, ко мнѣ, сюда на грудь... слетите рои грустныхъ видѣній! Я распростираю свои объятія и лобзаніемъ смываю плѣсень!..

Его призывъ не былъ пустымъ звукомъ—и обновленіе польской поэзіи вскорѣ стало фактомъ. Рядъ великолѣпныхъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній Мирiама (псевдонимъ Пшесмыцкаго), вдумчивыхъ критическихъ статей и изданій поставили его во главѣ поэтической „Молодой Польши“, сдѣлали его присяжнымъ эстетомъ и законодателемъ въ области всякихъ новшествъ въ современной польской поэзіи.

Зенонъ Пшесмыцкій родился 22 декабря 1861 года въ Радзинѣ, окончилъ варшавскій университетъ по юридическому факультету, недолго издавалъ упомянутый раньше журналъ „Жизнь“ и затѣмъ на долгое время уѣхалъ заграницу и изучалъ новѣйшую французскую литературу. Символизмъ во всей его мощи и мистическомъ ясновидѣніи настолько очаровалъ Мирiама, что тотъ на всю жизнь сдѣлался его поклонникомъ, толкователемъ, пропагаторомъ. Уходя вглубь и вширь этого изящнаго и привлекательнаго по своей таинственности философско-литературнаго направленія, Мирiамъ все болѣе и болѣе проникался красотой формы и вдумчивостью содержанія символики. Натура страстная и увлекающаяся, не знающая границъ и не понимающая слова „половина“,—онъ весь отдался новому и сталъ самымъ дѣятельнымъ распространителемъ его въ польской литературѣ.

Еще въ 1887 году онъ основалъ въ Варшавѣ еженедѣльный журналъ „Жизнь“ („Życie“), около котораго группировались видныя литературныя силы безъ всякихъ раздѣленій на правыхъ и лѣвыхъ. Но въ это именно время самъ Миріамъ не имѣлъ еще опредѣленныхъ взглядовъ на задачи поэзіи. Онъ былъ убѣжденъ въ одномъ: что главный элементъ поэзіи — красота; что поэтъ долженъ быть артистомъ по части формъ въ искусствѣ и совершенно воленъ въ выборѣ темъ. Редакторъ помѣстилъ въ „Жизни“ рядъ великолѣпныхъ по формѣ и далеко не оригинальныхъ по содержанію своихъ стихотвореній: мысли въ нихъ оказались старыми, безъ намека на индивидуальность. Миріамъ давалъ въ своемъ журналѣ мѣсто только „прекраснымъ“ по формѣ произведеніямъ другихъ авторовъ и не принималъ во вниманіе ни содержанія, ни идеи. Въ анонсѣ онъ заранѣе обѣщалъ не принимать такія вещи, которыя цѣнны по своему направленію, по содержанію, по условной „идейности“. Въ программномъ стихотвореніи Миріамъ проклиналъ тѣхъ, кто жалуется и, вмѣсто дѣла, ткетъ паутинную ткань плача. „Теперь задачей поэтовъ стала великая, полная созиданія работа: они должны походить на тѣ капли, которыя продалбливаютъ толщи скалъ!“... Эти красивыя слова оказались только словами. Только послѣдовавшее затѣмъ увлеченіе французскими символистами натолкнуло Миріама на болѣе вѣрное его самоопредѣленіе. Въ 1891 г. „Жизнь“ Миріама прекратилась, и онъ началъ печатать свой переводъ Метерлинка съ содержательнымъ введеніемъ синтетическаго характера. Затѣмъ начались подражанія и самостоятельныя произведенія въ томъ же духѣ. Пересаженный имъ на чуждую почву, иноземный цвѣтокъ символизма далъ на первый взглядъ пышный цвѣтъ; имъ наслаждались, упивались, ему подражали, его толковали,—но пышный пустоцвѣтъ, столь ревностно прививаемый Миріамомъ, все таки въ концѣ концовъ остался чуждымъ растеніемъ. Нужны были свои родники.

III.

Нѣчто подобное представляетъ созданіе поэтической „Молодой Польши“ и въ Галиціи. Почти черезъ десять лѣтъ послѣ начала „Жизни“ Миріама, осенью 1897 года въ Краковѣ стала выходить „Жизнь“ („Życie“) Людвика Щепанскаго. Журналъ выходилъ еженедѣльно, не имѣлъ опредѣленной физіономіи, во многомъ напоминалъ аналогичное варшавское изданіе и посвя-

щалъ себя, по просту говоря, „молодости“ и „молодежи“. Здѣсь печаталось все, что отмѣчено было печатью новизны, отсутствіемъ шаблона и принадлежало восходящимъ литературнымъ и художественнымъ силамъ, а главное, не было похоже на то, что можно было встрѣтить въ другихъ польскихъ журналахъ Галиціи. Такимъ образомъ, кажущійся на первый взглядъ хаосъ среди стихотвореній, разсказовъ, критическихъ и политическихъ статей и рисунковъ на самомъ дѣлѣ былъ началомъ своего рода дисциплины „Молодого Кракова“. Одинъ за другимъ появлялись новыя имена—Жулавскій, Орканъ, Пежинскій, Рыдель, Стерлингъ, Новачинскій, А. Гурскій, Пшибышевскій (кажется — первыя произведенія, написанныя имъ на польскомъ языкѣ), Выспянскій и другіе. Переводилось также безъ разбора все, что было новостью со стороны идеи и формы. Редакторами изданія Щепанскаго были Мацеевскій (Северъ), А. Гурскій и Л. Вычулковскій. Въ статьяхъ на темы общественныя авторы полемизировали съ клерикалами, консерваторами, антисемитами, мѣщанскимъ филистерствомъ, ложнымъ демократизмомъ и т. д. Статьи вызвали нападки со стороны задѣтыхъ лицъ и партій; на журналъ и сотрудниковъ посыпались обвиненія въ безнравственности, богохульствѣ и измѣнѣ націи. Ст. Щепановскій предупреждалъ общество учредить „моральный карантинъ“ отъ вторженія такихъ нигилистовъ, устроить грандіозную „дезинфекцію“ литературы. Болѣе мягко и во многомъ справедливо выступалъ противъ „Жизни“ проф. Краковскаго университета Маріанъ Здзеховскій. Обѣ партіи были, конечно, правы — каждая со своей точки зрѣнія. Изъ полемики выяснилось только то, что обѣимъ партіямъ никогда не сговориться, что „Молодая Польша“ — носительница народныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ современнаго поляка, а не тѣ пигмеи мысли и духа, которые выдавали себя за охранителей общественной нравственности.

Въ октябрѣ 1898 года редакторство „Жизни“ взялъ въ свои руки Ст. Пшибышевскій вмѣстѣ съ Ст. Выжиковскимъ; художественнымъ отдѣломъ завѣдывалъ Ст. Выспянскій. До января 1900 года, слѣдовательно, всего втеченіе около года, эти „три Станислава“ внесли въ новѣйшее польское искусство столько „бури и натиска“, что 1899 годъ по справедливости знаменуетъ собой моментъ безповоротнаго обращенія всего прогрессивномыслящаго въ области эстетическихъ цѣнностей, а часто и духовныхъ, всего молодого или же способнаго „стать съ великимъ наравнѣ“—къ всевластному модернизму. „У меня нѣтъ никакой программы, — писалъ редакторъ, — такъ какъ и искусство не

имѣетъ ея. Искусство не знаетъ границъ, потому что не знаетъ ихъ и жизнь. Каждое проявленіе души—независимо отъ того, будетъ ли оно въ нашемъ пониманіи добрымъ или злымъ,— составляетъ субстратъ искусства, завися единственно отъ того, въ какомъ видѣ проявляется она". Этого было достаточно, чтобы на культивировавшееся „Жизнью" новое искусство, Искусство-Святыню-Идеалъ-Красоту-Религію, стали смотрѣть, какъ на опасную революцію, потрясающую всякія основы. Втеченіе немногихъ мѣсяцевъ на страницахъ краковскаго журнала появились лучшія произведенія Ст. Выспянскаго, Ст. Пшибышевскаго, Я. Каспровича, В. Сѣрошевскаго, В. Оркана и другихъ, снимки съ картинъ и декоративныхъ мелочей живописцевъ-модернистовъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими выставками, на которыхъ фигурировали Я. Мальчевскій, Д. Вычулковскій, Станиславскій, Рущицъ, Выспянскій, Вл. Тетмайеръ (братъ поэта), Мегоферъ, Аугустиновичъ, Аксентовичъ и другіе, вмѣстѣ съ возрожденіемъ художественной промышленности въ стилѣ moderne, обновленіемъ сцены Народнаго театра въ Краковѣ въ періодъ управленія Т. Павликовскаго, появленіемъ въ образцовыхъ переводахъ произведеній французскихъ, нѣмецкихъ и скандинавскихъ модернистовъ,—не только польское искусство вступило на новый путь, но отъ этого пути перестало съ боязнью отворачиваться и общество. Первая побѣда одухотворила артистовъ—и на горизонтѣ стали появляться совершенно новыя силы, сразу уже порывавшія всякія связи съ традиціей.

Изъ прошлаго польскаго романтизма остались теперь главнымъ образомъ произведенія Юлія Словацкаго, о чемъ мы упоминали въ началѣ очерка. Теперь авторъ „Короля-Духа", этой „эпопеи сверхчеловѣка", былъ обрѣтенъ какъ бы вновь. Его мистическія творенія казались написанными только сегодня. Его художественныя средства понимались, какъ неясное только, но во всякомъ случаѣ стихійное тяготѣніе къ тѣмъ же средствамъ новѣйшаго символизма. Бурный духъ Словацкаго, съ его возстаніями противъ неба, съ его кристальнымъ дворцомъ мечтаній, презрѣніемъ къ толпѣ, влюбленностью въ натуры анархическія, съ его дьявольски-болѣзненнымъ сомнѣніемъ, посягательствомъ на безконечность, нечеловѣческимъ стремленіемъ познать Тайну,—становится предметомъ особаго культа польскихъ модернистовъ. Изъ многочисленныхъ опытовъ разгадать Словацкаго, какъ прообразъ современнаго модернизма, на первомъ мѣстѣ стоитъ великолѣпная „Апострофа Царю-Духу — у порога новаго столѣтія" Станислава Пшибышевскаго.

„Щедрыми руками ты разбрасывалъ перлы, золото и драгоцѣнные камни вокругъ себя, а толпа извивалась и клубилась у ногъ Твоихъ; хватала, рвала и растаскивала для себя то, что Ты щедро разсыпалъ отъ избытка и пышности своего богатства.

Съ высокихъ скалъ Ты бросалъ въ глубину океана чарующія драгоцѣнности для того, чтобы тѣшиться ихъ звукомъ, когда они падаютъ на скалистое дно,—а толпа кидалась въ бездонные омуты, чтобы отыскать ихъ, Твои драгоцѣнныя сокровища, которыя для Тебя были забавой избалованнаго ребенка.

Ты разстилалъ надъ собой золотыя радуги, чтобы ихъ сіяніемъ напоить свои жаждущіе красоты глаза,—а толпа съ дикими скачками и усиліями подпрыгивала, чтобы сорвать Твою золотую игрушку, разодрать въ клочья Твои золотыя радуги.

Тебѣ казалось, что они терзаютъ другъ друга и дерутся изъ за твоихъ перловъ, чтобы тѣшиться ихъ роскошью, какъ Ты тѣшился ею—что они собираютъ Твои драгоцѣнности, чтобъ упиваться ихъ блескомъ, а радуги Твои разрываютъ по нитямъ, чтобы насытиться ихъ лучезарной благодатью.

О нѣтъ! Они озабоченно прятали въ длинные сундуки и кладовыя Твои богатства, а то, что̀ для Тебя служило игрушкой, забавой въ тягостныя минуты,—для нихъ стало доходнымъ имуществомъ.

Твоими перлами они изукрасили свои грязныя рубища. Твое золото и драгоцѣнности расплавили и перековали въ круглыя бляхи и даже изъ обрывковъ Твоихъ золотыхъ радугъ напряли нити и расшили ими свои нищенскіе лохмотья.

Ты шелъ по темной пустынѣ, небо зловѣщей угрозой нависло надъ Твоей головой, адская буря охватила Тебя, терзала и гнала; тучи мелкаго камня сыпались Тебѣ въ глаза и окровавляли ихъ; Ты брелъ по раскаленному песку, ни одно сіяніе звѣзды не говорило Тебѣ: „туда дорога“. Обезумѣвшій отъ боли Ты шелъ въ отчаяніи, а когда падалъ, какая то разъяренная рука хлестала Тебя, и выло Тебѣ въ слѣдъ:

— Иди дальше! — дальше, ибо такъ хочетъ твое предопредѣленіе.

Ты шелъ страшный и свирѣпый, все уничтожая вокругъ себя, вонзалъ ножъ въ сердце тѣхъ, которыхъ возлюбилъ больше другихъ, сгибалъ шею тѣмъ, которыхъ хотѣлъ видѣть въ блескѣ величія, возводилъ на троны жалкихъ рабовъ. Ты шелъ великій и отчаянный, погрязая въ крови. Твое сердце терзали проклятья и нареканія самыхъ дорогихъ для тебя существъ, а когда Ты жаждалъ отдыха, когда хотѣлъ успокоить изъязвленное сердце,

Тебя схватывала все та же адская рука, поднимала съ мѣста и завывала:

— Иди дальше, разрушай дальше, залей себя кровью! Пусть Твой мозгъ окутается туманомъ безумья, но иди, ибо такъ хочетъ твое предопредѣленіе!

Ты пробирался сквозь непроходимую чащу дѣвственныхъ лѣсовъ, спутанныхъ ліанами, темныхъ, словно своды мрачныхъ храмовъ; острые шипы дикихъ кустовъ раздирали Твое тѣло, ядовитые черви алчными жалами впивались въ Твои гноящіяся раны, но Ты пробирался сквозь змѣиныя сплетенія ліанъ и павилики, ломалъ по дорогѣ вѣтви, чтобы проложить тропинку темной толпѣ, которая шла за Тобой. Съ страшнымъ отчаяніемъ Ты искалъ одного луча солнца, который предвѣщалъ бы Тебѣ какую нибудь поляну.—Напрасно! Но Ты зналъ, что долженъ итти дальше, ибо такъ хотѣло Твое предопредѣленіе.

И Ты сошелъ внизъ въ темныя могилы, блуждалъ по темнымъ и узкимъ галлереямъ, чтобы водрузить тамъ тлѣющую краснымъ огнемъ головню, чтобы идущая за Тобою толпа могла найти тамъ затерянную сокровищницу.

И со старыхъ развалинъ Ты соскребалъ плѣсень, чтобы найти руны предвѣчныхъ тайнъ.

И каждый тайникъ Своей души обыскивалъ Ты внимательно, чтобы показать имъ, какъ они чувствуютъ, по какому пути двигается ихъ мысль, растолковать имъ тайну ихъ собственныхъ душъ, ибо такъ хотѣло Твое предопредѣленіе.

Тебѣ повелѣно быть звѣздой, которая поглощаетъ мракъ,— Ты былъ звѣздой.

Все сильнѣе и глубже въѣдался Ты въ черный хаосъ, все алчнѣе и стремительнѣе развивалось Твоя ясность въ бездонныхъ моряхъ непзвѣданныхъ тайнъ. — Ты тонулъ, всплывалъ, сражался съ разъяренными чудовищами мрака, но наконецъ поборолъ таинственныя исчадія и солнечнымъ шаромъ освѣтилъ скрытыя и непонятныя вещи, ибо такъ хотѣло Твое предопредѣленіе.

И возненавидѣла толпа своего Короля-Духа. Она возненавидѣла его за то, что изъ его крови она высасываетъ для себя отраду; за то, что изъ злодѣяній и неистовствъ своего Короля-Духа толпа умѣетъ выжать для себя источникъ забвенья и умиротворенья; за то, что она мыслитъ его мыслью, смотритъ его очами; за то, что онъ разрѣшилъ для нея самыя запутанныя загадки, а изъ подъ толстаго слоя плѣсени извлекъ скрытыя письмена; за то, наконецъ что прорубалъ дороги сквозь непроходимыя чащи, а въ темныхъ пещерахъ указывалъ ей заколдованныя сокровища.

Ты шелъ черезъ пустыню среди вихрей, которые засыпаютъ ихъ караваны,— продолжаетъ Пшибышевскій свой гимнъ. — Ты достигъ оазиса и оживляющаго водохранилища.

Такъ Ты въ заговорѣ со злыми силами!

Ты уничтожилъ все, что вставало преградой на пути Твоего Царственнаго шествія, топталъ людей, которые насыпали передъ Тобой палисады и валы, разбрасывалъ свои богатства щедрой и великодушной рукой.

Ты — преступникъ!

Ты спустился въ темныя могилы, блуждалъ по галлереямъ и склепамъ священныхъ храмовъ, ломалъ печати таинственныхъ мистерій, углублялся въ сущность вещей, которыя запрещено созерцать человѣческому оку, не признавалъ никакой святыни, никакой власти, никакого могущества, кромѣ своего собственнаго.

Ты — святотатецъ!

А Ты, несчастный, шелъ, пробирался, погрязалъ все глубже и глубже. Громы проклятій, поношеній, клеветъ падали на Твою голову. И Ты, великій, могущественный, сильный, чувствовалъ себя малымъ и низкимъ настолько, что хотѣлъ укрыться подъ землей. И Ты, непонятный, чувствовалъ боль и стыдъ настолько что страстно хотѣлъ бы выплюнуть свою душу. И Ты, невинный и безпорочный, влачилъ на себѣ бремя такой вины, что сгибался вдвое подъ тяжестью креста, бо̀льшей, чѣмъ та, которую несъ на Гору Смерти Сынъ Человѣческій. И все-таки Ты шелъ—куда? на какую муку? за какимъ искупленіемъ?

Не спрашивай себя. Иди дальше. Уничтожай и твори. Возрождай и убивай. Совершай преступленія, чтобы освѣтить новую добродѣтель. Иди, помазанникъ темныхъ судебъ и предопредѣленій, иди, куда Тебя ведетъ рука неизвѣстнаго Бога. Иди, одѣтый тучей, среди бурь и урагановъ, иди средь проклятій и завываній толпы.

— Проклятый пророкъ! Свѣтоносецъ—духъ мрака, святой—преступникъ!

Всемогущій Духъ-Геній! Иди Великій и Одинокій, съ тихимъ и побѣдоноснымъ величіемъ тѣхъ, которые совершаютъ предвѣчныя предназначенія, съ страшнымъ и царственнымъ величіемъ тѣхъ, которые держатъ ключи отъ наивысшихъ тайнъ Свѣтъ, Богъ, Природа разрѣшаютъ въ Тебѣ свою собственную загадку и тайны своихъ судебъ. Въ Тебѣ раскрываются причины, разумъ и суть существованія.

Приди Параклетъ, приди, такой сильный, такой великій, что Ты направишь жизнь на новую дорогу,—къ новому, прекрасному,

пламенному и новому счастью, страданью и тоскѣ, которыя обнимутъ всѣ звѣзды, и къ предопредѣленію, которое само для себя наложитъ предѣлъ.

Эвоэ, предвѣчный Царь-Духъ у порога новаго столѣтія!

Эвоэ, Боже тѣхъ, которые умѣютъ смотрѣть на Твои солнца и послушны тебѣ.

Эвоэ, жрецъ Солнца,—Солнца, которое убиваетъ и воскрешаетъ!"

IV.

Для теоріи модернизма огромное значеніе имѣли и критическія статьи Пшибышевскаго по общимъ вопросамъ искусства. Взглядъ Пшибышевскаго на задачи искусства ставитъ его абсолютно внѣ всякихъ условностей. Какъ смотритъ онъ на искусство вообще, и какимъ, по его мнѣнію, долженъ быть истинный художникъ,—на эти вопросы мы можемъ найти отвѣтъ уже въ первыхъ его произведеніяхъ,—„Zur Psichologie des Individuums" („Къ психологіи индивидуума") и „Totenmesse" („Заупокойная месса"). Окончательную формулировку сущности своихъ взглядовъ на искусство и творчество Пшибышевскій далъ въ очеркахъ „Na drogach duszy".

„Искусство,—говоритъ онъ,—есть отраженіе того, что вѣчно, независимо ни отъ какихъ перемѣнъ и случайностей, независимо ни отъ времени, ни отъ пространства, слѣдовательно—отраженіе сущности, т. е. души. И при томъ души, независимо отъ того, проявляется ли она во вселенной, въ человѣчествѣ или въ отдѣльномъ индивидѣ. Значитъ, искусство есть выраженіе жизни души во всѣхъ ея проявленіяхъ, независимо отъ того, будутъ-ли они хороши или дурны, отвратительны или прекрасны. Въ этомъ—основной пунктъ нашей эстетики. У искусства нѣтъ цѣли: оно—цѣль въ самомъ себѣ, оно—абсолютъ, потому что является отраженіемъ абсолюта—души. А разъ оно абсолютъ, то не можетъ быть заключено ни въ какія оковы, не можетъ быть на службѣ какой нибудь идеи. Оно—владыка, первоисточникъ, изъ котораго вытекла жизнь. Искусство тенденціозное, искусство—поученіе, искусство—забава, искусство—патріотизмъ, искусство, имѣющее какую бы то ни было общественную или нравственную цѣль,—перестаетъ быть искусствомъ, а становится „Biblia pauperum" для людей, которые не умѣютъ мыслить или недостаточно образованы, чтобы прочесть надлежащее руководство. Для такихъ людей нужны странствующіе учителя, а не искусство. Еще ниже

искусство демократическое, народное: жалкое пониженіе до предѣловъ банальныхъ средствъ, какими пользуется художникъ. Для народа нуженъ хлѣбъ; когда онъ будетъ имѣть вдоволь, то самъ найдетъ дорогу къ искусству. Сталкивать же съ пьедестала и влачить искусство по всѣмъ рынкамъ и закоулкамъ—святотатство."

Такимъ образомъ, искусство, по мнѣнію Пшибышевскаго, стоитъ выше жизни и не связано никакими земными условіями. Соотвѣтственно этому, и художникъ—не слуга, не воспитатель; онъ не принадлежитъ ни народу, ни человѣчеству, не служитъ ни идеѣ, ни обществу. Художникъ стоитъ выше жизни, выше міра. „Онъ—владыка надъ владыками, не связанный никакимъ закономъ, не ограниченный никакой силой человѣческой".

Участіе мозга въ художественномъ творчествѣ Пшибышевскій признаетъ почти не нужнымъ: „обнаженная" душа художника должна быть свободна отъ вліяній мозга, потому что „мозгъ", это—сѣренькіе будни, знойный трудъ; это—математика, логика. Душа же—рѣдкій праздникъ, нѣчто, чего ни вычисленіемъ, ни сужденіемъ охватить нельзя, слава человѣчества, его вознесеніе. „Непостижимое для мозга завершается въ душѣ, которая все освобождаетъ отъ той случайной формы, въ какой оно представляется мозгу".

Отсюда ясно, что истинный художникъ долженъ итти „путемъ души", стремиться передавать и воспроизводить „чувства", мысли, впечатлѣнія и сновидѣнія непосредственно, какъ они проявляются въ душѣ, безъ логической послѣдовательности, во всѣхъ ихъ быстрыхъ скачкахъ и сочетаніяхъ. Этими словами Пшибышевскій какъ бы отрицаетъ всякое творчество, заставляетъ художника лишь фотографировать собственную душу. Подъ душой же онъ понимаетъ все то таинственное, мистическое, что лежитъ „по ту сторону", что властно подчиняетъ себѣ всю дѣятельность нервнаго индивидуалиста и превращаетъ послѣдняго въ слѣпое орудіе слѣпой стихійной силы. „Начальной основой такъ называемаго „новаго" искусства и всѣхъ въ немъ теченій,—пишетъ Пшибышевскій въ „Confiteor"—служитъ понятіе о душѣ, какъ личной мощи, о душѣ, шествующей отъ одной вѣчности къ другой, душѣ, которая въ извѣстные моменты, принуждаемая къ тому неизвѣстнымъ могуществомъ, является на землю, потомъ возвращается въ лоно вѣчности и опять воплощается... За тѣснымъ кружкомъ сознательныхъ состояній нашего „я" существуетъ еще цѣлый внутренній океанъ, море тайны и загадокъ... Но рѣдко, рѣдко глубь эта раскрывается передъ взоромъ человѣка:

обычно взоръ его только скользитъ по тонкому ледяному слою, подъ которымъ покоится мистическое „mare tenebrarum“.

Изъ остальныхъ польскихъ литературныхъ критиковъ, разрабатывающихъ теоретическіе вопросы модернизма, слѣдуетъ назвать Петра Хмелевскаго, Игнатія Матушевскаго, Вильгельма Фельдмана, Станислава Лацка, Владислава Яблонскаго, Антонія Потоцкаго, Антонія Мазановскаго, поэтовъ Я. Каспровича, А. Ланге, Л. Рыделя, Ю. Жулевскаго, М. Конопницкую, Я. Стена, В. Буковинскаго, сатирика А. Новачинскаго и др. Изъ нихъ мы остановимся только на нѣкоторыхъ.

Литературный критикъ-символистъ Станиславъ Лацкъ постоянно писалъ въ краковской „Жизни“ вмѣстѣ съ Пшебышевскимъ и на первыхъ порахъ развивалъ мысли послѣдняго. Лацкъ родился въ 1876 году, учился въ Краковѣ, путешествовалъ по Италіи, Франціи и Америкѣ. Сначала Лацкъ находился подъ французскимъ вліяніемъ, развивалъ мысли Леметра и особенно А. Франса о характерѣ импрессіонизма, какъ aventures d'âme, и говорилъ, что критикъ-артистъ, т. е. импрессіонистъ, чувствуетъ себя обязаннымъ „проникать въ источникъ, изъ котораго вышло произведеніе искусства, потому что во всякомъ произведеніи искусства онъ видитъ одинъ только источникъ“ („Życie“, 1897). Поэтому Лацкъ превозносилъ извѣстную статью Пшибышевскаго „Zur Psychologie des Individuums“. Но затѣмъ подъ вліяніемъ изученія философіи, перемѣнилъ взгляды на литературную критику, которая, по его мнѣнію, не можетъ быть индивидуальной, ни объективной, а должна быть символической, какъ и религія, такъ какъ искусство—та же религія. Въ болѣе позднихъ статьяхъ Лацкъ полемизируетъ съ критиками-утилитаристами, считая чувство силой абсолютной, самодовлѣющей, не имѣющей ничего общаго съ интересами жизни, съ условной моралью и т. п. Этой мыслью проникнуты статьи Лацка о польскихъ беллетристахъ и общихъ вопросахъ по эстетикѣ въ „Молодости“, „Новомъ Словѣ“, „Критикѣ“ и др.

Дальше Пшибышевскаго пошелъ выдающійся и талантливый критикъ Станиславъ Бжозовскій который, вѣроятно, въ отличіе отъ поэта Станислава Бжозовскаго, выступаетъ подъ псевдонимомъ Чепель (Czepiel). Бжозовскій (родился въ 1878 году) учился въ варшавскомъ университетѣ на естественно-историческомъ факультетѣ, курса не кончилъ. Большая часть работъ его напечатана въ журналахъ: изъ нихъ извѣстны очерки о Сенкевичѣ, Выспянскомъ, Стаффѣ, Жеромскомъ, Сядецкомъ и др. Статьи его по философіи, печатающіяся съ 1902 года, имѣютъ меньшее значе-

ніе, какъ и драмы. Кромѣ знакомства съ западными новѣйшими критиками Бжозовскій знаетъ русскихъ критиковъ, начиная съ Бѣлинскаго и кончая Михайловскимъ. По мнѣнію однихъ, какъ теоретикъ искусства, Бжозовскій стоитъ на высотѣ Пшибышевскаго, по мнѣнію другихъ, онъ пошелъ дальше. Исходнымъ пунктомъ въ такомъ случаѣ можетъ служить лишь та разочарованность въ соціальномъ „строительствѣ“ человѣчества, которая заставила и Пшибышевскаго замкнуться въ собственную „обнаженную душу“ и повѣрить, что въ этой душѣ, ничѣмъ не прикрытой, ничѣмъ не скованной, заключается правда. А такъ какъ жизнь духа въ искусствѣ — отсюда слѣдуетъ, что оно должно быть символическимъ. Въ нѣсколькихъ статьяхъ— изъ нихъ наибольшей стройностью отличается „O nowej sztuce“ Бжозовскій формулировалъ собственное „Confiteor“. Изъ него наиболѣе интересны слѣдующія мысли: искусство дѣло тяжелое, мучительное, отвѣтственное; оно должно выражать прежде всего то, что сами мы признаемъ въ нашемъ внутреннемъ „я“ наиболѣе цѣннымъ, другими словами, новое искусство не можетъ не быть „метафизическимъ“; если искусство должно отзываться на дѣйствительность, то результаты, добытые такъ называемыми точными науками, все-таки сводятся къ тому, что сущность для насъ сокрыта, а потому изъ всякихъ „дѣйствительностей“ единственную цѣнность представляетъ только душа съ ея творческими силами, съ ея безусловнымъ „добромъ“, „святостью“; все остальное, что мы привыкли принимать за дѣйствительность, это—не болѣе, какъ наша „приспособленность“ къ познанію міра, но не самый міръ, какъ нами же выдуманный способъ „символизировать“ внѣшнія явленія.

Серьезный критикъ-психологъ, авторъ изслѣдованія о „душѣ“ Словацкаго на основаніи писемъ поэта къ матери („Dusza poety“, 1900), литературно- философскихъ этюдовъ „Chwila obecna“ (1901), разсужденія о задачахъ художественной критики (W odwiecznej sprawie uwagie o sztuce i krytyce“ (1902) и другихъ очерковъ, посвященныхъ французской литературѣ, — Владиславъ Яблоновскій (родился въ Подольской губерніи въ 1866 году) остается также критикомъ-психологомъ и въ беллетристикѣ. По мнѣнію Яблоновскаго, критикъ не долженъ судить о произведеніяхъ искусства съ публистической точки зрѣнія. Прямая и единственная его обязанность — проникать въ „живой творческій источникъ“ писателя или художника, а затѣмъ уже говорить о смыслѣ произведенія въ любомъ отношеніи; при этомъ критикъ долженъ научить еще читателей и зрителей „перевоплощаться“ въ индиви-

дуальность каждаго автора“ Что этимъ достигается непосредственная связь между творцемъ и „воспринимателями“ результатовъ творчества.

Что Яблоновскій не только убѣжденъ въ необходимости для критика проникать въ самый процессъ, въ психологію творчества, но и самъ какъ беллетристъ умѣло слѣдуетъ этому правилу, — показываетъ лучшій изъ разсказовъ его, помѣщенный въ сборникѣ „W zatoce śmierci“. „Бухта смерти“, это— небольшая албанская бухта, расположенная между устьями рѣкъ Бояны и Чернаго Дрина, гдѣ всегда было тихо и безлюдно; гдѣ нѣсколько старыхъ парусныхъ судовъ, навсегда поселились въ ея водахъ, словно полуразрушенные морскіе инвалиды, и гдѣ три судна, еще находившіяся въ употребленіи, принадлежали къ числу рѣдкихъ ея обитателей. Все здѣсь пусто, безжизненно, производитъ впечатлѣніе дремоты, соннаго оцѣпененія, — даже не слышно рева волнъ, не видно брызгъ пѣны. „Все это замирало гдѣ то вдали, прекращалось у входа въ бухту Вмѣсто могучей морской симфоніи до берега доносились только неясные сдавленные звуки, робкій плескъ, заглушенный гулъ, — словомъ, какіе то жалкіе обрывки отдаленнаго величія, что то ничтожное, не внушающее ни страха, ни очарованія. Вѣтеръ, врываясь въ бухту, сразу терялъ задоръ и силу натиска; въ своемъ стараніи взволновать дремлющее лоно водъ онъ то забѣгалъ съ разныхъ сторонъ, то внезапно стремительно налеталъ—но все напрасно. Поверхность воды лишь слегка покрывалась рябью; по ней пробѣгала чуть замѣтная дрожь, а затѣмъ снова все сглаживалось и возвращалось къ прежнему равновѣсію и покою. Только одинокая чайка, бездомная скиталица, попадала иногда въ предѣлы бухты, касалась своими серебристо-сѣрыми крылышками поверхности спящей воды и, покружившись безъ цѣли нѣкоторое время, — словно преслѣдуемая страшнымъ призракомъ собственной судьбы,—бросалась сначала вверхъ, потомъ въ сторону и въ тревогѣ мчалась горизантально вдоль берега, уносясь отъ оцѣпенѣлой бухтѣ. Длинною узкою лентой бухта врѣзывалась въ материкъ. Съ береговъ ея виднѣлись сѣрыя черногорскія скалы, дикія и величественныя, гордо взправшія съ высоты съ какой то непримиримой враждебностью. Сизые туманы поднимались съ моря, скоплялись въ бухтѣ огромными массами; часть ихъ, сгущаясь и клубясь, расползалась по склонамъ горъ, повисая клочьями на острыхъ стѣнахъ обрывовъ; но всею своею тяжелой сыровато-молочною массой они навалпвались на грудь бухты, какъ бы стремясь задушить ее своими парами“.

Изъ этого отрывка видно, насколько самъ Яблоновскій слѣдуетъ выставленнымъ имъ же требованіямъ проникать въ психологію описываемаго лица.

Къ импрессіонистамъ, кромѣ Стена, Новачинскаго и Конопницкой, принадлежитъ серьезный литературный критикъ и беллетристъ Антоній Потоцкій. Потоцкій родился въ 1867 году, окончилъ школу политическихъ наукъ въ Парижѣ, гдѣ обыкновенно и живетъ; тамъ же онъ издавалъ журналы „La Pologne contemporaine“ и „Sztuka“ (съ 1904 года). Беллетристическія произведенія Потоцкаго собраны въ отдѣльномъ изданіи „Martozia i my“ (1899) и имѣютъ второстепенное значеніе. Критическія статьи Потоцкаго о Выспянскомъ и Конопницкой изданы въ 1902 году, а очерки о Сенкевичѣ, Реймонтѣ, Домбровскомъ, Жеромскомъ, Сѣрошевскомъ, Тетмайерѣ, Каспровичѣ, Ланге, Вержбицкомъ, Вейсенгофѣ и др. собраны въ „Szkice i wrazenia literackie“ (Львовъ, 1903). Неглубокія, и необъединенныя опредѣленной общественно-философской идеей, не носящія слѣдовъ послѣдовательно проведенныхъ требованій какой нибудь литературно-критической школы, статьи Потоцкаго написаны красиво, иногда съ темпераментомъ и интересны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ критикъ касается западно-европейскихъ литературъ, которыя онъ хорошо знаетъ, или же въ тѣхъ, въ которыхъ имъ примѣняется импрессіонническій пріемъ; въ послѣднемъ онъ уступаетъ Я. Стену, имѣющему въ остальныхъ отношеніяхъ нѣчто общее съ Потоцкимъ.

Въ противовѣсъ перечисленнымъ критикамъ, полное непониманіе новѣйшаго искусства обнаруживаютъ критики, принадлежащіе къ школѣ историко-филологической съ Ст. Тарновскимъ во главѣ. Лучшій изъ нихъ — Александръ Брикнеръ, въ большинствѣ случаевъ повторяющій съ чужихъ словъ то, что относится непосредственно къ модернизму. Худшій изъ нихъ—плодовитый критикъ, клерикалъ изъ школы Тарновскаго Антоній Мазановскій. При большомъ знакомствѣ съ литературными произведеніями, Мазановскій даетъ, однако, мало своего и недостаточно глубокъ въ пониманіи какъ классическаго періода („Stosunki i wzajemne sądy Mickiewicza, Słowackiego i Krasinskiego“) такъ и современныхъ теченій („Młoda Polska w powieści, liryce i dramacie“ Краковъ, 1902). Во второй изъ названныхъ книгъ разсмотрѣны слѣдующіе отдѣлы и авторы: „Натурализмъ и модернизмъ“. „Наши натуралисты.—Реймонтъ, Жеромскій, Сѣрошевскій, Грушевскій“, „Наши модернисты.—Пшибышевскій“, „Лилико-модернистовъ“, „Молодая Польша и романтизмъ. Будущее поэзіи“. Вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ Мазановскій составилъ „Podrecz-

nik do dzejów literatury polskiej“ (Краковъ, 1901)—тенденціозный, богатый фактами учебникъ исторіи польской литературы до нашихъ дней. Мазановскій знакомъ съ русской литературой; въ числѣ его статей обращаетъ на себя вниманіе „Maksym Gorkij“ („Przegląd Powszechny“ 1902, X,XI и слѣд.).

V.

Ровно черезъ годъ послѣ закрытія краковской „Жизни“, варшавскій модернизмъ получаетъ новую дисциплинировку въ лицѣ Зенона Пшесмыцкаго (Миріама), успѣвшаго въ недолгій срокъ найти и увѣровать въ новоявленнаго „бога Искусства“. На ряду съ переводами и критическими изслѣдованіями творчества О. Ганнсона, Гюисмана, Метерлинка, Бьерисона, Стриндберга, Ибсена и др., къ области польскаго искусства было присоединено изученіе спиритизма, медіумизма, телепатіи, сенсуализма, которыми увлекался варшавскій кружокъ И. Матушевскаго, Ю. Охоровича, Старынкевича, Джевецкаго и др. еще раньше, въ началѣ 90 годовъ, правда, съ цѣлями не артистическими, но въ результатѣ этихъ изученій было то, что границы между видимымъ и мистическимъ мало по-малу разрушались, и „позитивизму“ въ литературѣ приходилъ конецъ.

Съ февраля 1901 года Миріамъ началъ издавать въ Варшавѣ журналъ „Химеру“ („Chimera“), который объединилъ всѣ лучшія силы польскаго модернизма въ Россіи и въ Галиціи. Такимъ образомъ, значеніе Миріама—творца значительно блѣднѣетъ передъ его заслугами въ новѣйшей польской литературѣ, какъ теоретика символизма. Ему принадлежатъ образцовые переводы изъ чешскаго поэта Врхлицкаго „Uszy Midasa“, (1891) и „Freski i gobeliny“ (1895), „Duch i Swiat“, „Vittoria Colonna“ и „Do życia“; переводъ избранныхъ стихотвореній другого чешскаго поэта, Юлія Зейера, изъ Леконта де Лиля „Erynnie“ (1891), изъ антологіи „Молодой Бельгіи“ (1894), изъ Верлена (1897) и др. Вообще Миріамъ переводилъ очень много съ французскаго, итальянскаго, англійскаго и другихъ языковъ.

Говоря о происхожденіи литературной „Молодой Бельгіи“, Миріамъ опредѣлилъ главныя черты и „Молодой Польши“, душой и теоретикомъ которой онъ самъ остается до сихъ поръ. Поэтому въ этомъ опредѣленіи сквозитъ много автобіографическихъ чертъ. Молодые поэты шли строгимъ эклектическимъ путемъ. Они взяли у Флобера и братьевъ Гонкуровъ общую

мысль—что искусство должно быть аристократическимъ; что художники не должны гоняться за рукоплесканіями толпы; что ихъ искусство должно быть понятно только „посвященнымъ въ тайны“. Отъ парнассистовъ они унаслѣдовали артистическую внѣшность, выразительность, элегантность въ построеніи стиха и т. д. Бодлеръ ихъ научилъ относиться съ презрѣніемъ ко всякой банальности и стремиться ко всякимъ новшествамъ—экзотичности, искусственности, туманности, недосказанности и т. д. У Верлена и Маларме они заимствовали въ готовомъ видѣ всѣ тайны настроенія, у Поэ—страхи и видѣнія, у Ницше и Ибсена—уваженіе къ гордому одиночеству возвышенной души, у Гарборга тонкость въ передачѣ чувствъ человѣка съ издерганными нервами, у Гаршина—мысль о невозможности сочувствовать счастью, у Толстого—презрѣніе къ современной цивилизаціи и т. д. Наконецъ, польскіе символисты нашли массу сродныхъ имъ чертъ, какъ мы уже видѣли, у Словацкаго, котораго назвали своимъ евангелистомъ, а также у Асныка и Фаленскаго.

Если эта картина, набросанная П. Хмелевскимъ въ послѣднемъ томѣ его „Исторіи польской литературы“, и страдаетъ нѣкоторой схематичностью въ деталяхъ, то въ общемъ она вѣрна и такъ-сказать демонстративна. Болѣе подробно онъ говоритъ о польскомъ символизмѣ въ „Новѣйшихъ теченіяхъ польской поэзіи“. Хмелевскій придаетъ большое значеніе статьѣ Міріама о Метерлинкѣ, посвященной въ сущности выясненію всего новаго литературнаго движенія. Хотя въ самой статьѣ мало новаго, но она интересна по своей прямолинейности, страстности, по той убѣжденности, съ которой авторъ превозноситъ всѣ новыя теченія литературно-философской мысли, утверждая, что великое искусство всегда было и должно быть символическимъ, поэтому что за чувственными аналогіями оно скрываетъ элементы безконечности, открываетъ безграничные, сверхчувственные кругозоры. Опираясь на изслѣдованія магнитизма, гипнотизма и медіумизма, Міріамъ утверждалъ, что для поэтическаго творчества открывается цѣлый міръ мистицизма, научно обоснованнаго, опирающагося на фактахъ. Разнообразныя предчувствія, пророчества, сверхъестественное у прежнихъ романтиковъ, все это—не пустыя видѣнія ихъ фантазіи, а доказываетъ ихъ великую интуитивную способность чувствовать факты, которые только впослѣдствіи подтверждаетъ наука. Затѣмъ мистицизмъ переродился въ нынѣшній символизмъ. У вождей французскаго символизма, Верлена и Маларме, идея, по выраженію Міріама, отошла вглубь, а главное вниманіе обращалось на настроеніе,

вызываемое красотой, музыкой и оттѣнками стиховъ, на сочетанія словъ, которыя должны пробуждать въ душѣ слушателя извѣстные образы и впечатлѣнія, однимъ словомъ, —на освобожденіе языка отъ давленія мысли. Консерваторъ во взглядахъ на перебой литературныхъ теченій, П. Хмелевскій, конечно, мало сочувствуетъ западнымъ и польскимъ символистамъ. По его убѣжденію, при такомъ „освобожденіи языка“ Метерлинкъ не только не старался быть понятнымъ для читателей, но прямо таки не заботился о смыслѣ. Хотя Миріамъ и говоритъ, что въ непонятныхъ фразахъ Метерлинка кроется много глубокихъ символовъ или аналогій, но Хмелевскій признается, что, не смотря на всяческія усилія, не могъ въ нихъ отыскать этого значенія. Очевидно, здѣсь играютъ роль какія-то иныя обстоятельства, потому что сейчасъ же вслѣдъ за приведеннымъ признаніемъ историкъ польской литературы говоритъ, что въ поэзіи Миріама нѣтъ и слѣда какихъ бы то ни было неясностей и безсмыслицъ въ стилѣ Метерлинка. Даже въ тѣхъ его произведеніяхъ, которыя написаны были послѣ появленія работы о Метерлинкѣ и послѣ перевода его драматическихъ произведеній, у Миріама появляется изрѣдка и то едва слабый ихъ отзвукъ, но никогда не заглушаетъ чистаго металлическаго звука струнъ. Въ заключеніе П. Хмелевскій склоненъ думать, что теорія осталась теоріей, безъ вліянія на творчество, которое черпаетъ вдохновеніе изъ болѣе жизненнаго источника.

Т. Грабовскій также не отрицаетъ заслуги Миріама, который далъ начало польскому символизму—поэзіи настроеній, видѣній и мистицизма, хотя самъ поэтъ, по мнѣнію критика, всегда оставался отчетливымъ и яснымъ. Во всякомъ случаѣ, заслуга Миріама заключается главнымъ образомъ въ томъ, что своими стихами и изданіями онъ энергично выступалъ противъ позитивизма. Какъ лирикъ, онъ мало индивидуаленъ и мало стихіенъ, скорѣе онъ—теоретикъ, чѣмъ любимый публикой артистъ. Стихи его звучны и прекрасны, но въ нихъ мало порывовъ и искреннихъ изліяній. Онъ порицаетъ утилитарный матеріализмъ и вѣритъ въ воскресенье той всемогущей и всевластной поэзіи, которая станетъ путеводительницей народовъ.

Передача всей исторіи польскаго символизма у Хмелевскаго и Грабовскаго страдаетъ неполнотой. Самъ Миріамъ говоритъ, что новое искусство выродилось изъ позитивизма и мѣщанскаго филистерства; оно мистично и символично. Правда, его мистицизмъ принялъ новыя формы: прежде онъ носилъ религіозный, чисто „монашескій“ характеръ, замкнутый въ предѣлахъ

суроваго аскетизма и далекій отъ интересовъ земныхъ. Теперь же искусство освободилось отъ указки аскетической схоластики. Теперь его основаніемъ стали новыя завоеванія науки—сенсуализмъ, спиритизмъ, магнетизмъ, гипнозъ, экстазъ (не только религіозный), сомнамбулизмъ; наконецъ, на сцену выступили всѣ тѣ волшебныя видѣнія, которыя вызываетъ опіумъ и гашишъ. И въ центрѣ всей этой поэзіи-философіи сталъ человѣкъ съ сильно развитой индивидуальностью, съ порывами не столько къ далекому небу отъ хорошо извѣстной земли, сколько къ той же землѣ, но къ неизвѣданнымъ ея элементамъ, на которые намекали пока неясныя мечтанія о „сверхчеловѣкѣ“—о томъ сверхчеловѣкѣ, въ которомъ сосредоточивается весь міръ. Отсюда вытекалъ „мистическій монизмъ“, т.-е. своеобразная форма пантеизма, сліяніе человѣка съ природой, смѣсь матеріальнаго съ метафизическимъ. Отсюда вытекала и мысль, что всякое великое и безсмертное искусство, живущее внѣ времени и пространства, должно быть только символическимъ. Впрочемъ, красоту въ искусствѣ Міріамъ понимаетъ нѣсколько условно и въ стихотвореніи „Творцу“ („Twórcy“) даетъ такой совѣтъ:

„Если ты разъ заблудился въ мірѣ грезъ, въ этомъ волшебномъ благоухающемъ лѣсу, гдѣ можно разбудить спящую царевну,—не возвращайся уже къ людямъ: спрячься лучше подъ гробовой камень.

„По арабескамъ греческихъ вазъ проскользнетъ ударъ,—и ты увидишь слѣдъ царапинъ... О, прочь (ты знаешь ли, что̀ болѣе всего обманчиво?)—въ міръ грезъ!

„Ты далъ, что имѣлъ. Ты красу красотъ отнялъ у безграничнаго пространства и далъ ее пространству времени: ты далъ форму, которой не запачкаетъ грязь; ты вдохнулъ жаръ, котораго не остудитъ морозъ; ты далъ толчекъ духу, который гасъ среди массъ въ мірѣ грезъ“.

VI.

Выяснивъ въ главныхъ чертахъ теоретическую сторону поэтической дѣятельности Міріама, обратимся къ его оригинальнымъ и подражательнымъ стихотвореніямъ.

Главный лирическій сборникъ Міріама, „Z czary młodości“ („Изъ кубка молодости“, 1893), раздѣленъ на три части: „Упоеніе“, „Муть въ кубкѣ“ и „Примиреніе“, составляющія въ общемъ живой и цѣльный психологическій памятникъ души поэта.

„Упоеніе“ молодой поэтъ находилъ болѣе всего, какъ правильно замѣтилъ Хмелевскій, въ видахъ и явленіяхъ природы, которыя чувствовалъ живо, сильно и искренне. Онъ не искалъ въ природѣ чего-нибудь необыкновеннаго: восходъ и закатъ солнца, утро, вечеръ, ночь, луна, звѣзды, горы и плоскогорья, степи и море,—все приводитъ его въ восторгъ, все дѣйствуетъ на его чувство и мысли, вызывая чудные образы. Лучшей иллюстраціей могутъ служить полные простоты и звучности сонеты Миріама „Во рву“ („W parowie“). Поэтъ отдыхаетъ на мягкомъ мху. Сосны дышатъ живительнымъ ароматомъ; сонливо качаются ихъ вершины; на западѣ тянется полоса тучъ. Тишина кругомъ. Одуряющій запахъ мать-мачехи несется изъ травы. На мысль поэту приходитъ пѣснь. Не услышатъ ли его люди? Не заглушитъ ли ее житейскій ураганъ, который сметаетъ прахъ послѣ каждаго часа, падающаго въ бездну вѣковъ? Эти сомнѣнія появляются быстро и сейчасъ же исчезаютъ: они не пугаютъ поэта, который собираетъ мысли, одѣваетъ ихъ словами и пускаетъ пѣсни въ свѣтъ, чтобы онѣ летѣли, словно орлы и вихри, чтобы гремѣли среди людей. Но то былъ только сонъ... поэтъ проснулся и плакалъ, какъ ребенокъ... Почему?—Вѣроятно, потому, что во снѣ тѣ слова, въ которыя онъ одѣлъ свои мысли, показались ему великими и могучими. А вслѣдъ за тѣмъ является новый вопросъ: найдетъ ли ихъ самъ онъ на яву? А можетъ быть, въ такое волненіе привела его эта упоительная тишина, проникнутая запахомъ полевыхъ цвѣтовъ, которой было не трудно убаюкать его послѣ бури мыслей? И поэтъ печально останавливается надъ вопросомъ: существуетъ ли такая пѣснь, которая прогремѣла бы подобно грозѣ надъ остывшимъ земнымъ шаромъ, которая проникла бы въ каждую грудь? И могло ли бы окаменѣвшее человѣчество принять въ свою грудь что нибудь иное, что̀ выше „разодѣтой куклы или золотого металла“? Въ горестной задумчивости сложилъ поэтъ пылающую голову на холодную землю, а до слуха его тихо доходилъ тоскующій шумъ сосенъ и тихій шепотъ пахучихъ травъ:

— Отъ сердца пой, отъ сердца!

Менѣе прекрасными находитъ Хмелевскій чисто лирическія пѣсни Миріама. Индивидуальной любви онъ удѣляетъ въ своей лирикѣ мало мѣста, болѣе охотно касаясь общественной струны. Любовь у него имѣетъ идеалистическую окраску и представляется преимущественно, какъ разладъ между чувствомъ и мыслью; взаимное пониманіе двухъ душъ играютъ у него также не послѣднюю роль. Лучшія вещи изъ этого отдѣла — „Звѣзды“

(„Gwiazdy“), „Осенняя элегія“ („Elegie jesienne“), „Первое дитя“ („Pierwsze dziecie“), „Мнѣ казалось“ („Zdało mi się“), „Прометей“ („Prometeusz“), „Шумъ деревьевъ“ („Szumy drzew“), „Заколдованные рыцари“ („Zaklęci rycerze“). Вторая часть сборника „Муть въ кубкѣ“ („Męty w puharze“) заключаетъ слѣдующія темы: охлажденія чувства, равнодушіе, сомнѣніе, пессимизмъ, отчаянные вопросы: зачѣмъ жить? зачѣмъ трудиться? зачѣмъ страдать? Главная идея этой части лирическаго сборника та, что Міріамъ вполнѣ сочувствуетъ всѣмъ печальнымъ и сомнѣвающимся собратьямъ. Въ третьей части сборника поэтъ не останавливается на сочувствіи къ „печальней толпѣ“, но старается путемъ „Примиренія“ успокоить внутреннюю рознь и создать болѣе ясный взглядъ на жизнь.

Въ видѣ иллюстрацій приводятся слѣдующія стихотворенія. Въ сонетахъ „Разговоръ съ душой“ („Rozmowa z duszą“), Міріамъ представляетъ счастье возможнымъ реально только при отсутствіи сознанія—и меркнущимъ при первомъ же появленіи анализа. Но все стихотвореніе выражаетъ ту непобѣдимую „прометееву наклонность“ къ изслѣдованію, которой отличается человѣческій родъ, а отсюда—выводъ о невозможности счастья. Погруженныя въ бездну мрака, души должны летѣть, какъ ночныя бабочки къ свѣту, и никакія опасенія возможныхъ потерь не могутъ удержать ихъ. „И одна другой завидуетъ въ мукахъ и слезахъ, потому что, если имъ дорого лицезрѣніе счастья, то и боль сознанія равно имъ дорога“. Въ сонетѣ „Метафизика“ („Metafizyka“) поэтъ проводитъ ту мысль, что человѣческій духъ не можетъ остановиться на опытномъ знаніи, но вѣчно неспокойный, онъ жаждетъ узнать тайны, лежащія внѣ этого знанія; бездна притягиваетъ бездну. Міріамъ говоритъ: „Хотя вѣчно голодна жгучая жажда духа, хотя мы все блуждаемъ среди сомнѣній,—міръ видитъ все новыхъ и новыхъ Икаровъ. Духъ рвется въ безграничное пространство, не смотря на то, что судьба сталкиваетъ его въ прахъ“. Въ трехъ прекрасныхъ сонетахъ „Братьямъ поэтамъ“ („Braciom poetom“) Міріамъ совѣтуетъ довѣриться только сердцу и его предчувствіямъ, не унывать при неудачахъ и вѣрить въ плодотворность человѣческой дѣятельности, хотя бы и не пришлось увидѣть конечной цѣли, къ которой человѣчество стремится. И Міріамъ обращается къ поэту съ такимъ совѣтомъ: „Хотя знаніе мудрецовъ печально свидѣтельствуетъ, что путь событій это—только большая межа Неизбѣжности; что ничего не измѣнишь въ ряду преобразованій, что ты—только слѣдствіе того, что было раньше,—все-таки не отрекайся отъ труда своего и

мечтаній". Теоріи измѣняются,—прибавляетъ онъ дальше—однѣ падаютъ, на ихъ мѣстѣ появляются другія; но Любовь, Благо и Красота—безсмертны, и кто дѣйствуетъ подъ ихъ лозунгомъ, тотъ содѣйствуетъ счастью человѣчества.

Болѣе отрицательное мнѣніе о лирикѣ Міріама высказалъ Т. Грабовскій. По поводу названія сборника стихотвореній, „Изъ кубка юности", критикъ пронизпруетъ, и поэзія Міріама, на его взглядъ, совсѣмъ не юна. Онъ слишкомъ мало черпаетъ изъ себя и изъ окружающаго, потому что все, что́ мы видимъ и слышимъ у него,—мы уже видѣли и слышали гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Сильнѣе всего Міріамъ въ своихъ програмныхъ стихахъ, написанныхъ для журнала „Жизнь". Онъ переводилъ и переводилъ чудно, почему главное его значеніе и заслуга—въ роли посредника между западной и польской поэзіей. Хотя онъ и проникъ въ сущность символизма, но былъ слишкомъ близокъ и къ эпохѣ позитивизма, имѣлъ слишкомъ простой и ясный умъ, чтобы любоваться сбивчивой символикой Малармé или Метерлинка. „Унылыя рондо" („Rondo smętne"), изданныя нѣсколько позже, ничего не прибавили къ этой характеристикѣ и подтвердили только старую истину, что одна виртуозность не творитъ еще индивидуальности. Поэтому, хотя критикъ и отказываетъ въ похвалѣ лирикѣ Міріама, тѣмъ не менѣе признаетъ, что такіе поэты много содѣйствуютъ прогрессу вообще и открываютъ новые пути въ минуты исчерпанія и оскудѣнія родной поэзіи.

Мнѣнія Хмелевскаго и Грабовскаго не стоятъ одинако, и многое въ нихъ справедливо, но группа наиболѣе чуткихъ къ новѣйшимъ теченіямъ критиковъ съ В. Фельдманомъ во главѣ относится болѣе отрицательно къ искусственному по архитектоникѣ сборнику Міріама. Въ самыхъ названіяхъ отдѣльныхъ частей сборника, критики видятъ условность: „теза", „антитеза" и „синтезъ". Это уже пахнетъ схоластикой, раздѣленіемъ рѣчи на „экзордіумъ", „наррацію" и „конклюзію". Вообще, въ лирикѣ Міріама, сравнительно съ произведеніями эпическаго характера, много холода. Хотя въ его поэтической сокровищницѣ—непочатый запасъ красивыхъ образовъ, но все это отдаетъ дѣланностью и падаетъ больше на долю одной технической стороны: его произведенія пріятно читать, но усваивать, переживать и перечувствовать ихъ—почти невозможно.

И если критики расходятся въ оцѣнкѣ произведеній Міріама со стороны идей, то ихъ похвалы внѣшнимъ достоинствамъ главы польскаго символизма производятъ такое впечатлѣніе, что

всѣ критики сговорились. Чистый и въ общемъ ясный польскій языкъ Мирiама лишь въ рѣдкихъ случаяхъ портятъ выраженія, заимствованныя изъ общей поэтической сокровищницы символистовъ—изъ французскихъ „боговъ“. Звучные стихи, гибкій слогъ, изысканные обороты, удачные и выспренніе образы, приподнятое настроеніе—все это великолѣпно гармонируетъ съ элегантнымъ ритмомъ, превосходными рѳмами. Мирiамъ-артистъ остается вѣренъ себѣ и тогда, когда рисуетъ красивый солнечный пейзажъ, и когда устремляется въ высокія сферы туманной мысли. И надъ всѣмъ этимъ богатымъ арсеналомъ внѣшнихъ средствъ, у Мирiама господствуетъ красота настроенія, напримѣръ, въ небольшомъ стихотвореніи „Надпись на могилѣ“ („Napis na grobie“).

„Какъ цвѣтокъ, растетъ—и падаетъ, какъ срѣзанный цвѣтокъ... О, далекая жалоба сельскихъ колоколовъ. О, тишина скрытыхъ среди низъ кладбищъ.—Небосклонъ горитъ огнемъ заката, блѣдная небесная твердь темнѣетъ синевой.

О, ароматъ богородичной травы, мяты. —Тихо плывутъ корабли тучъ въ серебристую даль; вся душа словно растапливается въ ароматъ и мечтаетъ, какъ цвѣтокъ...

„Какъ цвѣтокъ, растетъ—и падаетъ, какъ срѣзанный цвѣтокъ... Безбрежное спокойствіе—безъ желаній, безъ влеченій.. О горе прельщающихъ миражей жизни.

— Тихо... Какая то жалоба слышится въ могилѣ или во мнѣ; умирая продолжаетъ еще существовать въ непреклонной волѣ, словно цвѣтокъ“.

Окончаніе слѣдуетъ.

Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова.

I.

Политика князя Фердинанда.—Стамбуловцы у власти.—Университетскій вопросъ.—Празднованіе тысячелѣтія крещенія Болгаріи.—Аграрныя волненія въ Румыніи.—Македонскія дѣла.—Меморандумъ македонскихъ эмигрантовъ англійскому правительству*).

Минувшій 1906-ой годъ передалъ настоящему году въ Болгаріи тяжелое политическое наслѣдіе. Въ прошломъ году Сербія занимала вниманіе политическихъ круговъ и прессу Европы борьбой съ Австріей за свою политическую независимость. Теперь центръ тяжести балканской политики перешелъ на освобожденное Россіей княжество.

Мы всегда добросовѣстно и съ возможнымъ безпристрастіемъ отмѣчали на страницахъ „Славянскихъ Извѣстій“ положительныя и отрицательныя явленія общественно - политической жизни балканскихъ народовъ и государствъ; особенно подробно мы останавливались на княжествѣ Болгаріи, печалуясь его печалями и радуясь его радостями. Теперь намъ предстоитъ описать политическій ураганъ, который пронесся надъ Болгаріей и оказалъ громадное вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю жизнь княжества.

Приходится отмѣтить, что хотя Болгарія не переживала внѣшней катастрофы, тѣмъ не менѣе болгарское правительство потеряло всякій авторитетъ въ обществѣ и въ населеніи.

Большими усиліями кабинетовъ Каравелова-Данева, внутреннее и внѣшнее положеніе Болгаріи было значительно упрочено. Однако ровная и солидная политика правительства Данева въ духѣ конституціонно-народныхъ стремленій и въ добромъ со-

*) Настоящій очеркъ поступилъ въ распоряженіе Редакціи въ концѣ мая, когда очередная книжка журнала была уже сверстана. Въ виду его несомнѣннаго интереса Редакція печатаетъ очеркъ въ нынѣшней книжкѣ.

Прим. Ред.

гласіи съ Россіей оказалась не по нутру натурѣ князя Фердинанда, богатой неожиданностями и контрастами, и онъ опрокинулъ лояльный кабинетъ Данева, поручивъ управленіе страной самой непопулярной и мало вліятельной въ народѣ партіи стамбуловцевъ.

Съ ними онъ рѣшилъ на свой рискъ и независимо отъ Россіи разрѣшить македонскій вопросъ. Стамбуловцы назвали себя „неустрашимыми борцами“ а свою македонскую политику— „политикой развязанныхъ рукъ“. Однако, и то и другое оказалось мелкотравчатыми авантюрами, которыя, правда, принесли пользу стамбуловцамъ, но для Болгаріи и престижа князя Фердинанда оказались весьма плачевными.

Преимущества и заслуги стамбуловцевъ съ точки зрѣнія князя Фердинанда состоятъ въ томъ, что они болѣе прислушиваются къ его желаніямъ и интересамъ, чѣмъ къ желаніямъ и интересамъ болгарскаго народа, и второе, что они разными „стамбуловскими“ пріемами упорядочиваютъ симпатіи болгарскаго народа къ Россіи такимъ образомъ, чтобы симпатіи проявлялись по стольку, по сколько князь Фердинандъ находитъ это необходимымъ и удобнымъ.

Три—четыре года народъ переносилъ эти испытанія терпѣливо. Рядъ урожайныхъ годовъ, удовлетворяя его насущнымъ потребностямъ примирялъ его съ политическими невзгодами жизни. За это время стамбуловцы живого мѣста не оставили на государственномъ организмѣ княжества, разстроили финансы и вообще всѣ административно-судебные, выборные институты, скомпрометировали престижъ княжества въ международномъ отношеніи и довели Македонію до катастрофы, а отношенія съ Россіей до дипломатическаго разрыва. Все это уже въ прошломъ году вызвало рѣзкое недовольство въ прессѣ...

Затѣмъ броженіе началось среди народныхъ учителей, недовольныхъ чрезмѣрной фаворизаціей военныхъ и пренебреженіемъ къ ихъ матеріальному положенію. Учителя начали угрожать всеобщей стачкой въ случаѣ, если не будетъ улучшено ихъ матеріальное положеніе. Въ цѣляхъ успокоенія уволили премьера и министра иностранныхъ дѣлъ генерала Петрова, на его мѣсто назначили Станчева — дипломатическаго агента въ Петербургѣ. На генерала Петрова свалили всѣ неудачи иностранной политики, которая со Станчевымъ ударилась въ другую крайность: полная ликвидація „активной“ политики по македонскому вопросу, полная пассивность княжества, предоставленіе этого вопроса заботамъ великихъ державъ.

Турція, Сербія и Греція почуяли слабость Болгаріи, и паденіе ея престижа среди великихъ державъ. Турція начала серьезно подумывать о томъ, чтобы раздѣлаться съ Болгаріей, а сербы и греки въ Македоніи подъ покровительствомъ Турціи огнемъ и мечемъ начали обращать македонскихъ болгаръ въ сербовъ и грековъ.

Недовольство стамбуловцами съ небывалой рѣзкостью начало проявляться во всей независимой прессѣ, которая указывала какъ на главнаго виновника народныхъ несчастій княжества на самого князя. Во главѣ этой кампаніи стояла большая информаціонная газета „Балканска трибуна“, которую считаютъ легкой кавалеріей „народной партіи“. Эта партія съ самаго начала управленія стамбуловцевъ ведетъ по всѣмъ линіямъ систематическую борьбу съ правительствомъ, ведетъ ее упорно и умѣло.

Какъ политическій факторъ, народная партія — самая сильная партія: при стамбуловскомъ избирательномъ террорѣ все-таки она провела 35 депутатовъ въ народное собраніе. Стамбуловцы считаютъ ее самымъ серьезнымъ и опаснымъ своимъ противникомъ и потому употребляютъ всѣ средства, чтобы уничтожить эту партію. Послѣ смерти ея основателя и главы Стоилова, который по натурѣ былъ довольно покладистымъ, и князь Фердинандъ считаетъ эту партію вредной для Болгаріи и для себя. Антипатія князя къ народникамъ вызывается руссофильскими тенденціями ея иностранной политики и вліяніемъ въ народѣ.

Какъ актъ этой борьбы, здѣсь считаютъ возбужденіе правительствомъ противъ главы этой партіи Ивана Гешева шантажнаго процесса, чтобы отнять у него въ пользу государства полученные имъ по завѣщанію милліоны Евлогія Георгіева—болгарина, банкира въ Бухарестѣ,—на томъ основаніи, будто Евлогій Георгіевъ въ дѣйствительности завѣщалъ свои милліоны въ пользу княжества Болгаріи на просвѣтительныя цѣли, а Ивана Гешева назначилъ только исполнителемъ завѣщанія; юридически же онъ завѣщалъ милліоны Гешеву, ибо по румынскимъ законамъ завѣщанія въ пользу иностранныхъ обществъ и государствъ не дѣйствительны. Вотъ на этой почвѣ и разразилась желѣзнодорожная стачка въ Болгаріи и другія чрезвычайно важныя событія внутренняго характера.

Вообще матеріальная обезпеченность гражданскихъ чиновниковъ въ Болгаріи крайне незавидная. Сравнительно хорошо обезпечены только военные чины. Еще плачевнѣе матеріальное положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и чиновниковъ, служба

которыхъ весьма отвѣтственна и тяжела. Раньше они организовались въ „желѣзнодорожную дружбу“, которая представила правительству передъ рождественскими праздниками цѣлый рядъ требованій чисто экономическаго характера. Покойный министръ Петковъ отказалъ имъ категорически; тогда желѣзнодорожники объявили всеобщую забастовку.

Желѣзнодорожниковъ поддерживали соціалисты, студенты университета и отчасти радикалы-демократы. Правительство быстро приняло цѣлый рядъ энергическихъ мѣръ и между прочимъ провело законъ противъ чиновниковъ-забастовщиковъ, лишающій таковыхъ выслуженныхъ ими пенсій и т. п. Забастовщики находили себѣ безмолвную поддержку въ недовольствѣ общества стамбуловскимъ режимомъ; учительскія организаціи открыто оказывали имъ матеріальную поддержку. Къ этому подошло торжественное открытіе новаго народнаго театра, чему придали военно-дворцовый характеръ. При разсылкѣ приглашеній была допущена министромъ народнаго просвѣщенія Шишмановымъ безтактность. Все это создало атмосферу крайняго недовольства „личнымъ режимомъ“ князя, поддерживающаго стамбуловцевъ. Въ результатѣ студенты освистали князя, когда онъ съ дѣтьми и братомъ своимъ принцемъ Филиппомъ ѣхалъ въ каретѣ вечеромъ изъ дворца на торжественное представленіе въ театръ

Этотъ Katzenkonzert былъ подготовленъ студентами заранѣе, ими были закуплены всѣ свистки въ софійскихъ магазинахъ. Вездѣ открыто говорили о готовящейся демонстраціи, и потому передъ театромъ собралась масса народа; главными дѣйствующими лицами были студенты, желѣзнодорожные забастовщики и рабочіе. Лишь только показалась княжеская карета, демонстранты окружили ее и начали свистать въ тысячи свистковъ, и кричать: „Долу лични режимъ, долу князь Фердинандъ... у, у, у... а, а, а!...“ Князь былъ пораженъ, кареты остановились; конвойные гвардейцы тоже опѣшили и растерялись. Затѣмъ медленно кареты двинулись къ театру подъ аккомпаниментъ свистковъ. Только черезъ полъ часа прибыли войска, разогнали демонстрантовъ и очистили площади и улицы вокругъ театра и дворца.

Такъ выразилъ народъ свои чувства черезъ студентовъ князю Фердинанду за его поддержку стамбуловцевъ и управленіе послѣднихъ. Эта демонстрація произвела ошеломляющее впечатлѣніе въ дворцовыхъ и правительственныхъ кругахъ; подъ вліяніемъ раздраженія какъ первые, такъ и вторые потеряли самообладаніе, и, вопреки существующему закону объ автономіи

университета, правительство княжескимъ указомъ закрыло университетъ на полъ года и уволило всѣхъ безъ исключенія студентовъ и профессоровъ. И это случилось во время сессіи народнаго собранія, пріостановленной по поводу рождественскихъ вакацій. Казалось, всего цѣлесообразнѣе было по телеграфу созвать народныхъ представителей и закрыть университетъ легальнымъ образомъ.

Расправа съ университетомъ повлекла за собою весьма важныя послѣдствія. Профессора и студенты объявили, что они не подчинятся незаконнымъ мѣрамъ правительства и будутъ продолжать университетскія занятія; поэтому правительство заняло университетъ войсками и полиціей. Начались сходки студентовъ и забастовщиковъ, уличныя демонстраціи, которыя усмирялись войсками. Два три дня столичныя площади и улицы были ареной ожесточенныхъ схватокъ студентовъ съ кавалеріей; были и выстрѣлы, пускались въ ходъ шашки, но, кажется, убитыхъ не было, и больше было шуму.

Движеніе противъ правительства начало захватывать широкіе круги населенія, особенно въ провинціи; тамъ не ожидали указаній изъ Софіи, гдѣ въ это время шли переговоры о соединеніи всѣхъ партій для совмѣстной борьбы противъ правительства. Послѣднее старалось представить передъ Европой, что демонстрація студентовъ 3 января есть проявленіе антидинастическихъ стремленій въ обществѣ и населеніи, чтобы этимъ оправдать свое нахожденіе у власти и репрессивныя мѣры противъ общества и печати. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Въ недалекомъ прошломъ антидинастическіе перевороты слишкомъ дорого обошлись княжеству, и теперь ни у кого нѣтъ охоты повторять подобнаго рода эксперименты стамбуловцевъ; было движеніе противъ стамбуловцевъ.

Такъ закончилась первая фаза внутреннихъ событій. Черезъ нѣкоторое время раздраженіе въ дворцовыхъ и правительственныхъ кругахъ улеглось, заговорилъ голосъ разума и самосохраненія. Желѣзнодорожная забастовка между тѣмъ изъ экономической превратилась въ политическую. Дѣло кончилось тѣмъ что почти всѣ требованія забастовщиковъ были удовлетворены, и болгарскія желѣзныя дороги начали правильно функціонировать.

Правительство вначалѣ либеральничало съ интеллигенціей, кокетничало съ соціалистами и анархистами, давая послѣднимъ хорошо оплачиваемыя государственныя должности, создавало рабочее законодательство, теперь же оно начало преслѣдовать

тѣхъ же соціалистовъ и создало цѣлый рядъ ограничительныхъ законовъ о печати, о чиновническихъ организаціяхъ и т. д. Нѣтъ нужды говорить, что всѣ эти законы кореннымъ образомъ противорѣчатъ духу болгарской конституціи. Между тѣмъ умерла принцесса Клементина Кобургъ-Готская, мать князя Фердинанда. Личность этой безспорно выдающейся по уму женщины тѣсно связана съ новѣйшей исторіей Болгарскаго княжества: въ трудныя времена князя Фердинанда, особенно въ первые годы его пребыванія на болгарскомъ престолѣ, она была его главнымъ совѣтникомъ, поддерживала его, хлопотала передъ европейскими владѣтелями, съ которыми имѣетъ родственныя связи. Поэтому ея смерть вызвала временное затишье въ разбушевавшемся океанѣ политическихъ страстей; тѣмъ не менѣе атмосфера была крайне удушливая; правительство хотя видѣло массовое недовольство, но бравировало и шло напроломъ, опираясь на князя.

Въ это время нѣкій Петровъ, маньякъ и душевно больной человѣкъ, нѣсколькими выстрѣлами убилъ наповалъ министра-предсѣдателя Петкова и легко ранилъ министра Генадіева. Убійство премьера и главы стамбуловцевъ произвело потрясающее впечатлѣніе среди партіи стамбуловцевъ. Петковъ, происходившій изъ малоизвѣстной сельской семьи, почти безъ образованія, былъ талантливымъ журналистомъ и администраторомъ; благодаря обстоятельствамъ и неудержимой энергіи онъ достигъ высшихъ государственныхъ степеней въ княжествѣ; былъ долгое время соратникомъ Стамбулова и составилъ карьеру главнымъ образомъ на руссофобіи. Его смерть была особенно чувствительной потерей для князя Фердинанда. Правительство въ началѣ обвинило нѣкоторыя оппозиціонныя партіи (руссофиловъ) въ подготовленіи этого убійства. Однако, когда слѣдствіе установило, что убійца бывшій стамбулистъ,—оффиціозы замолкли.

Послѣ убійства Петкова министръ Генадіевъ, пользуясь угнетеннымъ состояніемъ стамбуловцевъ, поспѣшилъ провозгласить себя черезъ подставныхъ лицъ „шефомъ“ ихъ партіи. Однако, князь Фердинандъ не далъ премьерства новому „шефу“ партіи, а назначилъ министромъ-президентомъ предсѣдателя народнаго собранія Гудева, личность мало извѣстную въ партіи и въ обществѣ и скромную.

Настоящей причиной крутой расправы съ университетомъ была непріязнь правительства къ двумъ-тремъ профессорамъ, одни изъ которыхъ осмѣлились указать князю Фердинанду на его обязанности, какъ главы славянскаго государства, другіе критиковали дѣйствія правительства въ печати. Народное собра-

ніе легализировало разгромъ университета и разгонъ профессоровъ и студентовъ, и изданъ былъ даже новый законъ, совершенно уничтожающій „автономію“ университета и прекращающій доступъ въ университетъ женщинамъ.

Профессора и студенты повели энергичную борьбу противъ правительства, заговорила рѣзкимъ языкомъ и западно-европейская пресса. Все это начало отрезвлять стамбуловцевъ и особенно князя Фердинанда, который крайне чувствителенъ къ сужденіямъ о немъ иностранной прессы, хотя на сужденія болгарской печати не обращаетъ никакого вниманія.

Правительство начало искать средствъ поправить свою ошибку; всѣ студенты, взятые въ солдаты, были черезъ 2 недѣли переведены „въ первобытное состояніе“, какъ выразился одинъ командиръ полка въ отпускныхъ свидѣтельствахъ этихъ студентовъ. Они разъѣхались по заграничнымъ университетамъ. Болгарскіе студенты и студентки наводнили Бѣлградскій и Загребскій славянскіе университеты, которые широко открыли болгарамъ свои двери.

Князя Фердинанда безпокоило присутствіе заграницей массы озлобленныхъ болгарскихъ студентовъ, и онъ поручилъ новому министру народнаго просвѣщенія Апостолову такъ или иначе уладить университетскій кризисъ и поскорѣе открыть опять Софійскій университетъ. Министръ предложилъ уволеннымъ профессорамъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вновь поступить на службу, при чемъ согласился на всѣ требованія профессоровъ. Однако, профессора никакихъ исключеній не допустили, и переговоры объ открытіи университета на этомъ окончились.

Въ маѣ Болгарія отпраздновала тысячелѣтіе введенія въ Болгаріи царемъ Борисомъ христіанства въ качествѣ государственной религіи. Это событіе имѣетъ великое культурное значеніе для всего славянскаго міра, ибо царь Борисъ не только ввелъ оффиціально православіе въ Болгаріи и Македоніи, но и славянское богослуженіе, славянскую азбуку, чѣмъ сохранилъ болгаръ отъ латинизаціи и эллинизаціи; онъ учредилъ также автокефальную болгарскую церковь; съ его временемъ совпала просвѣтительная дѣятельность равноапостольныхъ славянскихъ просвѣтителей святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, съ которыми царь Борисъ имѣлъ личныя сношенія. Позже, когда римское духовенство начало жестоко преслѣдовать Меѳодія и его учениковъ за ихъ православіе и просвѣтительную дѣятельность среди западныхъ славянъ,—царь Борисъ милостиво принялъ изгнанныхъ славянскихъ пастырей и оказалъ имъ защиту. Ихъ ученики (св. Климентъ и др.)

много лѣтъ свободно просвѣщали македонскихъ славянъ въ духѣ православія и славянства. Память святыхъ седмочисленниковъ (Кирилла, Меѳодія и пятерыхъ ихъ учениковъ) особенно высоко и свято чтится болгарами въ княжествѣ и въ Македоніи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по мысли покойнаго государственнаго дѣятеля П. Каравелова, знаменитая въ Софіи „Черная Джамія“, бывшая прежде турецкой мечетью и медресе, а послѣ освобожденія государственной тюрьмой, въ которой между другими томился 4 года и П. Каравеловъ, заточенный за политическія убѣжденія Стамбуловымъ, — теперь реставрирована и обращена въ церковь; это лучшее архитектурное произведеніе на Балканскомъ полуостровѣ въ чисто византійскомъ стилѣ; только св. Софія въ Царьградѣ превосходитъ этотъ храмъ „Св. Седмочисленниковъ“ въ болгарской столицѣ.

Юбилейныя торжества въ Софіи и провинціи имѣли чисто народный славянскій характеръ. Офиціальная Болгарія воздержалась отъ участія въ торжествахъ; военнаго парада не было; войска совершенно не участвовали въ торжествахъ; князь Фердинандъ за два дня до праздника уѣхалъ въ Вѣну „по весьма важнымъ домашнимъ обстоятельствамъ“. Министры и другіе высшіе чины явились на торжества безъ всякаго парада.

Причинъ такому отношенію офиціальныхъ круговъ къ національному юбилею, — нѣсколько. Во первыхъ въ составѣ главной распорядительной комиссіи — были народняки — оппозиціонеры; предсѣдателемъ комиссіи былъ извѣстный славянскій дѣятель и болгарскій публицистъ проф. Ст. Бобчевъ; инициативу празднествъ взяло на себя общество публицистовъ, гдѣ также управляютъ народняки — славянофилы и руссофилы. Правительство хотѣло отложить празднованіе тысячелѣтняго юбилея на августъ мѣсяцъ, чтобы пріурочить его къ празднованію двадцатилѣтія княженія Фердинанда въ Болгаріи. Юбилейная комиссія рѣшительно воспротивилась этому...

Зато народъ принялъ самое дѣятельное и живое участіе въ культурно-славянскомъ праздникѣ, имѣвшемъ для него великое историческое и политическое значеніе. Особенный энтузіазмъ проявила провинція. Въ столицѣ народный юбилей былъ отпразднованъ 2-го февраля такъ: утромъ въ каѳедральномъ соборѣ было совершено торжественное богослуженіе при громадномъ стеченіи столичной публики; потомъ состоялось торжественное собраніе въ новомъ народномъ театрѣ, гдѣ проф. Ст. Бобчевымъ и Златарскимъ были произнесены юбилейныя рѣчи; произнесъ краткую рѣчь и министръ; послѣ полудня — торжественное всенародное шествіе по столичнымъ улицамъ, въ которомъ приняли участіе всѣ учащіеся,

ученыя корпораціи, цехи, ополченцы и македонскія братства съ траурными знаменами. Вечеромъ состоялся юбилейный спектакль въ народномъ театрѣ; читались юбилейныя оды; пѣлись юбилейные гимны; сыграна часть исторической драмы Друмева (митрополита Климента) „Иванко убійца“.

Надъ Румыніей въ мартѣ мѣсяцѣ разразилась потрясающая катастрофа въ видѣ страшной соціально-аграрной революціи, обратившей вниманіе всего цивилизованнаго міра на это королевство.

Румынія—сосѣднее Россіи государство; поэтому происшедшая тамъ крестьянская революція особенно сильно заинтересовала русское общество и русскую прессу. Революція эта началась въ Молдавіи будто бы противъ евреевъ-арендаторовъ и въ началѣ не была такъ жестока, потомъ быстрымъ пожаромъ распространилась и по всей Валахіи, въ неслыханныхъ по жестокости формахъ. Историческія судьбы Румыніи создали глубокую пропасть между высшимъ сословіемъ богатыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ румынскихъ бояръ, происходящихъ отъ выходцевъ разныхъ народовъ (румынъ, грековъ, болгаръ, русскихъ, поляковъ, мадьяръ, евреевъ, армянъ и т. под.) и потому брезгавшихъ всѣмъ „своимъ“ румынскимъ, презирающихъ свой простой народъ (ихъ немного—три-четыре тыс.) и милліонами остальныхъ крестьянъ, чисто румынскаго происхожденія. Дѣтски наивные и покорные, юридически свободные, фактически они буквально были рабами крупныхъ аграріевъ—бояръ. Послѣдніе даютъ имъ земли на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что, какъ бы ни былъ богатъ урожай, плодами его пользуется помѣщикъ, а крестьянинъ — земледѣлецъ умираетъ съ голоду.

Эта небольшая группа землевладѣльцевъ держитъ фактически въ своихъ рукахъ и государственно-законодательную власть—парламентъ и сенатъ и потому не допускаетъ никакихъ реформъ въ области аграрно-соціальныхъ отношеній, хотя крестьяне давно уже протестуютъ, требуя сносныхъ условій аренды, требуя надѣленія землей. Но землевладѣльцы, политическіе олигархи въ странѣ, противились этому, усмиряя крестьянскіе бунты и недовольства то репрессіями, то обѣщаніями, которыхъ послѣ не исполняли. Князь Куза потерялъ престолъ Молдавіи и Валахіи только потому, что попытался ввести серьезныя аграрныя реформы, чтобы облегчить участь милліоновъ страдальцевъ крестьянъ.

Король Карлъ Гогенцоллернъ изъ Прусскаго дома былъ избранъ на престолъ румынскими боярами-помѣщиками подъ условіемъ сохраненія ихъ привилегій, и дѣйствительно за 40 лѣтъ своего управленія Румыніей король Карлъ вполнѣ оправдалъ на

дежды бояръ: съ одной стороны онъ, опираясь на Пруссію, вытравливалъ симпатіи румынскаго народа къ Россіи, культивируя приверженность къ тройственному союзу; съ другой стороны своимъ авторитетомъ до послѣдняго времени онъ поддерживалъ средневѣковый соціально-аграрный строй въ своемъ королевствѣ. Въ этомъ—трагизмъ румынскаго государства.

Это возстаніе потомъ обратилось противъ всѣхъ помѣщиковъ арендаторовъ: румынъ, грековъ, болгаръ. Формы проявленія возстанія ужасны: жгли, грабили, уничтожали всѣ помѣщичьи экономіи; помѣщиковъ, арендаторовъ, служащихъ убивали, истязали. Тогда консервативный кабинетъ Кантакузина и новое либеральное правительство Стурдзы пустило въ ходъ скорострѣльную артиллерію.

Румыны съ трогательной заботливостью скрываютъ свои внутреннія язвы, свое внутреннее положеніе отъ иностранцевъ, стараясь представить казовую сторону своей культуры. Поэтому были приняты чрезвычайныя мѣры противъ иностранныхъ корреспондентовъ, телеграфныя свѣдѣнія которыхъ изъ Румыніи подвергались строжайшей цензурѣ. Румыны любятъ кичиться своимъ прогрессомъ. Нужно было видѣть, съ какимъ злорадствомъ они относились къ несчастіямъ Россіи въ японскую войну и потомъ по поводу революціи. Вообще румынская знать (придворные круги, помѣщики, интеллигенція) питаютъ страшную ненависть къ Россіи и къ славянству. На каждомъ шагу румынамъ мерещатся русскіе военные шпіоны, русскіе подстрекатели ихъ крестьяне де никогда бы не рѣшились бунтовать, если бы не русскіе агенты—провокаторы подъ видомъ офеней и коноваловъ ихъ не подстрекали къ этому.

Что сказать затѣмъ о Македоніи?... развѣ только то, что она продолжаетъ стонать подъ турецкимъ игомъ, раздираемая еще междоусобной войной христіанскихъ народностей. Хильми-Паша отлично использовалъ международное положеніе великихъ державъ, ихъ взаимный антагонизмъ и русско-японскую войну для разгрома болгарскаго населенія въ Македоніи и укрѣпленія въ Европѣ турецкаго владычества. Реформы прозябаютъ; объ европейскихъ агентахъ тамъ даже перестали говорить. Внутренняя организація теперь крайне далека отъ какихъ бы то ни было возстаній. Македонская эмиграція съ трепетомъ ожидаетъ теперь помощи великихъ державъ; надежды на помощь со стороны Болгаріи испарились.

Эмигранты представили многимъ европейскимъ государямъ меморандумы, въ которыхъ умоляютъ о своей судьбѣ, просятъ поднять македонскій вопросъ на конференціи въ Гаагѣ. Первый

меморандумъ былъ посланъ англійскому премьеру Кампенъ-Банерману. Содержаніе этого документа глубоко поучительно и заслуживаетъ быть обнародованнымъ. Роли между Болгаріей и Турціей теперь перемѣнились: прежде Болгарія наступала на Турцію, хотя и въ роли Крыловской моськи, а теперь Турція начала насѣдать на Болгарію, которая выражаетъ самыя миролюбивыя намѣренія и стремленія къ своему „сюзерену".

Въ руководящихъ кругахъ Болгаріи начали серьезно выражаться опасенія по поводу проявленія Турціей активной политики противъ княжества. Послѣднія мѣропріятія Турціи военнаго характера, увеличеніе состава войскъ въ Адріанопольскомъ вилайетѣ, проектированіе новыхъ стратегическихъ линій для быстраго перевоза войскъ изъ Азіи въ Европу, подозрительныя поѣздки перваго турецкаго дипломата Мунир Паши (Парижскаго посланника) въ Царьградъ, и Бухарестъ, и Бѣлградъ,—все это серьезно поддерживаетъ въ Софіи опасенія, что Турція стремится создать изъ Греціи, Сербіи и Румыніи союзъ, такимъ образомъ, чтобы всѣ эти государства охраняли нейтралитетъ въ случаѣ, если для Турціи явится удобный моментъ проучить Болгарію. Упомянутый нами меморандумъ сласитъ слѣдующее:

Sir!— мы, македонцы, живущіе въ Болгаріи, чьи тѣла въ изгнаніи, но чьи сердца на родинѣ, рѣшились просить васъ обратить серьезное вниманіе на несчастное положеніе близкихъ намъ людей, живущихъ въ странѣ, болѣе одаренной благами природы, чѣмъ та, въ которой живемъ мы въ изгнаніи.

Мы обращаемся къ вамъ, Sir, какъ къ государственному дѣятелю, имя котораго будетъ передано будущимъ поколѣніямъ какъ священное. Мы обращаемся къ вамъ, ибо вы дали понять всему міру своей политикой въ южной Африкѣ, что вѣрите въ возвышающую силу самоуправленія.

Но мы апеллируемъ къ вамъ, Sir, еще и по другимъ болѣе важнымъ причинамъ. Въ 1877—8 г. нашъ Великій Освободитель, Александръ II, русскій царь, тронутый ужасными муками христіанъ подъ турецкимъ игомъ, силою оружія принудилъ турокъ дать свободу всѣмъ христіанамъ до воротъ Царьграда.

Вы, Sir, управляете націей, которая была главной виновницей возвращенія христіанъ Македоніи и Адріанопольскаго вилайета опять подъ турецкое иго. Мы далеки отъ мысли обвинять васъ, какъ націю, ибо мы не можемъ забыть, сколь многимъ мы обязаны поддержкѣ В. Гладстона, имя котораго запечатлѣно въ сердцѣ каждаго христіанина на Востокѣ; мы только желаемъ, Sir, обратить ваше вниманіе на обязанность, лежащую на васъ, какъ на націи, дѣйствія которой направлялись вашимъ предста-

вителемъ лордомъ Биконсфильдомъ на Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году.

Вы, какъ нація, тогда гарантировали намъ, что турецкое правительство, подъ иго котораго тогда насъ отдали на Берлинскомъ конгрессѣ, будетъ относиться съ извѣстнымъ уваженіемъ къ религіозному и правовому положенію управляемыхъ, имъ—христіанъ.

Мы желаемъ, Sir, обратить ваше вниманіе на п.п. 23 и 62 Берлинскаго трактата и просимъ васъ посмотрѣть, что сдѣлано за истекшія 30 лѣтъ въ исполненіе предусмотрѣнныхъ и гарантированныхъ п. 23 реформъ...

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года болгарскій экзархъ въ Царьградѣ представилъ великому визирю меморандумъ (такриръ). Не получивъ никакого удовлетворенія, экзархъ недавно опубликовалъ копію этого меморандума, которую имѣемъ честь представить вамъ при семъ. Во имя этого документа, мы просимъ васъ также убѣдиться, насколько исполнены гарантіи, предусмотрѣнныя п. 62 относительно болгарской церкви. Совмѣстимо ли съ п. 62 закрытіе силой болгарскихъ церквей и училищъ; совмѣстимо ли съ приведенными выше гарантіями принужденіе силой признать ту или иную церковь, въ которой совершается служба на языкѣ непонятномъ молящимся?

Ваша нація была самой дѣятельной державой въ 1878 году, которая замѣнила С. Стефанскій договоръ Берлинскимъ трактатомъ; мы теперь апеллируемъ къ вамъ, чтобы вы и теперь были самыми активными требователями исполненія пунктовъ этого трактата. П. 23 обѣщалъ намъ такія же реформы, какъ и критянамъ. Въ послѣднемъ случаѣ вы были принуждены настаивать на исполненіи этихъ реформъ, и о. Критъ получилъ автономію. Мы умоляемъ поступить такимъ же образомъ и по отношенію къ Македоніи и Адріанопольскому вилаету. Мы не меньше ожидали и не меньше страдали, нежели критяне.

Вы гарантировали цѣлость Турецкой имперіи. Пусть будетъ такъ, исполните ваши гарантіи, но не допускайте, чтобы ваши дѣйствія влекли за собою жестокія мученія нѣкоего христіанскаго народа. Мы желаемъ для Македоніи и Адріанопольскаго вилаета автономіи съ генералъ-губернаторомъ христіаниномъ. Мы знаемъ, Sir, что вы глубоко вѣрите въ благотворность самоуправленія, и потому убѣдительно просимъ васъ со всей энергіей изложить эти благородные взгляды правительству въ Царьградѣ.

Въ настоящее время Македонія сохраняетъ миръ, въ томъ смыслѣ, что тамъ не существуетъ революціонныхъ движеній противъ правительства; это главнымъ образомъ потому, что ве-

ликія державы и особенно Великобританія настоятельно совѣтовали намъ воздерживаться отъ революціонныхъ мѣръ. Болгары въ Македоніи—безоружены, другія народности—нѣтъ. Предположенныя реформы не уменьшили страданій нашего народа. Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что рано или поздно Македонія должна быть раздѣлена между маленькими сосѣдними балканскими государствами; это побуждаетъ грековъ неустанно работать, чтобы эллинизировать сколь возможно большую часть Македоніи; Сербія также стремится распространить свое вліяніе; оба государства дѣлаютъ это съ цѣлью предъявить претензіи, когда настанетъ удобный моментъ для дѣлежа—и все это въ ущербъ безоружной болгарской народности. Это происходитъ съ согласія и нерѣдко даже при содѣйствіи турецкихъ войскъ.

Наша политика—это „Македонія для македонцевъ", какой бы народности они ни были: турки, болгары, греки или сербы. Мы вѣримъ, что только подобная политика, т. е. автономія Македоніи и Адріанопольскаго вилаета можетъ обезпечить постоянный миръ и развитіе нашей родины. Мы также убѣждены, что только такой политикой вы, какъ нація, можете обезпечить желаемую вами цѣлость Турецкой имперіи.

Иные, Sir, не вѣрятъ въ возможность совмѣстной работы грековъ, сербовъ и болгаръ для преуспѣянія ихъ общаго отечества; но, Sir, ваши противники были того же мнѣнія относительно Трансвааля. Тамъ вы показали вашу вѣру въ принципъ самоуправленія, и результаты достаточно оправдали вашу вѣру и вашу смѣлость, ибо мы читаемъ, что буры и британцы вмѣстѣ рука объ руку работаютъ надъ созданіемъ одного общаго самоуправленія.

Мы также вѣримъ, что если великія державы настоятъ на автономіи Македоніи и Адріанопольскаго вилаета съ конституціоннымъ управленіемъ и христіанинномъ генералъ-губернаторомъ и въ тоже время дадутъ понять ясно и просто, что никакой державѣ, великой или малой, не будетъ позволено присоединеніе какой бы то ни было части территоріи, такимъ образомъ управляемой,—всѣ спорящія народности въ весьма короткое время искренно соединятся и устремятъ свои силы къ развитію и интересамъ ихъ общаго отечества.

Мы сказали, Sir, что въ настоящее время въ Македоніи—миръ, но страданія нашихъ соотечественниковъ слишкомъ велики, чтобы ихъ можно было долѣе переносить. При такихъ условіяхъ неизбѣжно приближается моментъ, когда лучше будетъ встрѣтить смерть, чѣмъ переносить позорное рабство.

К. Бербенко.

† Георгій Бранковичъ.

(1830—1907).

17-го іюля въ Срѣмскихъ Карловцахъ скончался архіепископъ карловацкій, митрополитъ и патріархъ сербскій, Георгій Бранковичъ. Б. родился 13-го марта 1830 г. въ Бачкѣ (южной Венгріи); въ 1859 г. онъ получилъ санъ священника, а въ 1882 г. былъ избранъ епископомъ темишварскимъ. Съ 1861—1879 г. Георгій Бранковичъ состоялъ безсмѣннымъ депутатомъ сомборскаго округа на сербскомъ церковномъ соборѣ, а въ 1890 г., послѣ смерти патріарха Германа Анджелича, соборъ избралъ Бранковича патріархомъ сербской православной церкви въ „земляхъ короны св. Стефана". Состоя въ теченіе 30 лѣтъ постояннымъ членомъ церковнаго собора, покойный отлично былъ освѣдомленъ о положеніи сербской православной церкви въ Венгріи, хорошо зналъ сербскихъ священниковъ и не мало содѣйствовалъ улучшенію ихъ быта и экономическому росту сербской церковной общины. Необычайно способный, подвижный, вполнѣ интеллигентный и не лишенный творческихъ способностей, Г. Бранковичъ былъ рѣдкимъ явленіемъ среди сербскаго духовенства, вообще не отличающагося высокимъ умственнымъ уровнемъ; умѣя ладить съ Будапештомъ и Вѣной, онъ всегда удачно парализовалъ чьи бы то ни было попытки уничтожить или по крайней мѣрѣ ослабить автономную церковь и школьную общину австрійскихъ сербовъ.

Въ теченіе 17-ти лѣтъ пребыванія Бранковича на патріаршемъ престолѣ ему пришлось вести упорную борьбу съ радикальной сербской партіей (органъ—новосадская „Застава"), которая съ давнихъ поръ домогалась преобладанія свѣтскаго элемента въ церковныхъ дѣлахъ. На послѣднемъ церковномъ соборѣ въ Карловцахъ, радикалы, пользуясь преобладающимъ числомъ своихъ голосовъ, возбудили противъ престарѣлаго патріарха обвиненіе въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, допущенныхъ, будто-бы, въ бытность его темишварскимъ епископомъ. Борьбу и личные счеты перенесли изъ стѣнъ сербскаго церковнаго собора въ венгерскій сеймъ, выразившій патріарху недовѣріе и назначившій особую комиссію для разслѣдованія дѣла. Бранковичъ опротестовалъ заключеніе сейма и потребовалъ суда для возстановленія своей чести, но не дождался его, скоропостижно скончавшись отъ зараженія крови, происшедшаго отъ воспалительнаго про-

цесса давнишней, плохо залѣченной раны на ногѣ. Жестокая травля, которую вела въ послѣднее время противъ патріарха Бранковича радикальная газета „Застава“, мало понятна вообще и ничѣмъ не можетъ быть оправдана именно тамъ, гдѣ всѣ силы должны быть направлены на сохраненіе единства и согласія для защиты національныхъ и церковныхъ интересовъ. Совершенно понятно, почему сталъ на сторону радикаловъ и противъ патріарха венгерскій сеймъ: покойный Бранковичъ всегда былъ политическимъ сторонникомъ мадьярской либеральной партіи и врагомъ стоящей нынѣ у власти мадьярской коалиціонной партіи,—но непонятно было непомѣрное и несправедливое злобствованіе противъ него одноплеменниковъ и единовѣрцевъ. Посягнуть на главу сербской православной церкви въ Австро-Венгріи никому, однако, не удалось, такъ какъ покойный пользовался особымъ расположеніемъ императора Франца-Іосифа.

Георгій Бранковичъ былъ прекраснымъ и доступнымъ простому люду проповѣдникомъ, любилъ церковное пѣніе и торжественное богослуженіе и много содѣйствовалъ внѣшнему благолѣпію и благочинію сербскихъ церквей и монастырей въ такъ называемой Фрушкой Горѣ. Обладая значительными личными средствами, Бранковичъ всячески содѣйствовалъ процвѣтанію сербской школы въ Венгріи и улучшенію быта народныхъ учителей: въ этомъ ему не могутъ отказать даже его враги. Несомнѣнно, имя патріарха Георгія Бранковича и его дѣятельность составляютъ свѣтлую страничку въ исторіи сербской автономной церкви и церковно-школьной общины въ Австро-Венгріи *).

Въ одно изъ своихъ путешествій по славянскимъ землямъ (въ 1896 году) я между прочимъ побывалъ и у сербскаго патріарха въ Карловцахъ; объ этомъ посѣщеніи сохранилась у меня въ записной книжкѣ небольшая замѣтка, которую считаю не лишнимъ процитировать здѣсь:

„Патріархъ, Георгій Бранковичъ, живетъ на церковномъ дворѣ въ особомъ зданіи,— патріаршемъ дворцѣ. Названіе въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ предмету. Болѣе роскошнаго помѣщенія для представителя главы церковной іерархіи и придумать трудно.

Мы поднялись по мраморной лѣстницѣ. Слуга взялъ наши визитныя карточки и скрылся. Черезъ нѣсколько секундъ онъ возвратился, приглашая насъ войти.

---

*) Обзоръ полувѣковой дѣятельности покойнаго читатель можетъ найти въ книгѣ Магарашевича „50 година негове светлости Г. Бранковича У Ср. Карловцима 1905“.

Мы вошли въ большую комнату, богато и не по-монашески убранную. Прежде всего, бросался въ глаза висѣвшій на стѣнѣ, довольно низко, образъ русской работы. На встрѣчу намъ поднялся высокій старикъ, почти совсѣмъ уже сѣдой. Рослая фигура, открытый широкій лобъ, орлиный носъ и умные, выразительные глаза придавали всей фигурѣ патріарха величавый видъ. „Патріархъ настоящій“! подумалъ я, подходя подъ благословеніе.

Первыя слова патріарха, обращенныя ко мнѣ, были: всѣ-ли русскіе такіе, какъ вы: плав, као шваба (бѣлокуръ, точно нѣмецъ)?

Быстро завязался разговоръ. На вопросъ, какъ относится правительство къ православному духовенству, патріархъ въ краткихъ чертахъ обрисовалъ положеніе сербской православной церкви въ Австро-Венгріи. Церковь автокефальна. Паства составляетъ автономную церковно-школьную общину. Всѣ церковные вопросы подлежатъ обсужденію и рѣшенію на соборахъ. Правительство не стѣсняетъ автономную жизнь сербовъ, но до извѣстныхъ, какъ выражаются, „законныхъ“ границъ, налагая, въ случаѣ перехода этихъ границъ, свой запретъ.

Говоря о своемъ положеніи, патріархъ съ горечью замѣтилъ:

— Живется крайне тяжело! Какое-то неопредѣленное положеніе: приходится удерживать равновѣсіе, не раздражая правительства и отстаивая интересы паствы. Въ особенности тяжело стало въ послѣднее время. Вотъ вамъ примѣръ. Завтра предстоитъ хиротонія епископа. Я предложилъ предварительно въ Вѣнѣ своего кандидата, человѣка умнаго, ученаго и кромѣ того доброг србина. А мнѣ на это отвѣчали: оставьте его себѣ: намъ такихъ не надо! — и въ свою очередь предложили кандидата совсѣмъ въ другомъ родѣ *). Что будешь дѣлать!...

Я полюбопытствовалъ, откуда у него русскій образъ.

— Я самъ въ Россіи не былъ, по-русски не знаю и даже мало понимаю. Образъ-же этотъ прислалъ мнѣ митрополитъ Михаилъ (сербскій): онъ привезъ его съ собою изъ Россіи.

Получивъ разрѣшеніе осмотрѣть библіотеку, о богатствахъ которой уже раньше слышалъ, я откланялся...“ **).

В. К-въ.

---

*) Рѣчь шла о епископѣ Змеяновичѣ, кажется, ближайшемъ нынѣ кандидатѣ на патріаршій престолъ.

**) Печаталось въ „Русскомъ Трудѣ“ за 1897 г. „Черезъ Фрушку гору въ Боснію. Путевыя впечатлѣнія“.

† А. А. Кочубинскій.

Умираютъ старые слависты... Остаются изъ нихъ немногіе, тѣмъ болѣе намъ дорогіе... Нынѣшнимъ лѣтомъ скончался, на 62 году жизни, профессоръ славяновѣдѣнія въ Новороссійскомъ Университетѣ Александръ Александровичъ Кочубинскій.

Первымъ серьезнымъ трудомъ покойнаго была магистерская диссертація: „Братья Подобои и чешскіе католики въ XVII в." (Одесса 1873 г.). Не смотря на то, что избранная для изслѣдованія эпоха далеко отстоитъ отъ нашей современности, однако авторъ руководился не одними строго научными интересами, а былъ проникнутъ живымъ исканіемъ той нравственной силы, которая составляетъ отличительную черту извѣстной группы славянства и даетъ ей право на почетное мѣсто въ исторіи культурнаго человѣчества. „Свобода религіозной мысли была искони для чеха тѣмъ желаннымъ идеаломъ, за который онъ шелъ свободно и на костеръ" (изъ предисловія къ книгѣ). И реформа Гуса, и „братская община" XVII в., и вырожденіе чеховъ въ XIX в.—проникнуты одной гуманностью, одной цѣлью: „быть людьми, созданіемъ разумнымъ" (Коменскій). И каждый моментъ въ этой исторіи, а слѣдовательно, и борьба „братской общины" и чешскихъ лютеранъ съ іезуитами въ XVII в., представляетъ современный интересъ.

Мы пропускаемъ далѣе цѣлый рядъ филологическихъ трудовъ покойнаго, изъ которыхъ одинъ послужилъ даже диссертаціей на степень доктора славянской филологіи: „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій" (Одесса 1877 т. I. 1878 т. II).

Славянскія сочувствія, не безъ романтическаго оттѣнка, побуждали автора къ выясненію вопроса о славянской взаимности въ прошломъ и настоящемъ. Въ прекрасной до сего времени книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія" (Одесса 1887—1888) Кочубинскій разсказываетъ исторію возникновенія славянскихъ студій въ Россіи, рисуетъ, „съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и благодарностью", главныхъ и вторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, ихъ славянскія стремленія, заботы и работы. Въ

сборникѣ статей подъ заглавіемъ: „Мы и Они“ (1711—1878) тотъ же вопросъ о Россіи и славянствѣ, но въ расширенномъ видѣ и доведенный до послѣднихъ дней.

Изъ богатой сокровищницы своихъ научныхъ знаній и изъ личныхъ впечатлѣній отъ путешествія по славянскимъ землямъ Кочубинскій черпаетъ иллюстраціи для своей главной мысли о необходимости славянской взаимности на почвѣ единенія духа. Славянамъ, по мнѣнію автора, недостаетъ „разумѣнія и самоотверженія“. Къ восполненію этого недостатка авторъ всегда приглашалъ славянъ и особенно насъ, русскихъ: „воспитаемъ въ себѣ чувство безграничной, безотвѣтной любви къ своей землѣ, искусимъ въ жизни, что значитъ жизнь“.

Въ этомъ завѣтъ покойнаго живымъ.

Л—чъ.

Хроника.

= Въ изданной англійскимъ правительствомъ „бѣлой книгѣ“ по македонскому вопросу опубликованы англійскимъ делегатомъ при македонской финансовой коммиссіи Гервеемъ (Harvey) интересныя данныя о количествѣ и характерѣ податей, уплачиваемыхъ христіанскимъ населеніемъ Македоніи. Всѣ подати подраздѣляются на пять категорій: 1) налогъ на имущество, 2) личныя подати, 3) налогъ на домашнихъ животныхъ, 4) десятина и 5) мелкія подати. Подать съ имущества (емлякъ вергиси), взимаемая въ размѣрѣ 4 — 10% съ суммы, въ которую оцѣнена движимая и недвижимая собственность, приноситъ ежегодно 250.000 тур. фунтовъ. При отсутствіи правильной кадастровой оцѣнки и регистраціи имущества, подать эта создаетъ не малыя затрудненія какъ для населенія, такъ и для правительства: въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ ни расцѣнки имущества, ни регистраціи его не производилось, и при собираніи имущественнаго налога чиновники руководствуются устарѣлыми свѣдѣніями, что значительно отзывается на доходахъ самого правительства. Личныя подати складываются изъ профессіональнаго, военнаго и личнаго налоговъ. Профессіональный налогъ или налогъ на занятія (темету) взимается съ лицъ, занимающихся торговлей, промышленностью, ремеслами и т. д., въ размѣрѣ 5% съ суммы дохода. Отъ уплаты этого налога уклоняется ежегодно громадное количество лицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста жительства (разносчики, носильщики и т. д.). Военный налогъ (беделі аскери) взимается съ христіанскаго населенія Македоніи, которое освобождается отъ воинской повинности, но за то обязано уплачивать довольно крупную сумму. Военный налогъ взимается съ каждой общины по числу лицъ мужского пола, причемъ изъ этого числа вовсе не исключаются старики, дѣти и калѣки. Налогъ этотъ даетъ ежегодно 300.000 тур. фунтовъ. Личный налогъ (шахси), введенный лишь въ нынѣшнемъ году, взимается съ торговцевъ, промышленниковъ, землевладѣльцевъ, бан-

ковъ и чиновниковъ. Наиболѣе существеннымъ и наиболѣе вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ налогомъ является такъ называемая десятина, т. е. собираніе въ пользу правительства десятой доли со всякой жатвы, что даетъ въ годъ до 600.000 тур. фунтовъ. Не менѣе тяжелымъ бременемъ ложится на земледѣльческое и пастушеское населеніе Македоніи налогъ на живность и на скотъ (на овецъ, свиней, лошадей, коровъ и вообще рогатый скотъ). Существуютъ, кромѣ того, и другіе налоги и подати: такъ называемая дорожная повинность (ангарія), взносы въ фондъ на военныя сооруженія, налогъ на соль, на табакъ, на спиртные напитки, на рыбную ловлю, гербовый сборъ и т. д. и т. п. Если къ этому прибавить еще тѣ „добровольные“ налоги, которые платитъ населеніе Македоніи священникамъ, учителямъ и различнымъ комитетамъ, то станутъ понятны постоянныя жалобы христіанъ, населяющихъ Монастырскій, Косовскій и Солунскій вилаейты, и совершенное безсиліе международной финансовой коммиссіи улучшить экономическое положеніе страны.

= Прусскій „статистическій ежегодникъ“ опубликовалъ недавно свѣдѣнія о количествѣ польскаго населенія въ предѣлахъ Пруссіи. Согласно этимъ даннымъ, число поляковъ въ прусскомъ королевствѣ въ 1905 г. достигало 3.646.446 челов. Въ 1890 г. поляковъ въ Пруссіи было 2.978.000, а въ 1900 г. 3.394.000; такимъ образомъ за 10 лѣтъ польское населеніе Пруссіи увеличилось на 416.000 душъ, т. е. приблизительно на 14%, а за 5 лѣтъ (съ 1900—1905 г.) на 321.000, т. е. на 9,5%. Приростъ польскаго элемента въ Пруссіи значительно превышаетъ приростъ нѣмецкаго населенія: такъ въ 1900 г. поляки составляли 9,59% всего населенія, а въ 1905 г. уже 9,78%. Рождаемость среди прусскихъ поляковъ превышаетъ смертность и значительно большая, нежели въ собственно нѣмецкихъ областяхъ: такъ среди нѣмцевъ рождаемость на 7,6% выше смертности, а въ Познани на 9,8%.

= Въ Босніи и Герцеговинѣ организовалась новая сербская партія „српска народна самостална странка у Босни и Херцеговини“, которая внесла въ свою программу слѣдующія положенія: 1) сербы и хорваты—одинъ народъ; 2) Боснія—боснякамъ; 3) политическое положеніе Босніи и Герцеговины можетъ быть разрѣшено только при помощи народнаго плебисцита; 4) оккупаціонное правительство должно возможно скорѣе созвать мѣстный соборъ (сеймъ) при условіи общаго голосованія и поручить управленіе Боснією и Герцеговиной лицамъ, отвѣтственнымъ передъ

соборомъ (сеймомъ) и избраннымъ изъ парламентскаго большинства. Любопытно, что нѣкоторыя газеты въ королевствѣ Сербскомъ недружелюбно отнеслись къ вновь возникшей партіи въ виду ея девиза объ объединеніи сербовъ и хорватовъ, не допуская, повидимому, въ своемъ шовинистическомъ ослѣпленіи, даже возможности подобной политической комбинаціи.

= Согласно даннымъ австрійской статистики, населеніе Босніи и Герцеговины съ 1895 по 1904 г. увеличилось съ 1.568.092 до 1.721.720 душъ, что составляетъ 10,87% годичнаго прироста. Въ теченіе 1904 г. населеніе оккупированныхъ провинцій увеличилось на 19.179 душъ, которыя по вѣроисповѣданіямъ дѣлятся такъ: православныхъ—10.736 (55,90%), католиковъ—4.091 (21,33%), мусульманъ—3.871 (20,18%), евреевъ—267 (1,38%) и остальныхъ вѣроисповѣданій—214 (1,21%). Между тѣмъ въ 1895 г. мусульмане составляли 35% всего населенія, православные 43% и католики 21%. Такимъ образомъ наибольшій ростъ замѣчается среди православнаго населенія оккупированныхъ провинцій.

= Словенцевъ по послѣднимъ статистическимъ даннымъ числится: въ Штиріи—500.000, въ Крайнѣ—480.000, въ Каринтіи—150.000 и въ Приморьѣ—208.000 (всего 1.338.000). Изъ этого числа среднія школы посѣщаетъ: въ Крайнѣ — 2.100, въ Штиріи — 660, въ Каринтіи — 136 и въ Приморьѣ — 750; всего — 3.650. Въ тѣхъ же земляхъ изъ общаго числа нѣмецкаго населенія въ 1.250.000 среднюю школу посѣщаетъ 5.750 челов., т. е. на 2.100 болѣе, нежели словенцевъ.

= Для мадьяризаціи Словачины существуетъ, наряду съ другими учрежденіями, также общество „Felvideki magyar közmüvelödesi egyesület“ (т. е. общество просвѣщенія для верхнихъ венгровъ), сокращенно называемое „Femka“. Къ счастью и къ чести словаковъ дѣятельность „Фемки“ мало-по-малу падаетъ: въ прежнее время она имѣла 60 дѣтскихъ пріютовъ; нынѣ число ихъ уменьшилось до 36; въ распоряженіи Фемки находится также 107 народныхъ читаленъ, которыя однако большого вліянія не оказываютъ. Членовъ общество насчитываетъ 7.437, но половина изъ нихъ не дѣлаетъ членскихъ взносовъ. Капиталъ общества составляетъ 262.411 кронъ, которыя съ каждымъ годомъ таютъ.

= Въ іюнѣ мѣсяцѣ т. г. состоялся въ Прагѣ „слетъ славянскихъ соколовъ“, превзошедшій по числу участниковъ всѣ

предшествовавшіе слеты. Къ величайшему своему позору польскіе соколы, обуреваемые фанатической враждой къ славянству и ослѣпленные польской мегаломаніей, не принимали участія въ этой могучей всеславянской демонстраціи. Но „славянскіе соколы“ отлично доказали, что они могутъ обойтись и безъ поляковъ. Подробности о послѣднемъ сокольскомъ слетѣ читатели „Сл. Извѣстій“ найдутъ въ спеціальномъ очеркѣ, который будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Извѣстій“.

= Въ Америкѣ основанъ союзъ всѣхъ словацкихъ обществъ Соединенныхъ Штатовъ, подъ названіемъ „Словацкая лига“. Союзъ насчитываетъ въ настоящее время 7.000 членовъ и располагаетъ капиталомъ въ 10.000 доларовъ.

= Органъ краковскаго славянскаго клуба, непомѣрно клерикальный „Swiat Słowiański“ съ особой гордостью отмѣчаетъ, что извѣстный хорватскій публицистъ Степанъ Радичъ, который увлекался славянофильствомъ, перешелъ окончательно въ польскій лагерь и сдѣлался польскимъ „zvolennikiem“. Поздравляемъ г. Радича съ побѣдой надъ польскимъ сердцами, но отнюдь не склонны думать, что перебѣжничество въ лагерь польскихъ шовинистовъ вплететъ новый лавръ въ его вѣнокъ.

= Въ Бѣлградѣ сербы отпраздновали тридцатилѣтній юбилей писателя и публициста Драгутина Илича (род. въ 1858 г.), брата поэта-лирика Воислава Илича. Изъ драматическихъ произведеній Др. Илича, весьма плодотворнаго, но въ общемъ слабаго писателя, назовемъ слѣдующія: „Вукашин“, „Прибислав и Божана“, „За веру и слободу“, „Женидба Милоша Обилича“. Въ 1884 г. Др. Иличъ издалъ томикъ своихъ стихотвореній „Песме“; изъ беллетристическихъ произведеній юбиляра извѣстны „Светле слике“.

= Князь Николай Черногорскій перешелъ въ послѣднее время на беллетристику. Онъ приготовилъ къ печати повѣсть изъ прошлаго Черногоріи подъ названіемъ „Деспа“, сюжетъ которой заимствованъ изъ эпохи правленія послѣднихъ Балшичей.

= Бывшій преподаватель Софійскаго университета Іорданъ Ивановъ готовитъ цѣнную работу подъ названіемъ „Светогорски старини“. Изучая на Аѳонѣ въ болгарскомъ монастырѣ Зографѣ хранящіяся тамъ старинныя рукописи и книги, г. Ива-

новъ натолкнулся на рядъ памятниковъ, доселѣ мало обслѣдованныхъ. Изданію этихъ памятниковъ и соотвѣтствующему объясненію и будетъ посвящена книга г. Иванова. Въ греческой рукописи г. Иванову посчастливилось открыть славянскую запись кирилловскими письменами, которую онъ относитъ къ 980 году; найдены также: 1) славянское житіе ученика Климента Наума съ чрезвычайно интересными подробностями, 2) два новыхъ славянскихъ списка сказанія черноризца Храбра „о писменѣхъ“ (въ Зографѣ и въ Хиланадрѣ); 3) служба св. Петра, царя болгарскаго, сына Симеона Великаго (XIII в. на пергаментѣ) и 4) старѣйшій списокъ службы св. Ив. Рыльскаго (XIII ст.). Ученый міръ съ нетерпѣніемъ будетъ ждать опубликованія цѣнной работы г. Иванова. Болгарскій ученый Г. Баласчевъ, имѣвшій случай бесѣдовать съ г. Ивановымъ объ его открытіяхъ, придаетъ имъ огромную важность.

= Въ Абаціи въ іюнѣ мѣсяцѣ т. г. скоропостижно скончался добро-боснійскій митрополитъ Николай Мандичъ. Родомъ покойный былъ изъ Лики (въ Венгерской Сербіи) и долгое время являлся представителемъ сербскаго населенія на церковныхъ соборахъ. Въ 1892 г. Мандичъ былъ назначенъ митрополитомъ (архіепископомъ) въ Д. Тузлѣ, а въ 1906 г. переведенъ въ Сараево на ту же каѳедру. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ сербовъ въ оккупированныхъ провинціяхъ, которые, въ ущербъ своему народу, ведутъ двойную политику въ странѣ, стараясь всячески поддѣлаться подъ тонъ оккупаціоннаго правительства.

= Въ Загребѣ умеръ хорватскій писатель и публицистъ Иванъ Захаръ (Ivan Zahar, род. 1845 г.). Въ 1880 г. былъ изданъ сборникъ его стихотвореній; свои беллетристическія произведенія Захаръ печаталъ въ журналѣ „Vienac“ и въ газетѣ „Obzor“; выдающіяся изъ нихъ: Branimir, Sestrin grob, Seljanka. Bolji izbor и др.

= Въ Прагѣ скончался 15 апрѣля т. г. извѣстный чешскій патріотъ и политическій дѣятель д-ръ Эдуардъ Грегръ, Въ теченіе полустолѣтія покойный находился въ передовыхъ рядахъ народныхъ борцовъ за чешскую независимость и за чешское имя. Грегръ родился въ 1828 г. въ Кралевоградцѣ, учился въ Вѣнѣ и въ Прагѣ на медицинскомъ факультетѣ, но съ 1861 г.

забросилъ науку и всецѣло отдался политической дѣятельности, вступивъ въ борьбу съ нѣмцами за права чешскаго народа. Единеніе чеховъ на культурной и экономической почвѣ съ остальными славянами входило также въ программу дѣятельности Грегра. Въ 1861 г. вмѣстѣ съ братомъ Юліемъ Грегромъ, историкомъ Палацкимъ и политическимъ дѣятелемъ Ригеромъ, онъ основалъ органъ младочешской партіи „Národni Listý“. Ему же принадлежитъ честь основанія въ 1862 г. совмѣстно съ Фигнеромъ и Тыршей перваго чешскаго гимнастическаго общества „Соколъ“. Въ чешскомъ сеймѣ Э. Грегръ былъ съ 60-хъ годовъ безсмѣннымъ депутатомъ, а съ 1884 г. младочехи послали его и въ австрійскій парламентъ. При жизни Э. Г. выпустилъ нѣсколько полемическихъ брошюръ: „Наши домашніе споры“ (1874 г.), „Наша политика“ (1877 г.), „Языковыя отношенія“ (1883 г.) и др.

= Въ Чехіи 30-го мая т. г. скончался чешскій юристъ Богуславъ Ригеръ, сынъ Франциška Владислава Ригера, покойнаго чешскаго политическаго дѣятеля. Изъ работъ Б. Ригера наиболѣе извѣстны слѣдующія: Krajské zrizení v Čechách (объ администр. устройствѣ чеховъ въ XVIII ст.) и Rišské dejiny rakouské (собственно исторія Австріи и ея учрежденій).

= Въ Прагѣ умеръ поэтъ Алоизъ Шкампа (Alois Škampa, род. 1861 г.). Стихотворные сборники его изданы отдѣльно: Malby a pisne (1883 г.), Mladý Svet и Mala Kridla. Покойный принадлежалъ къ случайно задержавшимся остаткамъ былыхъ поэтовъ-романтиковъ и врядъ-ли займетъ видное мѣсто на чешскомъ Парнасѣ.

= Въ Загребѣ скончался хорватскій ученый, юристъ и политическій дѣятель д-ръ Іосифъ Пливеричъ (Pliverić, род. въ 1847 г.). Его спеціальностью было государственное право и въ частности правовыя отношенія Хорватіи и Венгріи. Свои работы Пливеричъ печаталъ на нѣмецкомъ языкѣ; выдающіяся изъ нихъ: „Das rechtliche Verhältniss Kroatiens zu Ungarn“ (1885 г.), „Der kroatische Staat“ (1887 г.) и „Beiträge zum ungarisch-kroatische Bundesrechte“ (1906 г.). Въ бумагахъ покойнаго найдена огромная, вполнѣ законченная работа: „Hrvatsko-ugarsko državno pravo“.

= Въ началѣ августа мѣсяца т. г. въ Бѣлградѣ скончался сербскій публицистъ Жарко Иличъ (Жарко Ј. Илићъ), происходившій изъ литературной семьи сербскихъ поэтовъ Иличей.

= Въ Черновцахъ (Буковина) умеръ проф. апологетики и христіанской философіи, румынъ д-ръ Василій Гаина (род. въ 1868 г.), читавшій лекціи на богословскомъ (православномъ) факультетѣ мѣстнаго университета. Изъ его научныхъ работъ наиболѣе извѣстны слѣдующія: „Теорія откровенія“ (1898 г.), „Буддизмъ въ христіанствѣ“, „О допустимости вторичнаго брака священниковъ“.

— Въ концѣ мая мѣсяца т. г. въ Прагѣ скончался извѣстный ученый языковѣдъ, проф. Янъ Гебауэръ. Родился Г. въ 1838 г. въ Чехіи, учился въ Прагѣ, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ. Въ 1881 г. Гебауэръ получилъ тамъ же каѳедру славянскихъ нарѣчій, которую и занималъ до послѣдняго времени. Вмѣстѣ съ проф. Масарикомъ Г. призналъ открыто фальсификацію „Краледворской рукописи“; остальныя работы покойнаго представляютъ несомнѣнный вкладъ въ славянскую науку. Назовемъ выдающіяся изъ нихъ: „Historička mluvnice jezyka českého“, „Старочешскій словарь“; помимо того Г. издавалъ памятники старочешскаго языка.

= Въ Петербургѣ умеръ въ августѣ мѣсяцѣ публицистъ Дм. Петр. Никольскій, сотрудничавшій, между прочимъ, въ восьмидесятыхъ годахъ въ „Извѣстіяхъ Славянскаго Общества“. Въ послѣднее время онъ работалъ въ оффиціозѣ „Россія“ по назначенію отъ министерства иностран. дѣлъ и завѣдывалъ славянскимъ отдѣломъ.

= Въ Одессѣ издается мѣстными болгарами на болгарскомъ языкѣ газета „Българска Мисъль“, поставившая себѣ цѣлью упроченіе торговыхъ связей между Россіей и Болгаріей.

= Въ Кіевѣ выходитъ на чешскомъ языкѣ еженедѣльникъ „Ruski Čech“.

= Въ Бѣлградѣ началъ выходить иллюстрированный литературно-популярный журналъ „Недѣльа“ подъ редакціей Ст. П. Видаковича.

= Вышелъ первый выпускъ „Югославянской Библіотеки“ на сербскомъ языкѣ, задавшейся цѣлью знакомить югославянскую публику со всѣми литературными новинками сло-

венцевъ, хорватовъ, болгаръ и сербовъ и тѣмъ содѣйствовать взаимному ихъ сближенію. „Югословенска Библиотека“ печатается въ Бѣлградѣ подъ руководствомъ проф. бѣлградскаго университета Живоина Дачича (Живојин Дачић).

= Въ „Шематизмѣ бококоторске и дубровачке епархіе“ (1907 г.) напечатаны матеріалы, касающіеся исторіи черногорскаго владыки Петра I (именно смерти владыки).

= Въ нѣм. журналѣ Mittheilungen der antropologischen Gesellschaft in Wien (XXXV, 1905, стр. 99—117) напечатана статья извѣстнаго антрополога A. Weissbach'a: Die Serbokroaten Kroatiens und Slawoniens,—въ которой авторъ утверждаетъ, что между сербами и хорватами нѣтъ никакой разницы въ антропологическомъ отношеніи.

= Мадьярская академія наукъ въ Будапештѣ опубликовала дипломатическіе акты, характеризующіе сербско-венгерскія отношенія съ XII по XVI ст. Книга эта называется: „A Magyarorszag es Szerbia közti összeköttetesek okleveltara 1198—1526. A. M. Tud. Akad. törtenelmi bizotsaga megbizasabol szerkesztettek Thalloczy Lajos es Aldasy Antal. Budapest 1907, CXXIV — 479, 8^0.

— Въ Лейпцигѣ вышла книга K. Roth'a „Geschichte der christlichen Balkanstaaten (Bulgarien, Serbien, Rumänien, Montenegro, Griechenland)“. Dr. K. Roth извѣстенъ уже своей достаточно слабой работой по исторіи Византіи; новый его трудъ также не лишенъ крупныхъ промаховъ и носитъ диллетантскій характеръ.

= Югославянская академія наукъ въ Загребѣ издаетъ подъ редакціей извѣстнаго хорватскаго историка, академика Ѳ. Смичикласа грандіозный сборникъ „Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacie i Slavonie“. Пока вышло четыре тома: въ первомъ (1904 г.) переизданъ трудъ покойнаго хорватскаго историка Рачкаго „Documenta historiam croaticam illustrantia“; второй томъ (1904 г.) содержитъ матеріалы и документы, относящіеся къ XII вѣку; въ третьемъ томѣ (1905 г.) опубликованы документы царствованія венгерскаго короля Андрея I (1201—1235); четвертый томъ, вышедшій недавно, содержитъ документы царствованія короля Белы до 1255 г. Весь сборникъ расчитанъ на 20 томовъ и закончитъ хорватскую исторію 1409 годомъ.

= Въ Загребѣ вышла недавно книга Armina Pavića: Cara Konstantina VII Porfirogenita „De administrando imperio“ glave 29—36. Главная заслуга новой работы о Константинѣ Порфирогенитѣ (Багрянородномъ) заключается почти исключительно въ исправленіи текста Порфирогенита.

= Въ августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1907 г. напечатаны статьи А. П. Яцимирскаго „Лже-Петръ III у черногорцевъ“ и В. В. Уманова-Каплуновскаго „Борцы за славянскую свободу. Раковскій—Ботевъ“.

= Въ майской книжкѣ (5) „Вѣстника Европы“ за 1907 г. помѣщена статья Вл. Каренина „Адамъ Мицкевичъ и Жоржъ Зандъ“; въ іюльской книжкѣ (7) того же журнала напечатано начало очерковъ Н. Кулябко-Корецкаго „Македонія и турецкіе въ ней порядки“ (путевыя впечатлѣнія).

= Во второмъ выпускѣ „Сборника консульскихъ донесеній“ (1907 г.) помѣщены между прочимъ интересныя статьи: „Внѣшняя торговля Сербіи“ и „Торгово-промышленный очеркъ Румыніи“.

= Обращаемъ вниманіе добрыхъ людей на бѣдственное положеніе словенскаго писателя Петра Миклавца (Petr Miklavec, псевдонимъ Podravský), переводчика на словенскій языкъ русскихъ, польскихъ, сербскихъ и болгарскихъ писателей. Больной, лишенный возможности работать, Миклавецъ остался буквально безъ всякихъ средствъ съ большой семьей на шеѣ. Адресъ его: Reifnigg (Ribnice) i. Steiermark, Petr Miklavec.

Библіографія.

С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей С. А. Венгерова. №№ 56. Спб. 1907. Стр. 488. ц. 2 р. 50 к.

Книга С. А. Венгерова составлена изъ извѣстныхъ статей, печатавшихся нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ что для очень многихъ изъ читателей она съ этой стороны не представляетъ особеннаго интереса. Но, разъ авторъ считалъ нужнымъ переиздать свои статьи въ видѣ отдѣльной книги, очевидно, онъ придавалъ имъ современное значеніе. Съ нашей точки зрѣнія, не смотря на то, что въ книгѣ трактуется сравнительно отдаленная эпоха, это значеніе основывается на томъ обстоятельствѣ, что авторъ отводитъ въ своей книгѣ очень большое мѣсто одному изъ тогдашнихъ теченій общественной мысли—славянофильству, къ которому и въ наши дни могутъ еще быть разнообразныя отношенія. И отрадную сторону книги составляетъ именно отношеніе ея автора къ этому теченію, совершенно не похожее на то отношеніе къ славянофильству большинства современныхъ авторовъ, которые въ статьяхъ и брошюрахъ скороспѣлаго издѣлія съ большимъ самохвальствомъ и не меньшимъ тупоуміемъ не умѣютъ дать читателю ничего другого, помимо снисходительно пренебрежительнаго трактованія о крупнѣйшемъ явленіи общественной русской мысли, котораго они сами не изучали, какъ слѣдуетъ. Книга же г. Венгерова не такова. Будучи основана на серьезномъ, продолжительномъ и непосредственномъ, а не взятомъ изъ чужихъ рукъ изученіи славянофильства, она въ цѣломъ даетъ вполнѣ безпристрастную, исторически объективную оцѣнку самаго явленія, а въ частности наноситъ ударъ одному изъ крупнѣйшихъ предразсудковъ, въ которомъ уже много лѣтъ воспитывается русское общество въ отношеніи къ славянофиламъ. Этотъ предразсудокъ состоитъ въ непониманіи взаимныхъ отношеній западниковъ и славянофиловъ. Въ большинствѣ среднихъ читателей до сихъ поръ живетъ убѣжденіе, что взаимоотношенія западниковъ и славянофиловъ были враждебны и діаметрально противоположны, а, главное, будто бы таковыя отношенія и должны быть наиболѣе правильными и не могли быть иными. Мало того, современному читателю, не освѣдомленному во всей полнотѣ съ прошлымъ нашего общественнаго развитія, зачастую еще преподносятся погребальныя отповѣди славянофильству, какъ явленію, будто бы совершенно отжившему или же такому, которое, будучи пріурочено къ современнымъ политическимъ партіямъ, должно быть поставлено въ разрядъ черносотенныхъ. А у г. Венгерова взглядъ на дѣло и пріемы изученія—совершенно иные. Рисуя общую картину славянофильства, онъ не смѣшиваетъ во-едино славянофиловъ съ представителями оффиціальной народности,

какъ это дѣлаютъ тѣ, которые хотятъ видѣть въ славянофильствѣ отжившее или, по крайней мѣрѣ, черносотенное явленіе. Одно уже это свидѣтельствуетъ о серьезномъ историческомъ взглядѣ автора. Далѣе онъ стремится показать, что „міровоззрѣніе славянофиловъ въ большинствѣ существеннѣйшихъ частей своихъ приближалось къ лучшимъ и важнѣйшимъ пунктамъ міросозерцанія западниковъ“ (стр. 273), и что „въ сущности разница между „западниками“ и *честными* славянофилами совсѣмъ не такъ велика, что строго говоря, разница только въ теоретическомъ обоснованіи“ (стр. 483). „Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ тезисамъ записки К. Аксакова, отбросьте въ нихъ теоретическія посылки, и вы увидите, что не только одна и та же цѣль воодушевляетъ и западниковъ и искреннихъ славянофиловъ—счастіе и благоденствіе Россіи, но что и пути достиженія этого счастія всего менѣе расходятся между собою. Подъ практическою частью записки съ величайшимъ удовольствіемъ подписались бы самые передовые изъ тогдашнихъ западниковъ“... (стр. 483—484).

Это стремленіе автора найти связующее звено для двухъ враждебныхъ направленій мысли, какъ и вообще его преклоненіе передъ многими сторонами въ личности славянофиловъ, къ ученію которыхъ онъ по своимъ убѣжденіямъ не принадлежитъ,—все это свидѣтельствуетъ, что въ разсматриваемой книгѣ нѣтъ тенденціозныхъ стремленій, какъ совершенно непригодныхъ въ серьезномъ историческомъ трудѣ. Въ силу этого и самую причину ожесточенія западниковъ по отношенію къ славянофиламъ г. Венгеровъ объясняетъ не тѣмъ, что ихъ міровоззрѣнія были діаметрально противоположны, а исключительно тяжелыми условіями времени, благодаря которымъ лучшія стороны славянофильскаго ученія не могли получить въ 40-хъ годахъ яркаго и яснаго литературнаго выраженія. „Будь извѣстна Бѣлинскому“, пишетъ г. Венгеровъ на стр. 273—274, „записка Константина Аксакова, поданная императору Александру II въ 1856 г., будь извѣстны ему стихи Хомякова, кладущіе такую рѣзкую грань между патріотизмомъ славянофиловъ и шовинизмомъ улицы, будь ему извѣстны дифирамбы славянофиловъ свободѣ слова, и знай онъ, наконецъ, о доблестномъ поведеніи ихъ при похоронахъ дореформенныхъ порядковъ, и онъ, конечно, совсѣмъ иначе повелъ бы себя. Онъ не набрасывался бы на нихъ со всѣмъ озлобленіемъ человѣка, которому языкъ связанъ, и который и возражать то толкомъ не имѣетъ никакой возможности. Лучшія стороны славянофильства развернулись позже Бѣлинскаго, а при немъ славянофиловъ позорило ихъ нежеланіе открыто отдѣлиться отъ уличнаго патріотизма, ихъ потворство такимъ выходкамъ à la Булгаринъ, какую, напр., позволилъ себѣ близкій славянофиламъ поэтъ Языковъ... Въ интимныхъ разговорахъ, въ записныхъ тетрадяхъ славянофилы протестовали противъ стиховъ Языкова, и, напр., К. Аксаковъ въ незданномъ стихотвореніи „къ союзникамъ“ съ негодованіемъ отвергалъ помощь такого печальнаго свойства. Въ печати эти протесты не появлялись, открыто славянофилы ничѣмъ своего негодованія не выражали, и самый фактъ, что Языковъ считалъ себя купно съ славянофилами „нашими“, что и самъ Аксаковъ долженъ былъ признать его „союзникомъ“, показываетъ, что въ общемъ, для обыкновеннаго наблюдателя, а, слѣдовательно, и читателя, разграничительной черты между славянофилами и партіей оффиціальной народности въ 40-хъ г.г. провести нельзя было. И вотъ почему западники, вѣрные правому „Timeo Danaos jam dona ferentes“, не хотѣли ничего брать у славянофиловъ“...

Наконецъ, въ противоположность многимъ изъ тѣхъ, кто касался славянофильства, не имѣя при томъ никакой исторической перспективы, помогающей распознать слѣды славянофильства, перешедшіе въ позднѣйшую жизнь, г. Венгеровъ ставитъ въ связь съ славянофильствомъ тотъ фактъ, что въ эпоху крайнихъ увлеченій народничествомъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ выступившіе писатели съ протестомъ противъ этихъ увлеченій признали цѣлый рядъ „особенностей“ русскаго народа, честь перваго выясненія которыхъ безспорно составляетъ заслугу славянофиловъ.

Серьезная апологія славянофильства, каковою поистинѣ являются многія страницы книги г. Венгерова, съ точки зрѣнія нашего времени, должна быть признана большою заслугою. И эта заслуга тѣмъ болѣе цѣнна, что защита славянофиловъ выступаетъ изъ предѣловъ какихъ либо партійныхъ расчетовъ, а всецѣло покоится на исторической почвѣ.

Но, съ признательностью оцѣнивая все это, мы не можемъ не отмѣтить одного только противорѣчія, или, вѣрнѣе, колебанія въ сужденіяхъ г. Венгерова о славянофилахъ. Съ одной стороны, въ своихъ „очеркахъ исторіи новѣйшей русской литературы“ г. Венгеровъ категорически, безъ всякихъ указаній на какую нибудь роль славянофиловъ въ исторіи русской критики, считаетъ основателемъ публицистической критики Добролюбова; а въ другомъ мѣстѣ той же книги, въ статьѣ „Передовой боецъ славянофильства“, онъ какъ бы подчеркиваетъ, что „хронологически не только раньше, но отчасти и рѣзче Добролюбова провозгласилъ теорію служебнаго значенія искусства К. Аксаковъ.“ Мы же, признавая послѣднее наиболѣе вѣрнымъ, сказали бы, что зародышъ публицистической критики и первоначальное ея выраженіе, предшествующее критикѣ Добролюбова, лежитъ въ сужденіяхъ не одного только К. Аксакова, но и Хомякова, на что мы однажды и имѣли уже случай указывать, но, къ сожалѣнію, наше указаніе осталось г. Венгерову почему то неизвѣстнымъ.

Л. Лобовъ.

С. С. Бобчевъ. Крумовото законодателство. Историко-правна студия. София 1907.

Рефератъ г. Бобчева, посвященный законамъ Крума, имѣетъ своею цѣлью вызвать научный интересъ къ этому памятнику древне-болгарскаго права. Авторъ знакомитъ читателя съ литературой вопроса, старается установить наиболѣе точный текстъ законовъ Крума, дѣлаетъ обзоръ этого законодательства съ точки зрѣнія его достовѣрности, а также съ правовой точки и, наконецъ, въ послѣдней VI-ой г. подводитъ общіе итоги своего обслѣдованія этого законодательнаго кодекса.

Первыя свѣдѣнія о Крумовомъ законодательствѣ въ болгарской литературѣ были даны Раковскимъ, не считавшимъ, впрочемъ, царя Крума первымъ болгарскимъ законодателемъ, но допускавшимъ возможность существованія у древнихъ болгаръ обширнаго правового кодекса уже за долго до принятія ими христіанства. Затѣмъ о крумовомъ кодексѣ говоритъ Гильфердингъ; Богишичъ первый въ своемъ обзорѣ памятниковъ югославянскаго права привелъ греческій текстъ этого кодекса изъ извѣстнаго византійскаго библіографа Свиды, повторивъ высказанное раньше Гильфердингомъ мнѣніе, что извѣстный по византійскимъ источникамъ законодательный кодексъ Крума не больше, какъ только отзвукъ воспоминаній или преданій о зако-

нодательной дѣятельности этого именно владѣтеля. Затѣмъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ болгарскихъ составителей руководствъ по отечественной исторіи, дававшихъ обыкновенно превратныя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ. Изъ новѣйшихъ болгарскихъ историковъ на этомъ же памятникѣ останавливались Миларовъ въ своей исторіи болгарскаго народа, Радонскій въ своей замѣткѣ о древнемъ болгарскомъ законодательствѣ, Ишпрковъ въ статьѣ о Крумѣ, Баласчевъ въ своей брошюрѣ о матеріальной культурѣ древне-болгарскаго ханства, Блачоевъ въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ этому законодательству, и, наконецъ, Златарскій. Приведя греческій текстъ законовъ Крума, состоящихъ изъ 5 параграфовъ, и параллельно съ греческимъ текстомъ болгарскій переводъ къ нему, авторъ приходитъ къ заключенію, что авторы болгарскихъ учебниковъ и всевозможныхъ руководствъ, никогда не имѣя въ рукахъ подлиннаго текста, вводили другъ друга въ заблужденіе. Установивъ точный переводъ единственнаго пока византійскаго источника, авторъ останавливается на вопросѣ, могъ ли, дѣйствительно, Крумъ быть авторомъ кодекса, отзвуки котораго попали въ византійскій источникъ. Историческія соображенія и характеристика политическаго состоянія Болгаріи до появленія на политической сценѣ Крума, общій, наконецъ, тонъ и направленіе политики Крума — приводятъ автора къ убѣжденію, что Крумъ, поставленный въ своеобразныя условія своей дѣятельности, не могъ не озаботиться изданіемъ для своей страны общаго законодательнаго кодекса. Если, говоритъ авторъ, слависты Губе, Зигель, Флоринскій допускаютъ, что царь Симеонъ былъ авторомъ „закона соуднаго людемъ“ только на основаніи того, что въ этомъ законѣ въ то именно время чувствовалась настоятельная необходимость, и что царь Симеонъ былъ дальновиднымъ и мудрымъ правителемъ, то, по мнѣнію г. Бобчева, еще съ большимъ основаніемъ можно утверждать, что именно Крумъ былъ авторомъ кодекса, намеки на который сохранены у византійскаго историка. Въ подтвержденіе своей мысли объ авторствѣ Крума г. Бобчевъ приводитъ любопытную народную легенду о томъ, какъ царь Крумъ отмѣнилъ свой законъ объ уничтоженіи виноградниковъ, тотъ именно законъ, который приводится и въ сообщеніи византійскаго источника. Главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, разсмотрѣвъ памятникъ также и съ юридической точки зрѣнія, слѣдующіе: 1) время, когда царствовалъ Крумъ, потребности болгарской народной и государственной жизни, народное правосознаніе—все это вызывало или, точнѣе, могло вызвать такія именно установленія, какія встрѣчаются и въ такъ называемомъ крумовомъ законодательствѣ; 2) законоположенія Крума, касающіяся лжесвидѣтельства, укрывательства, воровства,— въ точности подтверждаются послѣдующими аналогичными памятниками, каковы: Responsa Nicolai Papae ad consulta bulgarorum, законъ соудный людемъ и др. 3) наказанія, предусматриваемыя кодексомъ Крума, вполнѣ соотвѣтствовали представленіямъ обычнаго права того времени. Наконецъ, авторъ высказывается за безусловную достовѣрность показанія Свиды относительно Крума, котораго онъ склоненъ считать авторомъ приписываемаго ему византійскимъ источникомъ кодекса съ большимъ основаніемъ, нежели нѣкоторые слависты считаютъ царя Симеона авторомъ „закона соуднаго людемъ“.

Такимъ образомъ, какъ замѣтилъ и самъ авторъ, рефератъ его не имѣетъ въ виду изслѣдованія вопроса, но только желаетъ вызвать къ этому памятнику научный интересъ, и поскольку рефератъ г. Бобчева не есть

критически научное изслѣдованіе, постольку и выводы его не могутъ, конечно, претендовать на извѣстную устойчивость. Обширная область славянскаго права нуждается въ детальной разработкѣ, и, быть можетъ, такое изслѣдованіе затронутаго г. Бобчевымъ вопроса о крумовомъ законодательствѣ и подтвердитъ въ будущемъ тѣ заключенія, къ какимъ пришелъ авторъ реферата, исходившій изъ имѣвшагося въ его рукахъ матеріала и личныхъ соображеній.

Н. С. Державинъ.

В. Миролюбовъ. Млади и стари. Критически очерци върху днешната българска литература. Тутраканъ. 1907. Стр. XXIV+202+IV. Цѣна 2 лева.

Статьи д-ра К. Кръстева (псевдонимъ — Миролюбовъ) интересовали насъ всякій разъ, какъ появлялись въ журналѣ „Мисъль". Уловить общій тонъ этихъ статей при чтеніи ихъ на страницахъ новыхъ книжекъ журнала было довольно трудно, хотя мы были внимательнымъ читателемъ г. Кръстева около 10 лѣтъ: ясно было только одно — что критикъ понимаетъ новѣйшія философско-эстетическія теченія въ литературѣ. Это одно уже составляло громадный плюсъ въ статьяхъ и дѣлало ихъ болѣе, чѣмъ только интересными. Теперь, когда онѣ собраны вмѣстѣ, читатель не только можетъ познакомиться съ нѣсколькими основными моментами современной болгарской беллетристики, но вмѣстѣ съ тѣмъ--болѣе ясно опредѣлить физіономію самого критика. При новомъ чтеніи она вырисовалась предъ нами болѣе опредѣленно, и во многихъ отношеніяхъ показалась намъ даже болѣе интересной, чѣмъ раньше. Прежде всего, г. Кръстевъ не страдаетъ самымъ, кажется, непростительнымъ изъ семи грѣховъ для критика — теплохладностью: онъ бываетъ или студенъ, или горячъ, свои приговоры произноситъ рѣзко и опредѣленно. Это—безусловный, на нашъ взглядъ, плюсъ въ общей физіономіи критика. При этомъ, онъ—субъективенъ настолько, что иной разъ не прочь навязать изучаемому автору свое собственное мнѣніе. О читателѣ, въ этомъ отношеніи, и говорить нечего: послѣдній находится у г. Кръстева какъ бы въ рабствѣ, и своего сужденія для него не можетъ существовать. Критикъ не умѣетъ только рисовать извѣстную литературно-критическую картину или портретъ, конечно, въ собственномъ освѣщеніи. Онъ заставляетъ зрителя-читателя смотрѣть на нее, но непремѣнно на извѣстномъ разстояніи, смотрѣть только опредѣленное время—и не высказывать никакихъ замѣчаній. Такимъ образомъ, зритель-читатель всецѣло находится во власти критика, и лишь по прочтеніи всей книги способенъ отрѣшиться отъ чужихъ мнѣній, чтобы составить болѣе или менѣе собственное. Словомъ, г. Кръстевъ умѣетъ завладѣвать вниманіемъ читателя и поддерживать тотъ же интересъ на пространствѣ всей книги.

Центральной фигурой среди разобранныхъ въ реферируемой книгѣ писателей является П. Ю. Тодоровъ, пѣвецъ твердой воли и ясной молодости. По мнѣнію Кръстева, творчество Тодорова знаменуетъ собой начало самобытнаго періода болгарской литературы, а среди произведеній Тодорова первое мѣсто занимаетъ „Страхилъ страшенъ хайдутинъ". Національный элементъ представляетъ здѣсь гармонію между народно-идейной окраской драмы и внѣшними артистическими средствами, иногда заимствованными изъ такъ-называемой устной поэзіи. Тѣми же средствами пользуется и Пенчо Славейковъ, но все то, что у него представлено какъ бы

въ процессѣ развитія, у Тодорова—уже въ законченной, въ скристализованной формѣ. Что касается чисто-драматической формы, то она много ниже идеи, содержанія, характеристикъ и т. д.; кромѣ того, сплошь и рядомъ въ ней можно уловить образцы, западныхъ модернистовъ. Къ Г. П. Стаматову г. Кръстевъ отнесся болѣе сурово, чѣмъ къ остальнымъ изъ молодыхъ писателей. Во многомъ критикъ правъ, но напрасно придаетъ слишкомъ малое значеніе слѣдующей существенной чертѣ у Стаматова: тонкому психологическому анализу—очень и очень рѣдкому достоинству болгарскихъ писателей вообще. За это ему можно „простить“ очень многіе недостатки. Во вторыхъ, общее впечатлѣніе таково, что Стаматовъ обладаетъ безусловно „своимъ собственнымъ бокаломъ“, стѣнки котораго окрашиваютъ въ особый цвѣтъ всѣ впечатлѣнія дѣйствительности. Поэтому авторъ всегда разсматриваетъ міръ чрезъ грани своего стакана, хотя бы онѣ, какъ неровныя, и искажали дѣйствительность. Конечно, эти замѣчанія не имѣютъ отношенія къ вопросу о размѣрахъ дарованія Стаматова, во всякомъ случаѣ—средняго. Въ Елинъ-Пелинѣ критикъ находитъ отсутствіе единства идеи и общаго міропониманія автора, слабую обработку, отсутствіе индивидуальности стиля и органической связи въ разсказахъ, отмѣчаетъ безсознательность его творчества, непосредственность, и вытекающую отсюда мягкую теплоту, напоминающую А. Константинова. Статья о немъ носитъ заглавіе, мало соотвѣтствующее какъ творчеству Елинъ-Пелина, такъ и содержанію самой статьи: „Пѣвецъ деревенскаго горя“ („Пѣвецъ на селска неволя“). Очевидно, г. Кръстевъ имѣетъ въ виду недолгій періодъ въ прошломъ литературной дѣятельности изучаемаго автора, и такимъ образомъ его очеркъ захватываетъ лишь одинъ моментъ въ писательствѣ Е.-Пелина. Подъ многими мыслями критика, разбросанными въ этомъ очеркѣ, мы смѣло могли бы подписаться, но только при единственномъ условіи, если разсматривать творчество писателя съ какой нибудь условной точки зрѣнія. Но такіе пункты обвиненія, какъ отсутствіе бликовъ въ разсказахъ Е.-Пелина или же то, что сюжетомъ иногда служитъ анекдотъ, будто бы и обработанный въ смыслѣ анекдота,—для насъ значенія не представляютъ.

Особенно интересно и во многихъ своихъ частяхъ было для насъ новостью — предисловіе г. Кръстева, изобличающее въ авторѣ организацію высокаго интеллекта, съ темпераментомъ, широкимъ кругозоромъ и нѣкоторой излишней суетливостью. Не только предисловіе, но и безусловно содержательные очерки г. Кръстева много выиграли бы, если бы онъ перемѣнилъ свой тонъ: ему недостаетъ академизма, выдержки; погоня за блескомъ изложенія, часто за чисто динамическими эффектами, превращаетъ его очерки въ фельетонъ не перваго разбора — не то памфлетъ, не то „кусательную“ газетную замѣтку. Вѣдь болѣе сдержанный тонъ нисколько не повредилъ бы внутренней силѣ очерковъ, а умѣніе владѣть собой присуще и яркимъ индивидуальностямъ, писателямъ съ темпераментомъ, какимъ мы безусловно считаемъ д-ра Кръстева. Его книга заслуживаетъ большого реферата, частями—перевода на русскій языкъ, но съ единственнымъ условіемъ — смягчить или же нѣсколько измѣнить его приговоры относительно „старыхъ“ болгарскихъ писателей.

Названіе книги, „Молодые и старые“, на первый взглядъ можетъ показаться даже тенденціознымъ: будто критикъ намѣренно раздѣляетъ представителей современной болгарской литературы на какіе-то два лагеря—молодыхъ и старыхъ. Къ первымъ онъ относитъ упомянутыхъ раньше

П. Тодорова, Стаматова, Елина-Пелина — конечно, и ихъ слишкомъ мало, ко вторымъ — только двоихъ: Вазова и Михайловскаго. Вотъ изъ этого одного, т. е. изъ того, что „старые“ у него представлены двумя именами, хотя бы и крупными, вытекаетъ неосновательность подобнаго предположенія. Приговоръ свой, приговоръ слишкомъ суровый, г. Кръстевъ произноситъ не „старому“, а только упомянутымъ писателямъ. Правъ ли онъ, или нѣтъ, — вопросъ иной.

Болѣе правильна сдѣланная критикомъ оцѣнка произведеній Ст. Михайловскаго. Припомнимъ оставленіе имъ Народнаго Собранія изъ-за того самаго узаконенія, которое раньше самъ онъ безпощадно критиковалъ По этому поводу въ повременной печати въ свое время много писалось противъ Михайловскаго вообще, хотя существуетъ и другое мнѣніе: въ Михайловскомъ всегда боролись двѣ стихіи—эстетика и этика. Одна другую побѣждала, но лишь на время. Для посторонняго наблюдателя это было равносильно сожженію кораблей, сжиганію того, чему недавно только авторъ поклонялся, но такое заключеніе, быть можетъ,—слишкомъ поверхностно: самъ онъ оставался однимъ и тѣмъ же—яркимъ, выпуклымъ, сильнымъ, восторженнымъ, изящнымъ, перегорающимъ въ самомъ себѣ, на средства собственной души, всегда готовымъ въ бой. И даже такія мѣста, которыя онъ создавалъ какъ будто для того, чтобы пококетничать предъ читателемъ какимъ нибудь крикливымъ образомъ, на дѣлѣ были только моментомъ въ исторіи его сложной души.

Въ общемъ, повторяемъ, г. Кръстевъ понялъ Михайловскаго и далъ относительно вѣрный его силуэтъ. Но то, что говоритъ онъ о Вазовѣ, производитъ на читателя по-меньшей мѣрѣ тягостное впечатлѣніе. Не вѣрится даже, что статья принадлежитъ такому интересному и образованному критику, какимъ мы привыкли считать г. Кръстева. Къ чему этотъ непримиримый тонъ, эти злостные каламбуры, эти ляганія лежачаго?

Кръстевъ дѣлаетъ ошибку прежде всего въ томъ, что забываетъ историческую точку зрѣнія: если И. Вазовъ дѣйствительно мало говоритъ „современной душѣ“, то у него такое почтенное прошлое, что съ точки зрѣнія этого прошлаго новой болгарской беллетристики, единственно правильной въ данномъ случаѣ точки зрѣнія, никакихъ нареканій не заслуживаетъ и не боится. На Вазовѣ воспиталось поколѣніе, и если онъ самъ сходитъ съ арены, то сопровождать этотъ уходъ шиканьемъ прилично только райку... И если г. Кръстевъ своими нападками на Вазова дѣйствительно лишилъ вѣнокъ его писательской славы многихъ листковъ лавра, то эти листки никоимъ образомъ нельзя будетъ вплести въ вѣнокъ самого критика. И. Вазовъ, конечно, не нуждается въ чужой защитѣ, да никто и не станетъ этого дѣлать; но, повторяемъ, глумиться надъ человѣкомъ только за то, что онъ пережилъ свою славу, — по меньшей мѣрѣ не основательно. Критикъ признается, что произведенія Вазова великолѣпно воплощали чувства и идеи средняго болгарина эпохи освободительной, при томъ такого, который своихъ индивидуальныхъ чувствъ и идей не имѣлъ. Прекрасно. Виноватъ ли Вазовъ въ томъ, что по своей организаціи онъ консервативенъ, и что и теперь, въ новую эпоху, онъ имѣетъ въ виду такого же читателя? Мы увѣрены, что всякія новаторства просто не пристали бы ему, а что именно въ своемъ постоянствѣ, какъ типичный „классикъ“ (размѣры дарованія здѣсь не при чемъ), онъ заслуживаетъ полной признательности.

Далѣе, критикъ разсматриваетъ творчество всѣхъ писателей по слиш-

комъ широкому масштабу. Если это свидѣтельствуетъ, быть можетъ, о его литературныхъ свѣдѣніяхъ и художественномъ вкусѣ, то ни то, ни другое не можетъ имѣть мѣста, когда рѣчь идетъ о такихъ молодыхъ литературахъ, какъ болгарская, развивающаяся при далеко не благопріятныхъ условіяхъ: мы разумѣемъ главнымъ образомъ одиночество писателя, его изолированность отъ читателей. Писатели болгарскіе почти опредѣлились, а читатель по прежнему остается загадочнымъ существомъ, такъ что невольно хочется повторить старый вопросъ: „читатель, гдѣ ты?“ Похожія мысли высказываетъ и критикъ въ своемъ прекрасномъ предисловіи. Вотъ почему развѣнчиваніе и того немногаго, что болгарская беллетристика успѣла уже сдѣлать, мы лично не можемъ привѣтствовать даже въ томъ случаѣ, когда это развѣнчиваніе справедливо само по себѣ, т. е. съ точки зрѣнія высокообразованнаго и обладающаго тонкимъ артистическимъ чутьемъ критика. Неужели же она настолько окрѣпла, что не боится подобныхъ нападокъ?— Если да, если къ ней можно предъявлять такія требованія, какія мы предъявляемъ къ в з р о с л ы м ъ писателямъ, то насъ это только радуетъ. Но скорѣе придется получить отвѣтъ отрицательный... И тогда окажется, что самъ г. Кръстевъ по крайней мѣрѣ на десять головъ переросъ общій уровень современной болгарской литературы, что самъ онъ на десятки лѣтъ опередилъ обычную современную литературную критику, а потому... стрѣляетъ по воробьямъ изъ пушки.

А. И. Яцимирскій.

Ladislav Horák, Výklady z českých dějin kulturních na škole obecné i měšťanské. Velká Čermá—Bohohrádek. 1905. Стр. 249. Цѣна 3 кроны.

Какъ часто въ погонѣ за „интересными“ оригиналами для переводовъ наши издатели откапываютъ Богъ вѣсть какіе „раритеты“, наполняя книжный рынокъ такими вещами, которыя пребываютъ въ болѣе близкомъ или болѣе отдаленномъ родствѣ съ макулатурой. И удивительно иной разъ: откуда берутся покупатели этихъ „сенсаціонныхъ“ новостей? А между тѣмъ на славянскихъ языкахъ выходитъ такъ много содержательныхъ, научныхъ и вполнѣ доступныхъ книгъ—и такъ рѣдко къ нимъ обращаются наши издатели! Впрочемъ, здѣсь можетъ быть одно обстоятельство, значительно смягчающее вину. Дѣло—въ переводчикахъ. При полномъ перепроизводствѣ профессіональныхъ тружениковъ пера, прекрасно знающихъ западные языки, у насъ замѣчается поразительное убожество лицъ, знакомыхъ съ языками славянскими и въ то же время сколько-нибудь грамотными по части отечественной словесности. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, тѣ культурные славяне, которые пріѣзжаютъ въ Россію и нуждаются въ работѣ?—Въ самомъ дѣлѣ, ихъ у насъ не имѣется. Просмотрите любой библіографическій отдѣлъ русскаго литературнаго или историческаго журнала, каталогъ какой-нибудь книгоиздательской фирмы, инвентарь библіотеки и т. д.,—и васъ поразитъ бѣдность славянскаго отдѣла, иногда—полная пустота.

Такими мыслями, болѣе грустными, нежели способными только навести на размышленія,—невольно приходится начинать замѣтку о книгѣ Л. Горака. Сколько интереснаго матеріала въ ней, сколько новаго было бы для русскихъ читателей положительно всѣхъ возрастовъ и положеній! Вѣдь и у насъ, русскихъ, нѣтъ подобной популярной „Исторіи культуры“ даже своего народа—безъ всякой тенденціи, научной, изложенной просто и занимательно, снабженной рисунками и не дорогой по цѣнѣ. А у чеховъ каждый школь-

никъ можетъ познакомиться съ прошлымъ культуры своего народа по названной книгѣ. Мы увѣрены, что и для русскихъ читателей книга г. Горака была бы интересна, пожалуй, болѣе интересной, чѣмъ обыкновенная исторія чешскаго народа.

Въ небольшихъ по размѣрамъ главахъ авторъ излагаетъ послѣдовательный ходъ развитія разныхъ отдѣловъ, сначала обще-славянской, затѣмъ спеціально чешской культуры, начиная съ простыхъ подѣлокъ изъ дерева и кончая австрійской конституціей. Изложеніе сопровождается стихотвореніями лучшихъ поэтовъ, народными пѣснями, ссылками на солидныя работы чешскихъ историковъ и археологовъ. Здѣсь читатель найдетъ свѣдѣнія о древне-славянскихъ городищахъ, о религіозныхъ обрядахъ древнихъ чеховъ, о наиболѣе старыхъ христіанскихъ храмахъ въ чешскихъ земляхъ, юридическихъ обычаяхъ, торговлѣ, ремеслахъ, нѣмецкой колонизаціи, основаніи первыхъ городовъ, ихъ укрѣпленіи, защитахъ и осадахъ, о панахъ и рыцаряхъ, ихъ бытѣ, правахъ и т. д. Обращаютъ на себя особое вниманіе слѣдующія главы: XV—объ основаніи школъ въ Чехіи, XIX—о гуситскихъ войнахъ, XXII—о готическомъ стилѣ (конечно, по памятникамъ, сохранившимся въ Чехіи), XXIII—о древнихъ книгахъ, XXV—объ астрологіи и алхиміи, XXVII—о колдовствѣ, инквизиціи, пыткахъ и т. д. Рядъ главъ — спеціально археологическаго характера, но, благодаря живому изложенію, онѣ не запугаютъ даже школьника. Это—отдѣлы о монетахъ, печатяхъ, разнаго рода правительственныхъ документахъ, о писцахъ и чтецахъ въ старое время, о чешскихъ художникахъ (богато иллюстрированная глава) и т. п. А среди подобныхъ обзоровъ памятниковъ вещественной культуры авторъ изрѣдка помѣщаетъ краткіе историческіе обзоры обобщающаго характера; по нимъ легко можно послѣдить, подъ вліяніемъ какихъ условій чешскій народъ терялъ свободу, дошелъ въ концѣ XVII вѣка и первой половинѣ XVIII до полнаго порабощенія и затѣмъ снова возродился. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна 31-я глава „О чешскихъ патріотахъ“ (стр. 199—211), написанная съ вдохновеніемъ, столь характернымъ для этого именно жанра у чеховъ, съ отдѣльными изреченіями поэтовъ минувшаго вѣка на тему о патріотизмѣ и факсимиле извѣстнаго письма Юнгманна 1839 года, гдѣ рѣчь идетъ о „любви къ нашей святой родинѣ“. Съ 227 страницы начинается толковое и подробное объясненіе снимковъ, помѣщенныхъ раньше въ текстѣ.

Книга вышла въ изданіи редакціи „Школы нашей провинціи“ и посвящена авторомъ своему отцу, Франтишку Гораку, „заслуженному ветерану школьнаго дѣла“. Въ особыхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для педагоговъ, къ книгѣ приложено вступленіе дидактическаго характера. Такимъ образомъ, книга „Изъ чешской культурной исторіи“ вполнѣ заслуживаетъ перевода на русскій языкъ. Благодаря доступности изложенія, она можетъ завоевать себѣ широкій кругъ читателей, а затѣмъ вызвать подобное же изданіе изъ исторіи культуры другихъ славянскихъ народовъ.

Неутомимый.

Редакторъ: **В. Н. Кораблевъ.** Типографія В. Д. Смирнова.

Поступила въ продажу книга

Проф. Т. Д. Флоринскаго:

Славянское племя.

Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства (съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ). Кіевъ, 1907 г., стр. X+192. Цѣна 2 руб. 50 коп. Продается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина (Екатерининская, 4).

Славянски Гласъ

Органъ на Славянското Благотворително Дружество въ България.

„Славянски Гласъ" има за задача да печати научно-популярни статии по историята, книжнината, етнографията на славянитѣ; да дава извѣстия за съврѣменния политически и културенъ животъ въ славянскитѣ земи и да слѣдва движението на книжнината по славянството. Той дава отчети за дѣятелностьта на Славянското Благотворително Дружество въ България.

„Сл. Гласъ" излиза въ размѣръ отъ 3—3½ печатни коли, голѣмъ форматъ и се издава по една книга на всѣки 2 мѣсеца.

Годишна цѣна за България е 3 л. а за чужбина—3½ лева (фр.).

„Zvěsti"

Извѣстія

Чешско-русскій журналъ, посвященный промышленности, литературѣ и искусству.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ на русскомъ и чешскомъ языкѣ въ Прагѣ (Žižkov, Havličkova ul. č. 19). Подп. цѣна 3 руб. въ годъ.

Редакторъ **I. Alexander.**

Въ книжномъ складѣ Спб. Славянскаго Общества (Звенигородская, 24) продаются

СЛОВАРИ:

Словенско (словацко)-русскій словарь съ краткой грамматикой словацкаго языка (Slovensko-ruský slovnik a skrátena mluvnica slovenského jazyka). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1900, стр. IV+332+15. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словинско-русскій словарь съ краткой грамматикой словинскаго языка (Slovensko-ruski slovar in slovnica Slovenkego jezika составилъ М. Хостникъ. Горица, 1901, стр. XV+377+279. Цѣна 1 руб. 50 к.

Чешско-русскій словарь съ краткой грамматикой чешскаго языка (Česko-ruský slovnik). Составилъ І. В. Ранкъ. Прага 1902, стр. 874+30. Цѣна 12 кронъ =4 р. 80 к., а для членовъ славянскаго общества и **для учащихся—3 руб.**

Русско-словинскій словарь (Rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskego jezika). Составилъ М. М. Хостникъ. V Gorici 1897, стр. X+365+85. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-словенскій (словацкій) словарь (Rusko-slovensky slovnik). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1892, стр. V+366+34. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-сербскій словарь. Составилъ П. А. Лавровскій. Спб. 1880, стр. II+578. Цѣна 2 руб.

Сербско-хорватско-русскій словарь. Составилъ Л. А. Мичатекъ. Спб. 1903 г., стр. 727+58, цѣна 2 руб 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ января мѣсяца на 1908 г.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ)

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ".

Журналъ выходитъ **восемь** разъ въ годъ, въ **послѣднихъ** числахъ каждаго мѣсяца, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Вахтинъ (Новичъ), *А. А. Башмаковъ, К. Д. Бербенко* (Софія), *проф. С. А. Будиловичъ, Л. Л. Васильевъ, И. Я. Вацликъ, О. Вильчинскій, Н. Н. Виноградовъ, прив.-доц. Э. А. Вольтеръ, проф. К. Я. Гротъ, проф. П. А. Гейсманъ, Н. С. Державинъ, П. Д. Драгановъ, А. Ф. Ерковичъ* (Боснія), *П. А. Заболотскій, проф. В. Н. Златарскій* (Софія), *А. А. Кирѣевъ, В. Н. Кораблевъ, В. А. Кракау, проф. П. А. Кулаковскій, А. Л. Липовскій, Л. П. Лобовъ, В. А. Лугаковскій, Э. Э. Лямбекъ, А. Ф. Музыченко, д-ръ Э. Ю. Мука (В. и Н. Лужицы), проф. Вл. И. Никольскій, Н. Р. Овсяный, проф. М. П. Павловичъ* (Бѣлградъ), *проф. И. С. Пальмовъ, прив.-доц. М. А. Полиевктовъ, д-ръ Ив. Пріятель* (Вѣна), *С. А. Радичъ* (Загребъ), *П. А. Ровинскій* (Черногорія), *Св. Ст. Симичъ* (Бѣлградъ), *А. Н. Сиротининъ, А. П. Соловьевичъ, д-ръ Ст. Станоевичъ* (Бѣлградъ), *прив.-доц. А. І. Степовичъ, бар. М. Ф. Таубе, проф. И. П. Филевичъ, С. В. Штейнъ, Ю. А. Яворскій, д-ръ А. И. Яцимирскій и многіе другіе.*

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ 3 руб., для иногородныхъ 3 р. 50 к. и заграницу 4 р. Цѣна за отдѣльную книжку 50 к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются **С.-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ". Николаевская, д. 22, кв. 15.**

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журнала за 1902/3, 1903/4, 1904/5 и 1906 г. высылаются за 3 руб.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній „Извѣстія" рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и допущены Ученымъ Комитетомъ Мин-ва Земледѣлія и Гос. имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Мин-ву учебныхъ заведеній.

Подписка принимается: 1) въ редакціи **„Славянскихъ Извѣстій"**, С.-Петербургъ, Николаевская, д. 22, кв. 15.—и въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, СПБ. Звенигородская, 24.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская, д. 22, кв. 15.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*